

Я. КИСЕЛЕВ

ОСТРОВ БУЯН

Я. КИСЕЛЕВ

ОСТРОВ БУЯН

РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ

**МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987**

ББК 84Р2

К44

Рецензенты *Е. М. Капитонов*,
кандидат биологических наук *В. М. Наумов*

Киселев Я. Е.

К44 Остров Буян. Рассказы, очерки.— М.: Воениздат, 1987. — 256 с.

(В пер.): 1 р. 10 к.

Персонажи рассказов и очерков Якова Киселева, составивших эту его последнюю книгу, относятся к «великому племени рыболовов», как называл этих увлеченных людей Аркадий Гайдар. Многие из них прошли сквозь огонь боев с гитлеровскими захватчиками и, общаясь на водоемах и у рыбацких костров с молодыми, делятся с ними не только тонкостями своего прекрасного увлечения, но и большим жизненным опытом, обостренным чувством заботы о Родине, о сохранении ее природных богатств.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

К 4702010200-137 121—87
068(02)-87

ББК 84Р2

© Воениздат, 1987

НА БЛИЗКИХ И ДАЛЕКИХ ПЛЕСАХ

СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ

На Шекспу мы с Антоном Антоновичем отправились не впервые. Бывали тут зимой и летом, знакомы с местными удильщиками.

Реку эту можно считать рукотворной. На всем своем протяжении — от озера Белого, из которого она выпадает, до Рыбинского водохранилища, куда впадает, — Шексна шлюзована и денно и нощно работает как часть Волго-Балтийского канала. Но рыба здесь водится.

В городе Шексне мы сошли с поезда и едва выгрузили на перрон рюкзаки, рыболовные ящики, ледобуры, прочую свою экипировку, как к нам подошел мальчик, по виду из четвертого или пятого класса, и вежливо поприветствовал:

— С приездом, товарищи рыболовы!

— Спасибо, — поблагодарил его Антон Антонович. — Не скажешь ли, где сейчас можно пообедать?

— Столовая вон за тем магазином с вывеской «Бакалея», — мальчик показал рукой в дальний угол привокзальной площади. — А разве вас не интересует, как сейчас клюет рыба? Руководитель нашего кружка юннатов говорит, что для рыбаков это главное...

— И как же она клюет?

— В последние дни атмосферное давление стало почти нормальным и рыба ведет себя активно, — охотно делился мальчик сведениями, услышанными в кружке, имев-

шем, как видно, ихтиологический уклон. — В Шексне есть окунь, плотва, налим, язь, щука, лещ, белоглазка...

Мы еще раз поблагодарили мальчика, помянули добрым словом юннатский кружок и его руководителя и отправились в столовую.

Антон Антонович явно повеселел: прямой, общительный, любящий шутку, он всегда радовался проявлению внимания, уважения, особенно со стороны детей. Вот и теперь он несколько раз оборачивался, чтобы махнуть мальчику варежкой.

Одно время Антон Антонович увлекался Сервантесом, даже при случае цитировал испанского классика. Тогда его в шутку величали Дон Кихотом. Увлечение давно прошло, но прозвищем друзья нет-нет да и пользовались. Наверно, в привычках и убеждениях самого Антона Антоновича находилось сходство с бессмертным героем Сервантеса. Честность, благородство, готовность прийти на помощь другому — все это у Антона Антоновича было в натуре и уживалось с тем, что он не терпел компромиссов, мерял всех на свой моральный аршин, отчего нередко попадал в курьезное положение. Чем не Дон Кихот?

Однако Антон Антонович оставался вполне современным человеком, реалистом до мозга костей. На фронтах Великой Отечественной войны он сражался не с ветряными мельницами, а с фашистами, и сражался отлично. Это подтверждали многие ордена и медали, которыми он был награжден.

Как бывшие фронтовики мы с ним и познакомились, а потом и подружились в многолетних своих близких и дальних рыбацких поездках и походах.

Антон Антонович — отличный рыболов, но и он, как это бывает со всеми из нас, в поединках с щукой или сазаном иной раз терпел поражения. Унывать от этого он не унывал, но уроки извлекал: разнообразил поиск, что-то придумывал или перенимал от более удачливых своих товарищей.

Как-то глубокой ночью я поднялся с постели на телефонный звонок и услышал голос Антона Антоновича:

— Я тебя, может, разбудил?

— Да нет, что ты, — успокоил я друга, хотя за спиной стояла всполошившаяся жена. Узнав, кто звонит, она буркнула что-то нелестное в мой и его адрес и ушла досматривать сны.

— Нет ли у тебя фанеры? — спросил Антон Антонович. — Мне срочно совсем немного понадобилось.

Я ответил, что фанера у меня есть, и поинтересовался, зачем она требуется.

— Собираюсь на рыбалку поехать, — ответил Антон Антонович. — Жерлички поставлю.

— Ну и что?

— Как что? Разве ты жерлички Петра Герасимовича не видел?

Мне пришлось признаться, что не только жерлички, но и самого Петра Герасимовича я не видел.

— Неужели? Так я к тебе приеду и все досконально расскажу. Сейчас только четыре часа? Тогда, значит, поеду в пять — с первым трамваем. Он от меня к тебе не ходит? Тогда я в шесть поеду — с первым поездом метро. Нет, лучше пешком пойду. Всего сорок минут и потребуется-то — я уж сколько раз ходил.

Действительно, через сорок минут он был у меня и показывал жерличку Петра Герасимовича, которого знал как начальника ветеринарной службы той дивизии, в которой и сам когда-то служил. Жерличка действительно заслуживала высокой похвалы: легкая, надежная, простая и удобная. Можно было смело сказать Антону Антоновичу: все созданное до нее для зимней ловли хищников — громоздко, сложно и ненадежно.

Мы расположились на кухне и, несмотря на совершенно непонятное ворчанье домочадцев, стали пилить, сверлить и строгать. Ко времени, когда надо было уходить на службу, мы сделали по десятку таких чудо-жерлиц.

Домочадцы потом соглашались с моей оценкой жерлички Петра Герасимовича, но никак не могли понять, почему делать ее нужно обязательно ночью. Что ж, они все еще не доросли до понимания того, что такое рыбацкая взаимопомощь.

В ту поездку, о которой я начал разговор, мы от Шексны на попутной машине добрались до деревни с красивым названием Ирма и поселились у доброй и приветливой старушки, которая давно нас знала.

На следующее утро отправились рыбачить. Пересекли хозяйкин огород и спустились с крутого берега, густо поросшего молодым ольшаником. Здесь начинается небольшая, но довольно глубокая заводь. Немного дальше узкой протокой в Шексну выходит Поповское озеро, о котором шла молва, как о месте щучьих стоянок.

Вначале клевал окунь, изредка — плотва. Через час поклевки стали реже и реже. Мороз крепчал, ветер от него не отставал, и все чаще, положив удочку около лун-

ки, я исполнял танец. Со стороны он, наверно, походил на что-то среднее между медленной чечеткой и быстрым фокстротом. Во всяком случае все было: и притопывание, и приседание, и прихлопывание, и повороты. Наконец мне это надоело — ведь мы приехали удить рыбу, а не ублажать ее танцами. Забросив за спину ящик и положив на плечо ледобур, я зашагал к Поповскому озеру.

Оказалось, что все рыболовы уже здесь. Склонившись над лунками, они старательно работали короткими удочками. Меня удивило, что надо льдом и заснеженными берегами неслась ритмичная музыка. Я направился на звуки и в одном из тальниковых закоулков увидел такую картину: рядом с Антоном Антоновичем сидел парень, судя по стоявшей рядом пешне — местный, а между ними, прямо на льду, стоял магнитофон.

— Похоже, музыкой рыбу созываете?

— А ты не шути — это дело серьезное: под такую музыку блеснить легко, — отозвался Антон Антонович. — На пленку она записана так, что темп удачно меняется и есть паузы.

Я просверлил лунку неподалеку от Антона Антоновича и стал ловить на мормышку. Вскоре клюнул окунь, которого я сначала не решился взять в руки. Он подпрыгивал около ящика, а я все смотрел и смотрел на него. Выглядел он как-то странно: губы и лоб были не темные, как у всех его собратьев, а ярко-желтые и оранжевые. Антон Антонович заметил, что я не беру окуня, и сказал:

— Все в порядке — он здоровый.

А сидевший рядом с ним парень, владелец магнитофона, добавил:

— По берегам ольхи много затопили. Окунь ищет корм в трещинах ее коры, вот и разукрашивает себя — ведь в ней много красителя.

Вскоре на льду появился Мишка Поползень — известный в Шексне лентяй и выпивоха. Проходя мимо Селивановны, первой местной удильщицы, он неуклюже пошутил:

— Что это вы, бабуля, ледобуром шумите? Рыбка тишины хочет в такую рань...

Тот же парень посоветовал:

— Вы его, Селивановна, немножко погладьте по спине ледобуром. Болтлив он...

— Зачем же, может, он поухаживать за мной собрался? А рыбке, внучок, давно вставать надо, ей обедать пора. Ты зачем на лед пришел?

Поползень не стал отвечать, а открыл свой затасканный чемоданишко, служивший ему во все сезоны, и похвастался:

— Вот как надо ловить!

Те, кто был невдалеке, увидели солидных подлещиков.

— Говорят, ловись, рыбка, большая и маленькая, — разглагольствовал Мишка. — А к чему мне маленькая? Мне подавай большую, вот как эта. Так-то!

Все молчали, только Антон Антонович поинтересовался:

— На что ловил, Миша?

— Известно на что — на свою насадку.

— Если не секрет...

— Какой может быть секрет между своими людьми, — продолжал свой треп Поползень. — Очень просто — в кашу добавляю валидол. Вон тот небось всегда его с собой таскает, — Мишка указал на сидевшего в стороне старика.

Тут все возмутились: намекаешь сердечнику на валидол! Селивановна, хорошо знавшая Поползня, скомандовала:

— Ну хватит. Переворачивай чемодан.

— Ловил только на удочку, — стал оправдываться Мишка.

— Переворачивай!

— Ведь как говорят: лучше маленькая плотва на крючке, чем большой лещ в озере, — выкручивался Мишка. — Да и все знают, что маленькая рыбка слаще большого червяка.

Все же ему пришлось подчиниться, и мы увидели кучку мелкой плотвы: в чемоданишке ее прикрывали положенные сверху три подлещика.

— Улов — сто голов, — отозвался Антон Антонович.

— Муркина рыба, — в тон ему добавил парень.

Затем Антон Антонович стал отчитывать Мишку:

— Ты, оказывается, рыбьих младенцев уничтожаешь. Сейчас же убирайся от нас. Стыдно на таком водоеме губить мальков!

Мишка поспешно собрал рыбешку и поплелся к берегу.

Долго ли, коротко ли мы ловили после его ухода, но клев успел разгореться, а потом потухнуть. Тогда начались воспоминания. Особенно отличался в этот раз Антон Антонович. Он рассказывал с юмором о своей молодости.

— Стала меня Маша собирать на первую после женитьбы рыбалку, — вспоминал он. — Пошла в магазин за продуктами, а что купить — не знает. Спросила продав-

щицу, а та ей сказала, что рыбаки перед выездом обязательно геркулес покупают и только им, наверное, кормятся. Ну Маша целую пачку в рюкзак и положила. Я обнаружил ее, когда уже на базу приехал. Спасибо друзьям — поделились со мной продуктами, а то голодным бы остался. Долго Маша мою рыбацкую душу не могла понять. Однажды очень поздно домой приехал, она спросила: «Почему так? Ведь к семи обещал вернуться!» «Клевала рыба хорошо, — ответил я. — Не бросать же ловлю». А в другой раз, когда тоже опоздал, снова вопрос: «И сегодня хорошо клевала?» «Нет, сегодня рыба клевала плохо, — объяснил я. — Вот и ждал, когда ей это надоест».

Собравшиеся около нас рыбаки слушали байки Анто-на Антоновича, а вспоминали свое — с кем из нас подобное не случилось?

— Бывало, Маша посмотрит мне в глаза внимательно-внимательно, а потом улыбнется и назовет чудачком, — продолжал Антон Антонович. — А однажды я сказал ей, что лед стал железным и мне пора ехать за лаптями. «Железного льда не бывает, — серьезно поправила меня Маша. — И лаптей тебе не нужно — есть болотные сапоги, еще вполне приличные». Конечно, пришлось разъяснить ей, что железный лед — тот, который толще пяти сантиметров, а лапти в нашем понимании не устаревшая обувь, а крупные окуни.

Воспоминания Антону Антоновичу пришлось прервать: вдруг по всему озеру опять начался клев, да еще какой — бешеный. То и дело слышалось:

— Сойди! Сойди!

Конечно, никто никому не хотел такой неприятности. Такое пожелание произносят из благих побуждений: рыба якобы из-за упрямства ни за что не захочет сойти с крючка. Есть рыбацкая гипотеза, что это бытует с эпохи палеолита: еще тогда соседи по пещере произносили такое заклинание в расчете, что с ними поделятся добычей. Вполне возможная вещь. Ведь и тогда были люди везучие и невезучие, а о синтетических лесках и кованых крючках никто и мечтать не мог.

Потом зашагал к берегу какой-то новичок, огорченный неудачей своего первого в жизни зимнего выезда. Он на ходу жаловался:

— Если бы не сказали, что рыбалка — удовольствие, я бы подумал, что это — каторжная работа.

Чтобы как-то утешить его, Антон Антонович поддакнул:

— И после всех этих страданий домашние еще смеют ворчать, что наша рыба мелкая, что она костлявая...

— А что вы поймали? — поинтересовался новичок.

— Да как вам сказать... — Антон Антонович решил, что новичку достаточно будет и старой хохмы: — Мелочь-то я отпустил, а крупную уложил в баночку из-под майонеза.

Неофит обиделся и отошел, а Антон Антонович что есть силы закричал:

— Багор!

Мы с парнем-соседом, захватив багорики, подбежали к нему. Антон Антонович навернул леску на руку и потянул, упираясь ногами в слежавшийся снег. Вытащил он... ершика, и все рассмеялись, даже неудачник новичок.

Раз клюнул ершик — ловлю надо бросать, и мы тоже отправились в деревню. Шагая рядом, Антон Антонович философствовал:

— Что такое лунка? Дырка во льду! Однако я на нее столько часов смотрел, к ней так привык. Она отблагодарила меня — дала хороших окуней. И я еще приду сюда, опять стану ловить из нее. Но ведь наступит весна, и лед растает. Жаль! Так жаль!

В это время на берегу остановился голубой микроавтобус, и тут же из него вывалилась припозднившаяся компания удальцов. Они на ходу забрасывали ящики на спины и разворачивали ледобуры. Ни один из них не задержался около нас — все чуть ли не бежали к противоположному берегу. Удивления это не вызвало. Они придерживались обычного правила: прибыв на водоем, надо, не щадя ног, топать к противоположному берегу. Если бы они приехали с той стороны, то шагали бы, не жалея сил и времени, к нам. Почему? Как почему — разве не ясно, что на противоположном берегу, вообще подальше, рыба ждет не дождется рыболовов? «Надо знать рыбака-подледника, — свидетельствует известный писатель Михаил Алексеев. — Он почему-то думает, что чем дальше уйдет от жилья по речке или по озеру, то тем более преуспевает в деле. Чаще всего он уходит от рыбы, а не приходит к ней, тем не менее горький этот опыт, проверенный десятками лет, ничему не научил подледника...»

Клев как начался, так же вдруг и прекратился по всему озеру. Первыми со льда в Ирму направились местные удильщики братья А. и Б. Уклейкины. А. Укле-

кин, отличавшийся постоянством привычек, был прозван единолуночником в противоположность своему брату — многолуночнику. Про второго Уклейкина в деревне говорили так: была бы у него сила — он после удачной рыбалки все лунки унес бы с собой.

Петь дифирамбы лунке пытались и наши спутники. Парень с магнитофоном считал, что называть ее просто дыркой слишком прозаично. Сошлись на том, что лучше считать ее мини-иллюминатором, через который наш брат, рыболов, зимой общается с подводными обитателями. Вспомнили, что и лунке нашлось место в большой литературе. О ней говорил, например, писатель-сатирик М. Семенов: «Лунка является предметом личной собственности, хотя и эфемерным. Занять лунку, прорубленную соседом, равносильно совершению кражи, хотя подобные случаи бывают. И происходят они потому, что, уходя домой, вы не можете захватить вашу личную лунку или хотя бы навесить на нее замок...»

Это была обыкновенная рыбалка — не очень успешная, но и не пустая. Мы не огорчались, что счастье в лунке появлялось не так уж часто: ведь мы ловили не там, где нога удильщика в последний раз ступала сотню лет назад, скажем, во времена Аксакова или Сабанеева. Всему свое время.

ГРУЗИЛА ИЗ ПУЛЬ

Память о минувшем

Мы ползли вдвоем — я и сержант Ежевикин. Считалось, что ползем по какому-то очень длинному корпусу завода «Красный Октябрь», а в действительности по тому, что от него осталось. Иногда встречалась опрокинутая вагонетка или куча изувеченных конструкций. Сержант полз в нескольких метрах за мной.

Пролом в стене, за которой начинались наши окопы, был уже недалеко, когда раздался сильный взрыв. Я не понял, что это было — бомба или снаряд: воздушная волна подняла меня и бросила в угол. Здесь на металлических балках когда-то возвышалась, судя по всему, цеховая контора, но стенки ее снесло, остался только пол. На нем лежали синьки, какие-то чертежи, груды накладных. На них-то я и упал. Не вставая, ощупал себя — сначала голову, потом грудь, ноги — и понял, что цел.

— Товарищ капитан! — крикнул снизу Ежевикин.

Я поднялся и, прихрамывая, стал спускаться к нему по узенькой лесенке без перил.

— Меня тоже не зацепило, — сообщил сержант.

И мы опять стали пробираться к пролому в стене.

Бои в цехах этого предприятия шли круглые сутки и были исключительно ожесточенными. Не считаясь с огромными потерями, фашистское командование бросало в бой все новые и новые подразделения. Большие потери несли и мы. Наконец от части осталось лишь 64 человека, все мы были ранены или контужены и получили маленькие квадратики бумаги с печатью — пропуск на ту сторону Волги. Когда стемнело, мы стояли у речного уреза, под обрывистым берегом. Комендант переправы говорил:

— Через полчаса придет баржа и примет половину раненых, другие переправятся со следующей баржей. Кому надо переправиться первым, прошу подойти ко мне.

Среди первых был и я. Мы переправились благополучно. Правда, над баржей все время висели фашистские «лампады» и было светло как днем. С десятков снарядов разорвалось неподалеку, обдав нас холодными брызгами и простучав осколками по бортам.

Остальным из группы не повезло. Вторая баржа задержалась: на нее погрузили не только раненых, но и тяжелые орудия. Когда буксир дотянул ее до середины Волги, совсем рассвело и налетели «юнкерсы». Мы видели, как в баржу попали две бомбы. Она затонула всего за какую-нибудь минуту.

Над Сталинградом тянулась широкая и длинная полоса черного-пречерного дыма — горела нефть. То в одном, то в другом месте вспыхивали огненные букеты: рвались бомбы, снаряды, мины...

Остатки дивизии, в которую входила наша часть, отвели на переформировку. По прибрежной дороге мы поднялись почти на сотню километров. Затем опять переправились на западный берег Волги и остановились в лесочке. Его заливали все цвета поздней осени — от бледно-розового и светло-желтого до багрового и густо-коричневого. Среди лесочка петляла Зензиватка. Омуты на ней чередовались с перекатами — идеальная речка для ужения.

Первую ночь я спал под какой-то старой березой. На второй день нашел пробитый осколком вражеский резиновый понтон, располосовал его и сделал шалаш. В нем хватило места не только мне, но и сержанту Ежевикину.

Неделю нам дали отдохнуть, да с неделю поджидали пополнение. Сержант так и не сказал мне, где достал две

волосяные лески, два шнура и несколько крючков. Из молодых березок мы вырезали удилища, из старой куги сделали поплавки, а грузила — из пуль автомата и начали ловить рыбу.

После первого же заброса я поймал довольно большую красноперку. Блеснув золотистым боком, она с ладони соскользнула в ведро. Я посмотрел на нее, и в памяти всплыли не такие уж далекие тогда детские годы. Пришло какое-то теплое чувство, на душе стало хорошо. Я перевернул ведро, красноперка нехотя, не веря своему счастью, поплыла вглубь.

А из детства в глазах моих стоял заветный затон. К этому затончику Камы пробирались только мы: Петька Кислицын, второй Петька — внук деда Маслова и я. Попытки взрослых пробиться к нему всегда оканчивались неудачей: болотистая трясина на пути к затончику их не выдерживала — могла затянуть, и взрослые возвращались. Пробраться сюда на лодке тоже не удавалось: затончик скрывался за густой полосой высоченной осоки.

По затону мы разъезжали в крепко сколоченном и хорошо просмоленном ящике, прибитом к двум бревнам. Это чье-то сооружение занесло сюда половодьем. Весел не было. Впрочем, они и не требовались — мы вполне обходились шестами. После долгих споров находку окрестили «Наутилусом».

К июлю большинство окон среди рдеста и элодеи заглохло. Мы выкашивали их подобранной на свалке ржавой и зазубренной косой. В окнах клевала красноперка и лишь изредка окунь: видать, он забредал сюда случайно. На своем «Наутилусе» мы плавали очень осторожно, стараясь не делать даже малейшего шума. Тогда же убедились, что ловить надо лишь в тех окнах, в которых не видно дна, иначе рыба клевать не станет.

Навозного червя, подброшенного на длинном ореховом удилище, красноперка брала уверенно. Другой насадки мы тогда не знали. Если клев затихал, делали так: подводили червяка к самому краю окна, и поплавок уходил ко дну. И вообще мы ловили «по всем правилам искусства», как говорил капитан «Наутилуса» Петька Кислицын. Сколько счастливых дней мы прожили под его началом, а ведь он был всего на полгода старше нас!

Видимо, тогда и зародилось у меня к красноперке, этой красивой рыбе, какое-то теплое чувство, непередаваемое словами, а встреча с ней на Зензиватке, наверно, воскресила это чувство.

Вскоре прошел сильный дождь, и вода в речке помутнела. Дня два спустя Ежевикин нашел плоскодонку, принесенную откуда-то с верховьев течением. Весел в ней не оказалось. Используя вместо них палки, я перебрался на тот берег, остановился около стенки камыша, за которым проглядывал тальник. Лишь только грузило коснулось дна, последовала уверенная поклевка. Опять красноперка! После второй пришлось сменить место. Так повторялось несколько раз. Порой грузило не успевало достичь дна — красноперка хватала тонущую насадку.

Иногда попадалась крупная чехонь — рыба тоже очень интересная. У нее несколько названий, но чаще ее зовут саблей. И действительно, чехонь плавает очень быстро и тогда похожа на серебряную саблю, которая, сверкая, рубит направо и налево. Тот, кому довелось щипать лучину, увидев чехонь, согласится, что ее можно назвать косарем. Это тоже очень меткое название: кажется, возьми рыбу чуть повыше хвоста и будешь иметь в руке сверкающий косарь. У чехони есть и еще несколько названий: саблюка, коса, бешенка.

Пожалуй, по форме тела это одна из самых оригинальных рыб наших водоемов. Она плоская и вытянутая, чем довольно похожа на сельдь. Чешуя крупная, легко спадает. Рот задран кверху, наверно, даже больше, чем у уклейки. Благодаря этому чехонь легко собирает упавших на воду насекомых. Чтобы схватить их, она порой даже выскакивает из воды. От других рыб ее можно отличить хотя бы только по грудным плавникам — они очень длинные, заострены и напоминают плавники летучей рыбы. Ихтиологи подсчитали, что у чехони вес мышц, приводящих в движение грудные плавники, превышает четыре процента веса тела. Насколько это много, видно хотя бы из того, что у леща, скажем, вес этих мышц составляет меньше процента. Грудные плавники чехони работают примерно так же, как и у летучей рыбы, но не поднимают ее в воздух. Бросается в глаза, что боковая линия у нее извилистая, а брюшной киль заострен.

В рыболовной литературе существует несколько пренебрежительное отношение к чехони, до революции некоторые авторы вообще о ней не упоминали. Избалованный ловлей лососей на заграничную снасть, барин смотрел свысока не только на чехонь, но и на тех, кто ее удил.

В народе же эта рыба всегда пользовалась уважением, порой очень большим. В старину в Самаре ежегодно в определенный день праздновали «Проводы чехони». Это

ваключалось в том, что местные жители целыми семьями отправлялись на Волгу, с самоваром и гармошкой. Происхождение праздника теряется в глубокой древности и вызвано тем наблюдением, что около этого времени чехонь, вообще очень обильная, куда-то исчезает.

Если вам кто-либо скажет, что чехонь — пустяковая рыба, не верьте ему: он или никогда не ловил ее или просто-напросто желчный человек. Правда, она несколько костлява, но мясо ее содержит около трех процентов жира, оно мягкое и нежное. Чехонь годится и для вяления и для копчения. Когда-то она шла на расстегаи — говорят, они были очень хороши.

Однажды мы с Ежевикиным отправились искать новые места. Но нашли, да и то случайно, только одно — спрятавшуюся за жиденькой стенкой камыша заводь, на берегу которой, напротив друг друга, росли два мощных осоко́ря. Они будто обнимались ветвями над водой и не пропускали к ней света.

— Наверное, отсюда тянется протока, — предположил сержант. — Если так, то путь до шалаша можно сократить.

Разогнав лодку, он с ходу прорвал камышовую стенку. В сотне метров от нее заводь покрывал толстый слой пригнанных ветром плавающих водорослей. Они тянулись на полсотню метров, а дальше виднелась такая мощная стена камыша, что через нее мы не рискнули пробиваться.

Прошуршав по водорослям, лодка остановилась. За борт пошла донная снасть. Ее пришлось не просто опускать в воду, а подбрасывать: без этого она не могла пробить слой водорослей.

Когда грузило легло на дно, оказалось, что в заводи мелко — всего метр. Однако в тот же момент мой палец ощутил знакомую поклевку, и в ведро пошла красноперка. Пока Ежевикин готовил свою снасть, я поймал еще две штуки. После этого клевать перестало, и мы применили испытанную тактику: переместили лодку на несколько метров. Сержант ловил с носа, я — с кормы. Мы поймали еще пяток красноперок, потом все повторилось несколько раз.

Так с красноперкой на всю жизнь у меня связались эти два воспоминания: детское и военное.

Почему она носит такое имя?

Плавники этой рыбы окрашены в ярко-красный цвет. И удильщики, и промысловики нередко называют их перьями. Отсюда и пошло название — рыба с красными перьями.

ями, красноперка. Впрочем, в разных краях страны ее называют неодинаково: червоноперка, красноперая плотва, краснокрыл. Потом я узнал, что и в других языках название этой рыбы образуется таким же путем.

Яркая окраска плавников и темно-золотистые бока делают ее одной из красивых рыб наших вод. А чего стоят глаза! Они — оранжевые, с красным пятнышком в верхней части.

Дни отдыха вскоре кончились. Как-то к нашему шалашу пришел начальник политотдела и спросил:

— Нарыбачились, капитан?

— Так точно, товарищ полковник.

— Пора и за дело — завтра прибывает пополнение.

И ГРОХОТ НЕ ПОМЕХА

Из Череповца, молодого тогда индустриального центра, я пароходом добрался до Кривецкого лесосплавного рейда. Это — огромное и своеобразное предприятие на реке Суде: здесь проверяют проекты специалистов сплава. Неудивительно, что я увидел здесь много интересного. Чего стоит, скажем, картина у запани, где собирается лес, плывущий по течению моём — каждое бревно само по себе. Около нее они скапливаются — река перегорожена металлической сеткой. Бревна как бы оживают: под напором одних другие выползают вверх или на берег. Они все время находятся в небольшом движении — укладываются поудобнее. Под их напором толстенные, в руку, стальные тросы растягиваются, порой кажется, что они вот-вот лопнут. Постепенно бревен становится меньше — их пускают к сплоточным агрегатам.

На рейде я пробыл два дня, под грохот и скрежет агрегатов ловил лещей и язей. Как же так? Ведь эта рыба любит тишину. А очень просто: когда из нескольких бревен толстой проволокой вяжут пучок, часть коры отваливается и живущие под ней личинки выпадают в воду. Язи и лещи к этому так привыкли, что приходят именно в то время, когда агрегаты начинают работать, хотя и кажется, что вся рыба, как говорится, должна удирать без оглядки. Здесь я видел интересную встречу двух рыболовов.

По крутому берегу спускалась брюнетка лет сорока. Она была довольно хороша собой: смуглый цвет лица, огромный клубок слегка выующихся волос, правильный про-

филь. В движениях, несколько похожих на мужские, чувствовалась уверенность. На плече у нее лежало удилище. Было еще рано, и сплоточные агрегаты не работали. Женщина стала разматывать леску, но, услышав хруст гальки, обернулась. По берегу к ней бежал пожилой человек и улыбался.

— Здравия желаю, товарищ капитан медицинской службы! — отрапортовал он.

Женщина смотрела на него с удивлением.

— Сержант Голубев. Осколочное ранение в левое плечо. В балке оперировала?

— Так точно!

Начались воспоминания, но вскоре женщина озабоченно прервала их:

— Сейчас самое время клева. Давайте ловить.

— Что вы, товарищ капитан...

— Ольгой Андреевной меня...

— Помню, помню, а меня Глебом Прокофьевичем зовут. Я тогда после госпиталя демобилизовался и сюда приехал. Сапожничаю. А вы какими судьбами?

Ольга Андреевна ответила, что приехала к сестре погостить, и опять предложила начать ловлю.

— Через полчаса начнет клевать, — сказал Глеб Прокофьевич. — А точнее — через двадцать шесть минут.

Ольга Андреевна улыбнулась:

— А вы не смейтесь — точно говорю.

Через двадцать шесть минут начали работать сплоточные агрегаты.

Признаться, тогда я глядел не столько на поплавки своих удочек, сколько на двух фронтовиков, так непохожих друг на друга. Они забрасывали снасти прямо под сплоточные агрегаты и ловили успешно. Он несколько раз пытался помочь ей — то подцепить рыбу подсачком, то снять добычу с крючка, — но она каждый раз слегка ударила его по руке и смеялась.

ОХОТА НА САЗАНА

Один из самых широких рукавов волжской дельты называется Бузаном. Собственно, это настоящая река — полноводная и судоходная. Она начинается километрах в пятидесяти выше Астрахани, часто разветвляется, поворачивает то на запад, то на восток и наконец многочисленными протоками впадает в Каспий. Считают, что, где Бузан отделяется от Волги, там и начинается ее дельта.

Мы второй день спускались по Бузану, временами останавливаясь, чтобы порыбачить. В полдень на зеленом бугре увидели шалаш из старых стеблей кукурузы и кусков толя. Моторка ткнулась в берег неподалеку от него. И в тот же момент из шалаша вышел пожилой человек в новеньких джинсах и вылинявшей гимнастерке, на которой темнели пятна от орденов и медалей. Он представился Елизаром Назаровичем, сторожем колхозной бахчи, и со вздохом сообщил, что носить джинсы его упросил внук.

— Чем дряннее эти штаны станут, тем, видите ли, лучше. Вот до осени и буду носить, потом верну ему, — словно извинялся за свой наряд сторож. — Не понимаю я современной моды.

Бахча тянулась и влево, и вправо. Всюду, куда хватал глаз, лежали небольшие с белыми полосками арбузы, ждавшие уборки.

— Продадите? — спросила жена.

— Пожалуйста, — ответил Елизар Назарович.

— Почему?

— Рубль.

— А весы где?

— Они не нужны.

— За что же платить рубль?

— Да за арбузы: сколько один из вас поднимет.

— В рюкзак можно?

— Хоть в вагон, если в руках удержите. Так собрание решило: на копейки не размениваться, а больше рубля с человека не брать.

В рюкзак Антона Антоновича вошло пяток арбузов. Когда он протянул рублевку, Елизар Назарович вынул из кармана джинсов правую руку. На ней оказался один единственный палец — большой. Сторож взял им рублевку и сунул в карман гимнастерки. Мы удивились, замолчали и почувствовали себя неловко.

— Граната разорвалась, вот из десяти и остался один. — Сторож вынул из кармана левую руку — она была вовсе без кисти.

Он рассказал, что свой боевой путь окончил в Сталинграде. Вместе с отделением занимал оборону в каком-то цехе тракторного завода. Здесь наши окопы тянулись всего в нескольких метрах от фашистских. То и дело вспыхивали рукопашные схватки, в ту и другую стороны летели гранаты. Нередко Елизар Назарович ловил не-

мецкие «колотушки» и успевал бросить обратно. Но однажды замешкался, и граната взорвалась у него в руках.

— Ничего. И с одним пальцем жигь можно. Колхоз на меня не в обиде — летом вот сторожем работаю, а зимой по хозяйству: то доску прибить, то за сеном съездить. Не верите?

Елизар Назарович сходил в шалаш, принес иголку с ниткой, достал из кармана гимнастерки оторвавшуюся когда-то пуговицу и тут же пришил ее. Потом старый солдат спустился к воде, вытащил из кустов длинную удочку с блесной на леске, ловко забросил ее, потянул вдоль камыша и на третьем разе вытащил большого окуня. Не снимая с крючка, он подал его мне и весело сказал:

— Может, сам-то не поймаешь, так этот пригодится.

Нам оставалось только поражаться жизненной стойкости ветерана.

Антон Антонович спросил его:

— А не скажете, где можно сазана половить?

— Смотря чем ловить...

— Удочками. Больше ничего у нас нет. Показать?

— Не надо — они у любого браконьера есть: он ими не ловит, а держит на видном месте. Ты лучше ответь на мой вопрос.

Елизар Назарович присел, и мы увидели: шея у него так загорела, что стала шоколадной.

— Вопрос такой. Есть пословица: «Хороший рыбак должен по клеву знать, что рыбу сазаном звать». Чуешь?

— Чую, — Антон Антонович улыбнулся. — Сказать, как он клюет? Если не отвечу, значит, удочкой не ловлю?

Елизар Назарович кивнул.

— Характер поклевки любой рыбы зависит не только от ее нрава, устройства снасти, но и от вида насадки, — нарочито академически стал отвечать Антон Антонович. — Если сазан голоден, поклевки обычно бывают в виде резкого рывка. Поплавок вздрогнет и тут же скроется под водой. Это иногда происходит так быстро, что не успеваешь схватить удилище...

— Вишь ты, как по писаному шпарит, — сразу разгадал эту дурашливость Елизар Назарович и повернулся в мою сторону: — Однажды я ловил в том месте, куда вас хочу послать. Поклевок было много, а подсекать не успевал: шесть поклевков — одия сазан. Потом заметил, что у трех сазанов из пяти крючок впился не в рот, а

снаружи, будто я их багрил. Скажи ты мне, ради бога, почему так получалось?

Ясно было, что старик и меня решил проверить, притом задал хитрый вопрос.

— На что ловил? — спросил я.

— Известно на что — на червя.

— Насаживал его не целиком — оставался большой свободный конец. Сазан брал в рот эту часть червя, тянул, ты подсекал.

— Сдаюсь, — сказал Елизар Назарович и рассмеялся. — Всякий народ сюда приплывает. Извините, что проверку учинил: должность у меня такая.

Из заднего кармана джинсов он вытащил красную книжечку, протянул ее, и мы прочитали оттиснутые золотом слова: «Общественный инспектор рыбоохраны». Повыше блестел Государственный герб.

— А хорошие сазаньи места есть на ерике Глубоком. Как найти? Сейчас станете по Бузану спускаться. С километр отсюда он сворачивает влево, а прямо, на мысу, стоит брошенный домишко. Вы там не задерживайтесь, плывите мимо, а через три километра причаливайте. Ерик Глубокий там параллельно Бузану течет, потом впадает в него...

Дальше мы плыли молча, под впечатлением встречи с этим сильным и жизнерадостным человеком. Какое большое несчастье выпало на его долю, как много ему надо воли и упорства, чтобы встать в строй, жить радостно и приносить пользу людям.

Почему мы решили поохотиться на сазана? Да потому, что он очень сильный, а это делает поединок с ним захватывающим. Такое удовольствие могут доставить всего несколько рыб. К тому же сазан довольно красив. Есть страны, где его название по-русски означает «красавчик». Точную и яркую художественную характеристику сазану дал Эдуард Багрицкий:

Закованный в бронзу с боков,
Он плыл в темноте колеи,
Мигая в лесах тростников
Копейками чешуи.
Зеленый огонь на щеке,
Отвисли косые усы,
Зрачок в золотом ободке
Вращается, как на оси.

Через километр действительно показался мыс, а на нем, среди кустов, чернел домик.

Отплыв от мыса километра три, мы увидели две склонившиеся навстречу друг другу ивы. Они образовали живописную арку, их нижние ветки купались в воде. Однако ерика Глубокого не нашли. Поймали около этих ив двух судаков на обед и ужин. На ночь ввели моторку в какую-то бухточку. Спали крепко, но перед рассветом меня разбудили волны, бившие в борт моторки. Я приподнялся и в лунном свете увидел удалявшийся буксирчик.

На другой день мы нашли ерик. Оказалось, что проливчик к нему зарос густой осокой. Она-то его и маскировала.

Глубокий тянулся прямо, будто канал, и был действительно глубоким. Вдоль его левого берега рос высоченный камыш, а вдоль правого через каждые 20—25 метров высились огромные, видно, очень древние ивы. Поставили моторку, закинули донки. Поклевок ждали долго — почти до обеда, но так ни одной порядочной рыбы и не увидели.

На следующий день разработали такой план: подняться вверх по Глубокому километров на пять, а спускаться с выключенным мотором, чтобы не пугать сазана. План удался: в нескольких местах мы заметили цепочки из поднимавшихся к поверхности воздушных пузырьков — верный признак присутствия сазанов. В одном из таких мест и начали ловить.

Вываживание сазана, сильной и хитрой рыбы, — дело сложное. После подсечки он так тянет, что удержать его можно, если снасть достаточно надежна. Сазан старается уйти в сторону, под коряги, ветви свалившихся с берега деревьев. Пускать его туда нельзя: за что-нибудь так замотает леску, что ее обязательно придется рвать. Бывает и так: видя, что уже ничто не помогает, сазан бросается к лодке, проносится под ней и старается рывком оборвать леску, что ему часто и удается. Случалось, леска ослабнет, подматываешь ее на катушку, а сазан, оказывается, находится рядом: он обернул леску вокруг якорной веревки. Смотришь на него, он — на тебя. Что делать? Выход один — поднимать сазана вместе с якорем.

У сазана огромная заслуга: став домашним, он превратился в карпа — пожалуй, самую распространенную прудовую рыбу. Поражает его плодовитость. Еще древние римляне чтили карпа как символ плодородия, посвящали его Венере Кипрской — отсюда его латинское наз-

вание «кипринус». По причине своей быстрой размножаемости карп даже попадал иногда в немилость.

В самом начале шестидесятых годов нашего столетия власти австралийского штата Виктория распорядились уничтожить всех карпов. Чем был вызван этот гнев? Тем, что карпы, в свое время завезенные из Европы, размножились в таком огромном количестве, что стали грозой местных вод. Сильно расплодились они и в водоемах других штатов, поэтому власти Австралии пригрозили, что станут сурово наказывать каждого, кто привезет эту рыбу из других стран.

Еще раньше карп пережил трагедию в Китае. Правивший в 627—649 гг. очень самолюбивый и глупый император Ли Шиминь узнал, что первый иероглиф его божественного имени означает также карпа. Этого оказалось достаточно, чтобы император впал в невероятный гнев, приказал уничтожить всех карпов и запретил их разводить. Нелепый закон привел страну к продовольственным трудностям — ведь карпа выращивали во многих водоемах.

А вот в Японии карпу очень повезло — здесь он стал символом мужества и отваги. Лет триста тому назад в этой стране родился обычай, который и сейчас еще не забыт. 5 мая отмечают праздник — День детей, на котором особое внимание уделяют мальчикам. В этот день в садах и огородах родители устанавливают высокие бамбуковые мачты, к верхушкам которых привязывают «порхающих карпов» — воздушные рукава, напоминающие по форме эту рыбу. В современных городах, где преобладают высокие дома, «порхающих карпов» японцы прикрепляют к окнам или крышам. Друг от друга они отличаются цветом и размером. На каждого мальчика приходится один «порхающий карп». Для самого большого мальчика вывешивают и самого большого «карпа». Иногда он бывает длиной до четырех метров...

Возвращаясь, чтобы попасть на реку Быструю, где водится крупный жерех, мы завернули к Елизару Назаровичу. Он искренне обрадовался, что охота на сазана прошла успешно. Мы подарили ему двух из тех, которые покрупнее.

Нам пора было плыть на Быструю. С Елизаром Назаровичем мы расстались друзьями. Прощаясь, он сказал:

— В будущем году приезжайте прямо ко мне. Если в такое время — сюда, а позже — в Алексеевку. Жить у меня станете, вместе порыбачим.

С простора Московского моря в Федоровский залив катер свернул еще засветло. К пристани же мы подходили в крошечной темноте: так сказались встречные ветер и волна. Прожектор, установленный на крыше капитанской рубки, освещал то кусок причала, то прибрежные кусты, то сгрудившиеся неподалеку лодки, плясавшие на волне. Наконец почувствовался толчок — катер стукнулся о причал, и кто-то повелительно крикнул:

— Чалку!

Я понял: путешествие окончилось. Антон Антонович, который уехал сюда на два дня раньше, рассказал мне, что рыболовная база Военно-охотничьего общества находится совсем неподалеку от пристани. А как ее найдешь, если ничего не видно в двух шагах? Но, едва ступив на причал, я рядом услышал приятный женский голос:

— Вы к нам?

Кто-то взял меня под руку и повел по мосткам. Только на берегу, в луче прожектора, я увидел милостивую девушку в длинном зеленого цвета брезентовом плаще, резиновых сапогах и кокетливо повязанной яркой косынке. Она шагала быстро и уверенно, я едва успевал за ней, все время опасаясь оступиться.

Мы шли недолго. У освещенного крыльца базы я поблагодарил девушку. Едва открыл дверь, как увидел несколько человек, сидевших за столом и о чем-то оживленно беседовавших. Среди них был и Антон Антонович.

После ужина он предложил:

— Махнем утром на Буйан? Что это такое? Остров.

Мы отправились к Буйану. В густом предрассветном тумане остров трудно было различить, пока лодка не подошла к нему почти вплотную. Только здесь я увидел похожий на шапку клочок суши овальной формы. По краю его, у воды, росла густая осока, а дальше — невысокие молодые ивы, наклонившиеся в разные стороны. Теперь островок походил на большой букет. Когда лодка ткнулась в берег, оказалось, что он довольно крепкий — из песка и гальки.

Сквозь полосу осоки к ивам тянулась тропинка. Пройдя по ней, я увидел остатки костра и рогульки для котелка. Здесь было уютно, двое или даже трое могли не только сидеть у костра — им хватало места и прилечь тут.

Мы развели костер, вскипятили чаю и позавтракали.

Затем Антон Антонович начал ставить довки, а я взял спиннинг, сел в лодку и отправился ловить судака.

На судака в тот день ничего не действовало: ни смена блесен, ни изменение проводки. В этих ухищрениях прошло полдня. Надо было возвращаться на остров обедать. Антон Антонович уже успел не только наловить окуней, но и сварить уху.

Ветер к этому времени утих, и на островке стояла тишина. Не знаю почему, но она не понравилась мне.

После ухи я прилег отдохнуть, но сон не приходил, и я лежал, глядя на посветлевшее небо. В голове вертелась досадная мыслишка: неужели опять останусь без улова?

Потом захрустела галька. Я повернулся и увидел троих рослых парней. Двое из них песли по судаку.

— С добрым утром! — поздоровался русский парень в кепке, повернутой козырьком назад. Он дружелюбно улыбался как старым знакомым. — Это вам на уху.

Парень шагнул в нашу сторону и положил судака около костра. Затем это же сделал его компаньон, брюнет, почему-то в заячьей шапке. Он тоже улыбнулся и сказал:

— Свеженький!

Третий парень молчал и не улыбался. Заросшая длинными до плеч и давно не мытыми волосами голова у него не была покрыта. Ни на одном из парней не было ни плаща, ни телогрейки, хотя ночи уже стояли прохладные.

— Извините, пожалуйста, что побеспокоили вас, — сказал парень в кепке.

— Забери рыбу! — скомандовал Антон Антонович, обычно выдержанный и редко повышавший голос.

Он быстро зашагал к лодке незваных гостей и поднял лежавшую на корме телогрейку. Под ней на зеленом фоне белел номер.

— Мы от всей души... — начал было парень в кепке. Антон Антонович опять потребовал:

— Песи сеть!

— Чего еще захотел! — огрызнулся лохматый парень. — А хрена не хочешь?

Он выхватил из кармана нож и ловко подбросил его, словно играя.

Антон Антонович усмехнулся:

— Не пугай — я фашистов видел вот так, как тебя, и не с ножом, а с автоматом.

— Между прочим, это место наше, — примирительно вмешался парень в кепке. — Вон и рогульки, которые я вырезал.

— Хорошо, оставайтесь здесь, мы уедем, — сказал я. — Но сеть сейчас же принесите.

Парень, судя по всему старший в этой компании, насторожился:

— Нет, папаша, вы отдыхайте, а мы уедем.

— Можно и так, только уезжайте без сети, — подтвердил я наше с Антоном Антоновичем требование и для убедительности показал удостоверение общественного инспектора.

— Да я и так понял, — хмуро буркнул парень в кепке. — У меня свадьба через три дня, хотел заливное сделать...

— Сколько же поймали?

— В лодке — пять. Посмотрите.

— Значит, так договоримся, — закончил я затянувшийся разговор, — если наврал, гарантирую и штраф, и письмо на работу.

Я подошел к лодке. На дне ее действительно лежало пять судаков. Антон Антонович положил рядом и тех двух, которые предназначались нам. Затем он велел бросить сеть в костер. Она была синтетической и быстро превратилась в бесформенные куски темного цвета.

Когда лодка отъехала, Антон Антонович сказал:

— Малость не продумали они операцию: лодку-то напротив тропинки поставили. Я когда заметил ее, то понял, почему на корму телогрейка положепа. И трусливы. На борта бросили плащи, чтобы боковые номера мы тоже не увидели, а лодку кормой подвели — так легче драпать.

Наше положение в то утро было не из легких: трое парней против двух пенсионеров. Вытурить нас с Буяна им ничего не стоило. Только наблюдательность Антона Антоновича дала нам возможность стать хозяевами ситуации. И хорошо, что работники баз на корешке квитанции указывают не только фамилию взявшего лодку, но и номер членского билета спортивного общества или паспорта. Вот чего испугался парень в кепке козырьком назад.

С острова Буян мы уезжали через два дня. Лодку на базе сдавали вахтеру — той самой миловидной девушке,

которая встретила меня на пристани. Прощаясь, она сказала:

— Крепко вы Пашку-то проучили.

— Какого Пашку? — не понял я.

— Лобанова, который кепку козырьком назад носит. Так и сказал — стыдно ему очень. Сам-то он ничего, да вот дружки — хуже не надо. Между прочим, ему и от меня досталось: не взяла я тех судаков и сказала, чтобы ворованного в дом не носил.

— Вы что — его невеста?

— Конечно! Завтра свадьба.

Мы с Антоном Антоновичем пожелали ей счастливой семейной жизни.

Остается добавить, что островок у входа в Федоровский залив Московского моря окрестили Буяном рыболовы, заимствовав это имя из пушкинской «Сказки о царе Салтане». Кто из них, оказавшись около него, не вспоминал звучные строки:

Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...

А где тот, настоящий остров Буян, воспетый Пушкиным? Он тоже не плод фантазии великого поэта. Это Рюген, раскинувшийся у южного побережья Балтийского моря. В древности он назывался Руяна и был заселен балтийскими славянами.

Рюген давно связан с материком дамбой. Ныне он входит в состав территории ГДР, славится курортами, рыбной промышленностью. Есть на нем городок Засниц, в нем весной 1917 года проездом из Швейцарии в революционную Россию побывал Владимир Ильич Ленин. Вместе с другими русскими политическими эмигрантами он пересел здесь из вагона поезда на грузовой пароход, переправивший их в Швецию. Жители Засница гордятся этой страницей своей истории. Здесь есть ленинский музей, экспонаты которого размещены в старинном вагоне — в таком сюда приезжал Ильич со своими соратниками, воздвигнут памятник вождю мирового пролетариата.

Обо всем этом поведал невесте Пашки Лобанова Антон Антонович. Я подумал, что она обязательно перескажет своему проштрафившемуся жениху слова ветерана, и оба они уважительнее станут относиться к крохотному островку на рукотворном Московском море.

До деревни с необычным названием Нечаевщина мы добрались поздним вечером на попутной полуторке. Водитель, совсем еще молодой парень, остановил ее около дома, на который мы ему показали. Его хозяином был Петр Алексеевич — у него я останавливался в прошлом году. Оказалось, что он приходится водителю дядей, и парень охотно помог нам разгрузиться, пожелал удачной рыбалки.

Петр Алексеевич встретил нас как старых знакомых, был вежлив и предупредителен. В Нечаевщине еще в первый раз я наслышался о нем как о работнике с золотыми руками. Хотите валенки скатать? Он может. Телевизор перестал работать? Петр Алексеевич отмонтирует. Надо дом поставить? Пожалуйста. Может, у «Жигулей» мотор барахлит? Поправит. Наверно, Петр Алексеевич и еще многое может, хотя успел окончить всего три класса.

Помогая устроиться в небольшой комнате, которую нам отвел, Петр Алексеевич говорил:

— Лещ со дня на день должен пойти. Может, завтра заявится, и тогда вместе станем ловить.

И все же этот почти все время улыбающийся, худощавый, невысокий подвижный человек не нравился мне. Будь сейчас день, я поискал бы другое пристанище.

Встали мы с Антоном Антоновичем рано, еще затемно, и наскоро позавтракали. Потом много времени заняли сборы: надо было просмотреть снасти и потеплее одеться.

— Это вы правильно сделали, что с ледобурами приехали, — сказал Петр Алексеевич, провожая нас до крыльца. — Лед нынче толстый, его пешней не возьмешь.

Чуть забрезжил рассвет, когда я открыл калитку. Взглянув на старую-престарую липу, росшую около дома, остановился. Антон Антонович тоже.

Признаться, я никогда в жизни не видел такой красоты, даже не предполагал, что она может быть. Если бы мне кто-нибудь сказал, что бывает такой густой иней, да еще с такими длинными иголками, я бы ни за что не поверил. Ни ствола липы, ни ее веток мы не видели — все покрывал иней. Оттого липа казалась отлитой из серебра, походила на неведомое и огромное изделие ювелира.

— Тихо очень, — почему-то шепотом сказал Антон Антонович. — А если подует ветер?

Конечно, если подует даже слабый ветерок, эта изумительная красота погибнет — липа превратится в обычную темно-серую, как и другие липы, как дубы и клены. Но зачем же об этом говорить? Зачем про это думать?

Залюбовавшись липой, мы не сразу заметили, что и все другое вокруг серебряное — и полузасыпанная снегом сирень, и засохшие мальвы в палисаднике, и штaketник, которым он огорожен. Мы оказались в каком-то фантастическом мире.

Но вот первые лучи солнца коснулись красавицы липы. Ее верхние ветви стали нежно-нежно голубыми. Они будто вспыхивали тем же огнем, какой вьется над горячей спиртовкой. Его цвет не был везде одинаковым — в одном месте темноватый, в другом светлый, а то и совсем прозрачный. Когда же мы сделали несколько шагов от липы, то увидели на ней радугу, но не обычную, а состоящую из бесчисленных крохотных радужек, частиц большой радуги.

Неохотно мы направились к озеру. Правда, все, что встречалось на пути, тоже было отлито из серебра и обработано умелым резцом. Красивыми были и придорожные кусты, и росший на пустыре бурьян, и забытый стожок сена у прибрежной полосы. Когда солнце поднялось над лесом и его лучи коснулись инея под каким-то углом, вспыхнули тысячи, а может быть, и миллионы огоньков. Казалось, что это играли в изобилии рассыпанные бриллиантики.

Густой и высокий иней вырос и на льдинках у старых лунок, и на вершинках снежных бугорков, образовавшихся около следов тех, кто рыбачил здесь накануне. В этих местах иней рос маленькими кустиками и цветками. Они тоже выглядели очень красиво.

Мы шли медленно — не хотелось отрываться от этих художественных произведений природы.

Антон Антонович, наблюдая за мной, даже проворчал: — Ты как хочешь, а я не могу — тут не наступи, это обойди. Ведь все равно, когда солнце пригреет... Надо идти!

Эти слова услышал догонявший нас старик из местных жителей. Я знал его по прошлому приезду. С пустым рюкзаком на одном плече он куда-то спешил — наверно, в соседнюю деревню к открытию магазина.

— Согласен — красиво, но ведь иней всего-навсего один из видов атмосферных осадков, — неожиданно заговорил старик. — Это, видите ли, ледяные кристаллы. Они

образуются вследствие охлаждения земной поверхности...

Я не дал ему договорить, дав понять, что он жалкий сухарь. Старик махнул рукой и зашагал еще быстрее, теперь уже от нас.

Когда дошли до заливчика, я просверлил лунку и сел лицом к берегу. Напротив, совсем недалеко, росли две ели и три ольхи. Перед ними, у самого льда, тянулась густая поросль молодого тальника, а еще ближе — полоса редкого камыша. И это все тоже продолжало выглядеть серебряным.

В руке у меня лежала крохотная удочка — и по толщине, и по длине чуть больше автоматической ручки: я ловил на мормышку. Про такую ловлю можно рассказывать многие часы. Это наука, и довольно сложная. Некоторые удильщики говорят даже, что это — искусство. Так или иначе, но, видно, не случайно зарубежные любители ужения не могут овладеть мастерством ловли на это русское изобретение.

Вскоре, поскрипывая и перепархивая, появилась стайка важных снегирей. У самцов — ярко малиновые жилетки, самочки — серенькие, скромные. Они подлетали к ольхе, но не сразу садились на нее — будто прицеливались к веткам. Казалось, им не хотелось нарушать серебряное убранство деревца. Когда снегيري все-таки опускались на ветку, с нее сыпались иголки инея. В лучах взошедшего солнца они вспыхивали, чертили свой совсем короткий путь и внизу гасли.

Недалеко от места, где мы были, рождается великая Волга. Ручеек, названный таким именем, впадает в озеро Стерж. Из него, становясь пошире, Волга у нас под ногами течет во Вселуг. Затем, пробежав несколько километров, впадает в озеро Пено. В этих местах русские люди испокон веку занимались рыбным промыслом.

Теперь же прошел час, а я так и не увидел ни одной поклевки, Антон Антонович — тоже. Отойдя метров десять, я просверлил еще одну лунку. Едва успел качнуть мормышку, как кивок приподнялся, а потом упрямо и медленно согнулся. После подсечки я понял: попалось что-то крупное. Постепенно, сантиметр за сантиметром, стал подтягивать это «что-то» к лунке. Рука чувствовала то рывки, то потяжки.

Наконец я увидел в лунке вытянутый трубкой рот и серые глаза. Это был лещ. И какой! Настолько широкий, что поднять его в лунку было невозможно, не мог помочь

и багорик, с помощью которого удильщики обычно вытаскивают крупную рыбу. От поверхности льда до головы леща — сантиметров сорок. Я хорошо видел, что мормышка впилась в край его верхней губы. За спиной слышался хруст льдинок и скрип снега: подходил Антон Антонович.

— Дай-ка посмотреть, — сказал он и отклонил мою голову в сторону от лунки. — А я подумал, что ты заснул: глядишь и глядишь. Пешня нужна — лунку расширить. Я подержу его, а ты беги в деревню.

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда сам держи его, а я побегу за пешней.

Я опять покачал головой. Приятель посмотрел на меня внимательно-внимательно, затем иронически спросил:

— Будешь дожидаться, пока он сам полезет в лунку? Пожалуй, долго ждать придется.

— Я отпущу его.

— Не надеешься на леску?

— Леска хороша. Конечно, лещу немного больно станет, но он простит — ведь сохраню ему жизнь. Посмотри на него в последний раз.

Приятель опять наклонился над лункой.

— Хорош! Килограмма два, наверно, потянет.

Затем над лункой наклонился и я. Мне казалось, лещ смотрел на меня и чего-то ждал. Я потянул леску, и в его верхней губе образовалось небольшое отверстие. Затем резко отпустил леску, и лещ вертикально, будто падая, отошел ото льда, а его голова заняла горизонтальное положение. Тут я опять потянул леску, и мормышка оказалась в руке.

Не часто в жизни удильщиков бывают такие тяжелые моменты. Я встал, отбросил удочку и стер пот с лица.

— Чудишь? — насмешливо спросил Антон Антонович.

— Нет, спасаю лещей.

— Ну спас-то ты всего-навсего одного.

Только тут я рассказал о том, что случилось в прошлом году, когда приезжал сюда с одним из наших общих знакомых. Тогда у меня тоже клюнул крупный лещ. Оставив напарника около лунки держать его на леске, я побежал в Нечаевщину. Петра Алексеевича встретил около дома — он откуда-то возвращался. Увидев меня, он заспешил, а затем молча подал пешню. Я уже был за калиткой, когда Петр Алексеевич спросил:

— Лещ?

— Да! — крикнул я на бегу.

До Вселуга оставалась сотня метров, когда хозяин обогнал меня. В одной руке он держал ведро, а в другой снасти. За ним бежало человек десять — он уже успел их оповестить. Они догадались, что начался ход леща. Я же лишь потом понял свою ошибку, от того почувствовал себя скверно: будто предал кого-то. Петр Алексеевич хотел расширить мою лунку, но я отказался от помощи. Леща я отпустил, ловить тут же бросил и пошел в деревню.

И наш хозяин, и те, кто прибежал вместе с ним, не ловили, а багрили. То и дело дергая леску, цепляли рыбу за что попало. Лещи часто сходили, раненные, истекающие кровью, медленно погибали. После ухода багрильщиков лед казался розовым от рыбьей крови.

— Вот, значит, почему ты так холодно отнесся к гостеприимству хозяина? — спросил Антон Антонович.

— Конечно.

Подхватив ящики и ледобуры, мы пошли к Стрелке — узкой косе, доходящей чуть ли не до середины Вселуга. Здесь, среди камней, водились только окуни.

Вечером Петр Алексеевич и несколько его друзей ждали нас около калитки. Подойдя к ним, мы молча и без просьбы раскрыли свои ящики. На второй день это повторилось, на третий — тоже. На четвертый день, провожая нас, хозяин со вздохом сказал:

— Прозевали мы нынче леща-то: прошел уже. Сегодня всем миром ходили на облаву, две штуки и поймали всего. Раньше-то бывало за полчаса — ведро.

Сочувствия от нас он не слышал.

НА ЛЕСНОМ ЗАТОНЕ

— Я поживу недельку, пособираю грибов и ежевики, — говорила Мария Ивановна. — Антон писал, что их там полным-полно...

Я подтвердил, что ежевики там действительно много — сам собирал ее неподалеку от лодочного причала, а насчет грибов егерь говорил, что кругом якобы много и подберезовиков, и рыжиков, есть и белые.

Разговор шел в электропоезде, ехали мы из Москвы, где я побыл всего день, чтобы дополнительно захватить кое-что из рыболовных снастей и выполнить просьбу Антонова Антоновича — помочь добратся его жене. Уговаривать ее не пришлось, а собралась она всего-навсего за полчаса.

Почти вплотную к платформе, на которой мы сошли, подступают леса. Платформа настолько маленькая, что, кроме зданьица кассы, вокруг ничего нет. Однако пассажиров здесь немало. Из ближних деревень к поездам приходят колхозники, у которых есть дела в Москве или Владимире, из лесов выходят охотники и грибники, с Клязьмы тянутся рыболовы.

Сойдя с платформы, мы зашагали направо и через несколько минут оказались среди сосен. Они стоят вперемежку — совсем молодые, так сказать, школьного возраста, и такие, которым впору справлять столетний юбилей. С полчасика шли по старой песчаной дороге, петлявшей среди этого соснового моря, затем поцали на тропку в широкой полосе смешанного леса: липы, березы, вязы, выросли орешника и малины.

Здесь было особенно красиво. Стоял теплый и ясный июнь. Вспомнили, что у этого месяца бывало несколько названий. В древности на Руси его величали «изоком» — так тогда звали кузнечика. Ведь на лугах и полях в июне раздается бесконечная трескотня этих попрыгунчиков. Другое старинное название июня — «червень» — происходило от червецов, которых наши предки собирали в этом месяце. Из этих насекомых добывали багряную краску — такой цвет имели боевые знамена славянских дружин...

Вскоре начался дубовый лес. От него веяло чем-то основательным и прочным. А еще через полчаса среди этого дубового моря мы увидели двухэтажный деревянный дом. Навстречу нам вышел егерь — среднего роста и средних лет человек в куртке, резиновых сапогах, вязаной шапочке — и приветливо позддравил с приездом.

Мария Ивановна по дороге несколько раз восторгалась лесом. Но меня интересовало, как она оценит удобства этого пристанища рыболовов и охотников.

Я повел ее в гостиную. На стенах висят картины: сверкающий осенней позолотой берег залива, собранные в излучинке кувшинки, багровый закат среди остроконечных вершин елей. Все картины нарисовали сами охотники и рыболовы с местной натуры. Между картинами — чучела птиц, в углу — голова зубра. Он будто смотрит черными блестящими глазами на тех, кто садится за стол, протянувшийся через всю гостиную. Стол универсальный, за ним обедают, ведут бесконечные разговоры о рыбалке и охоте, за него садятся, чтобы посмотреть телепередачу.

— Как? — спросил я.

— Очень мило, а главное — кругом чистота, — ответила Мария Ивановна.

У меня отлегло на сердце. Указав на дверь комнаты, в которой жил Антон Антонович, я пошел на кухню, чтобы поставить чайник. Но не успел дойти до нее, как услышал за собой быстрые шаги, а обернувшись, увидел Марию Ивановну. Ее лицо выражало и растерянность, и удивление.

— Пойдем! — Она потянула меня за рукав.

Я поспешил за ней, а войдя в комнату, тоже растерялся и удивился. На столе брошены хлебные корки, колбасные шкурки, невымытые чайные чашки. Около двери валялась груда невероятно заляпанной грязью одежды и болотные сапоги. Антон Антонович спал на спине, широко раскинув руки и ноги.

— С ним никогда такого не бывало, — с горечью говорила Мария Ивановна.

Уверять меня не следовало — я хорошо и давно знаю Антона Антоновича. За все годы нашего знакомства не было ни одного случая, чтобы он поленился за собой прибраться.

Я потянул его за ногу. Он тут же приподнялся и сел, а увидев жену, улыбнулся.

— Я ждал тебя вечером, — сказал он извиняющимся голосом. — Прости, пожалуйста, что не успел навести здесь порядок.

— Это я довольно хорошо вижу и без разъяснений.

Антон Антонович встал, потянулся за брюками, висевшими на спинке стула, улыбнулся:

— Это мы с Михаилом Андреевичем...

— С кем? — удивилась Мария Ивановна. — Среди наших знакомых человека с таким именем нет.

— С Михаилом Андреевичем. Он мой спаситель...

— Спаситель? Ты еще, значит, и погибал?

Через несколько минут мы сидели в гостиной и пили чай. Антон Антонович рассказывал, что вчера он проснулся за час до рассвета. Времени вполне хватало, чтобы позавтракать и добраться до понравившегося ему укромного местечка за поворотом залива. На причале он отвязал лодку. Кругом ничего не было видно: все завлакивал густой, казалось, вязкий на ощупь туман. Антон Антонович медленно греб и все время вглядывался вперед — не проскочить бы облюбованное место. Минут через десять он понял, что так и случилось.

Что было делать? Дождаться, когда рассеется туман? На это уйдет час, а может, и два. Лодка остановилась и слегка закачалась. И тут справа, совсем близко, завиднелись кусты. Берег! Антон Антонович ткнул в него лодку, сошел около дуба и полез на него. Метрах в трех от земли сел верхом на толстый сучок и стал оглядываться.

— Антоша! При твоём возрасте... — перебила Мария Ивановна.

— Но ведь другого выхода у меня не было. Сколько ни вглядывался — бесполезно.

Ещё метра полтора он лез вверх по стволу дуба, и только после этого туман оказался на уровне его груди. Ему представилась изумительная картина, которую редко удаётся видеть даже тем людям, кто не ленится часто ездить в гости к природе. Туман будто все заливал кругом. То в одном месте, то в другом поднимались белые фонтаны, а между ними стелилась все время клубящаяся, беспокойная белая масса, прямо из нее росли деревья. Только ради одной этой картины стоило ехать сюда и забираться на дуб.

Антон Антонович любовался необычной картиной, но спрашивал себя: неужели заплутал? Наконец заметил невдалеке, среди елочек, старый клен, у которого обломана вершина. Это был знакомый ему ориентир. Антон Антонович слез с дуба и привязал лодку к свисавшей над водой ольхе, что росла по соседству с кленом-ветераном.

Туман сказался и в другом: одежда Антона Антоновича оказалась сырой, словно после дождя. По всему телу пошла дрожь. Сначала она была слабой, а потом такой, что трудно было унять.

Кое-как пересиливая ее, Антон Антонович все же отважился на рыбалку: бросил за борт прикормку и стал готовить удочку. Едва опустил насадку, как начались слабые поклевки: поплавок пританцовывал — слегка опустится под воду и тут же выскочит. Так теребит мелочь. Чтобы избавиться от нее, сменил насадку — на крючке стал извиваться подлистник. Поклевки прекратились: крупный червяк мелочи не под силу. Серьезная же рыба не клевала, хотя прошел час.

Тем временем лес слева стал багроветь — из-за него показалось уже горячее солнце, туман быстро начал таять. Будто зацепившись за сучки и ветки, он продолжал держаться только в глухих заливчиках. Солнцу стал помогать ветер — он то гнал клочья тумана куда-то вдаль, то поднимал их, будто гасил, как неяркое пламя свечи.

Все вокруг казалось окрашенным в чистые и яркие краски — туман отмыл и деревья, и кусты, и прибрежные травы.

— А поклевок я так и не видел, — говорил Антон Антонович.

— Надо было сменить место — перебраться поближе к реке, — заметил я.

— Так я и решил. Отвязал лодку и тут в нескольких метрах от нее заметил чистинку.

На некоторых зарастающих полупроточных озерах и далеко вдающихся в берег заливах плавающая растительность тянется толстым, густым слоем. Лишь кое-где в нем встретишь чистинку. Она выглядит ручейком, шеплющим среди трав.

По чистинке, которую в то утро увидел Антон Антонович, спешили мальки. Дорога для них была узенькой, и мальки толкали друг друга. Некоторые из них, уже выбившись из сил, плыли плашмя. Куда они так спешили? На затон надвигалось большое несчастье — он все гуще зарастал водяной чумой, как русские люди прозвали элодею, попавшую к нам из Канады. Вместе с ней наступали ряска, рдест, стрелолист, осока. Все эти растения поглощают много кислорода. Вот почему рыба, как только достигнет размера с мизинец, стремится уйти с зарастающих нерестилищ в Клязьму, на чистую воду.

Антон Антонович решил помочь малькам — расширить чистинку, и стал орудовать веслом. Дело продвигалось хорошо, вскоре рыбки поплыли более широкой полосой, а лежащих на боку не стало.

— Антоша! Об этом потом — ты ведь хотел рассказывать о каком-то кошмарном случае, — опять перебила его Мария Ивановна.

— Сейчас, сейчас.

Он постепенно проталкивал лодку параллельно чистинке, пока это оказалось ему уже не под силу — водоросли потянулись еще гуще. Тогда он надел болотные сапоги и вылез из лодки. Тут-то и случилось непредвиденное. Толстый слой водорослей сначала держал его. Потом ноги стали проваливаться по колено, а то и выше, но Антон Антонович все еще расчищал путь малькам, держась левой рукой за борт лодки. Но вот он провалился по пояс и в этот момент выпустил лодку. Попытался зацепить ее веслом, но не дотянулся.

Сам выбраться из трясины Антон Антонович не мог,

она держала цепко. На берегу никого не оказалось, крики о помощи никто не услышал...

— Антоша, боже мой!.. — воскликнула Мария Ивановна.

— Ничего — погружаться я вскоре перестал: под ногами почувствовал что-то твердое. Подумал, что это дно, однако ошибся: подо мной, наверно, лежало свалившееся дерево.

Стоял Антон Антонович часа три. Помогало весло — поставил его рядом с собой и упирался. Он почти совсем охрип, когда от берега слышалось, как тремит лодочная цепь. А может, это только показалось?

Но лодка вскоре появилась из-за поворота. Сидевший в ней пожилой человек в очках и соломенной шляпе, видать, очень спешил, но молча, без единого слова, помог попавшему в беду рыбаку выбраться, точнее сказать, выдраться из трясины.

Вскоре они нашли и лодку Антона Антоновича — она зацепилась кормой за выступавший из стенки камыша сучок старой повалившейся ольхи.

В доме спаситель помог бедолаге быстрее переодеться во все сухое, разогрел чай, даже раздобыл к нему малину. Антон Антонович очень устал, и неудивительно, что, выйдя из-за стола, лег спать и тут же уснул.

— Вот, собственно, и все, — закончил он свой рассказ.

— А кто тот человек? — спросила Мария Ивановна.

— Слесарь из Владимира. Грибы приехал собирать, да заплутался, на мое счастье, вышел к причалу. Я адрес свой ему дал, пригласил приехать в гости...

Мария Ивановна тогда крепко ругала и мужа, и зятя, и мальков, но что она могла потребовать? На воде надо быть осторожным? Так Антон Антонович и без нее это знает. Сказать, что нельзя рисковать ради рыбы? Муж с этим обязательно согласится, но все равно снова станет спасать ее — если не завтра, то послезавтра, если не здесь, то в другом месте...

ЛЕЩЕВАЯ СВАДЬБА

Поезд в Голубовск пришел субботним вечером. Оставив чемодан в гостинице, Антон Антонович захватил чемодан с удочками, рюкзак и отправился на речку. Городок ему сразу понравился — небольшой, тихий, весь в кустах черемухи, которую лишь кое-где теснили сирень и ака-

ция. Они росли не только в палисадниках, но и на улицах около магазина, школы, районных учреждений.

Наверно, здесь каждый житель знает всех остальных. Поглядывая на нового человека, встречные переговаривались — видимо, спрашивали друг друга, к кому тот приехал.

Речка Волнушка тоже понравилась. Каменистые перекаты на ней сменялись узкими, но глубокими участками, а за песчаными отмелями шли глинистые обрывы. Вдоль речки, по обоим берегам, тянутся узкие полосы леса, за ними во все стороны простирается огромный нежно-голубой ковер — цветет лен, которым издревле славится эта местность.

Выбрав небольшую заводь, Антон Антонович остановился, скинул рюкзак, плащ, не торопясь подготовил и забросил удочки.

Неподалеку по колено в воде стоял мальчуган, держа короткое удище в руках. На нем были только выцветшие трусики, а волосы настолько выгорели, что казались седыми.

— Сергунька Кудряш, — подойдя, назвался он и широко раскрытыми глазами стал рассматривать удочки Антона Антоновича.

Вскоре на речку пришел парень в майке и спортивных штанах, с черными-черными волосами и озорным лицом. На голове у него лихо сидела форменная фуражка, говорившая, что парень учится в техническом училище.

— Костя Кудряш, — представился он и стал закидывать донки.

Чуть позже на берегу появился круглолицый детина со спиннингом. К удивлению Антона Антоновича, и он назвался Кудряшом, Михаилом Кудряшом, трактористом.

Затем пришел пожилой человек с пучком самодельных удищ из орешника. У него было сердитое лицо, на подбородок свешивалась массивная трубка, вырезанная в виде головы не то Мефистофеля, не то бабы-яги.

— Клюет? — поздоровавшись, непринужденно спросил он и уселся неподалеку.

Антон Антонович уже не удивился, что через минуту пожилой рыболов сказал о себе:

— Виктор Клементьевич Кудряш — механик колхоза. Вываживая сильно сопротивлявшегося голавля, Антон Антонович подумал: неужели еще будут Кудряши? Но на берег больше никто не приходил.

Попозже чуть ниже, куда передвинулся Антон Антонович, хорошо клевала плотва, одного за другим поймал он и двух приличных окуней. Когда солнце коснулось вершин деревьев на том берегу, Антон Антонович собрал снасть.

Довольный дебютом, он подошел к Кудряшам. Они все были за работой: Сергунька таскал пескарей, Костя бегал между донками, Михаил орудовал спиннингом, а Виктор Клементьевич водил на кругах какую-то большую рыбу.

Желая привлечь их внимание, Антон Антонович поделился новостью:

— Удивительно: окуней я поймал на хлеб.

Сергунька посмотрел широко раскрытыми глазами, Костя, улыбаясь, отвернулся, а Михаил с усмешкой бросил:

— Бывает...

И только Виктор Клементьевич запротестовал:

— Не морочьте нам голову — где это видано, чтобы окунь на хлеб клевал? Может, он удочками вашими залюбовался?

Но Антон Антонович продолжал настаивать на своем, и старший Кудряш предложил ему:

— Пойдемте ко мне. Я покажу вам кое-что авторитетное...

Антон Антонович согласился и пошел вместе с Кудряшами.

Через несколько минут они уже входили в небольшой дом, со всех сторон окруженный густым вишняком. На крыльце их встретил огромный пес. Он обнюхал сапоги Антона Антоновича и вильнул хвостом.

Виктор Клементьевич взял с полки десятка полтора книг и быстро стал листать их. Находя в них нужные строчки, он торжествующе читал: «Растительной пищей окунь не кормится», или «На тесто, хлеб, кашу окунь не клюет», или «Окуня нужно ловить только на червя, малька или раковую шейку». Когда очередь дошла до толстой книги в знакомом переплете, Антон Антонович сказал:

— А в ней я вам сам прочитаю.

Подходящее место он нашел быстро. Знаменитый автор писал, что ему довелось однажды при ужении плотвы «поймать двух окуней на хлеб».

— Это, друзья, Сабанеев написал, — хлопнув книгу и довольно поглядывая на всех, сказал Антон Антонович.

Кудряши стояли молча: выше Сабанеева они авторитета не знали.

— Я же говорил, что бывает, — хитро улыбаясь, произнес наконец Михаил.

А Сергунька, глядя на Антона Антоновича, добавил:

— Я как увидел, что у вас все удочки с катушками, так сразу и подумал: что-нибудь особенное поймаете.

Из дома, будто брошенного в заросли вишни, Антон Антонович вышел в сопровождении всех Кудряшей. Виктор Клементьевич, стоя около крыльца, извинялся:

— Видать, вы настоящий рыболов. Не обижайтесь — такой уж я человек, недолюбливаю рыбацкий треп. Будем вести дружбу?

Антон Антонович пожал протянутую руку и ответил:

— Обязательно будем — ведь я не последний раз сюда приехал.

Потом он узнал, что их настоящая фамилия не Кудряши, а Кудряшovy. Ее носит чуть ли не половина жителей Голубовска: не зря же здесь уже века разводят ленокудряш.

А встретиться с Кудряшами-рыболовами Антону Антоновичу пришлось в самом скором времени.

Он отправился на реку с началом рассвета. Все вокруг едва обозначалось, да и то вблизи: поросший низенькими ольхами речной обрывчик, подножье древних елей, выстроившихся по его краю, выброшенное половодьем бревно. Огромными космами, будто вырывавшимися из воды, над рекой поднимался светло-седой туман. Хотя не чувствовалось ветра, даже ветерка, туман куда-то постепенно улетал.

Антон Антонович остановился. Посмотрев на березки, стоявшие у самого уреза, он улыбнулся — ему показалось, что эти деревца, когда космы тумана нашли на берег, накинули на себя другие покрывала — не зеленые, а светло-серые, укутались в них вместе с ножками и теперь ждут ухода случайного свидетеля их переодевания.

Но вскоре туман рассеялся, вошло солнце. Березки остались такими же красивыми, какими только что были, но их таинственность, очарование будто растаяли.

Антон Антонович, разматывая удочку, услышал за спиной какой-то шорох. Он обернулся и увидел, как по галечно-песчаному обрывчику, цепляясь руками за ветки, спускается Сергунька Кудряш. Запыхавшийся, он остановился рядом и сказал, как взрослый:

— Здравствуйте! Мы, конечно, понимаем, что срываем вам зорьку, но дело неотложное.

— Кто это — мы? — полюбопытствовал Антон Антонович.

— Виктор Клементьевич, Михаил и Костя. Мне они велели найти вас.

— А чем я им мог бы помочь?

— Они сказали, что какой-то нехороший человек собирается погубить наших лещей.

Больше Сергунька ничего сказать не мог, а может, не хотел. И они пошли в город: впереди этот мальчик, за ним — Антон Антонович. Шагали торопливо, то и дело сворачивая с прибрежной тропки на те, которые знал Сергунька, — они сокращали путь.

У калитки дома Кудряшей их поджидал Костя. Он был в полной форме ученика технического училища. Виктор Клементьевич и тракторист Михаил сидели в передней комнате за столом. Едва поздоровавшись, механик поинтересовался:

— Вы в заводи у елового бора ловили? Заметили там каменный слой, выступающий из песка почти у самой воды?

Антон Антонович подтвердил, что заметил. Да и как не заметить — слой состоял из больших кусков темно-красного кремня, чем-то скрепленных, видимо известняком.

Тут в разговор вступил Михаил. Видать, он хотел успокоить механика — тот явно нервничал: то вставал, то садился и стучал пальцами по столу. Но и тракторист не мог скрыть тревоги:

— Около нашего города, по берегам реки, многие годы собирают кремень — этим у нас начали заниматься еще до войны. Его укладывают в кучи, а затем приходят баржи и увозят...

— Зачем? — спросил Антон Антонович.

— Говорят, его размалывают, перемешивают с чем-то и формуют мельничные жернова. Еще в прошлом году собрали все остатки кремня, валявшегося на берегу, а он все требуется и требуется. Так вот: какие-то умники решили взорвать гребень, выходящий в заводи у елового бора...

— Постой, Михаил, — не утерпел Виктор Клементьевич. — А в той заводи леж перестится! Может, он миллион лет туда приходит, да еще миллион мог бы заходить...

— Первый раз слышу об этом. А в чем же все-таки дело? Какое отношение имеет лещ к этому камню?

— Самое прямое!

Оказывается, Виктор Клементьевич уже многие годы ведет наблюдения за нерестом рыб своей родной Волнушки. Сначала ему нужно было знать сроки нереста, чтобы определять лучшее время ловли, — у разных рыб после нереста оно наступает в разное время. Потом такие наблюдения стали более разносторонними, и о их результате он сообщает теперь фенологам.

— Так вот на днях будут взрывать этот каменный слой, чтобы добыть кремнь, — с горечью сообщил механик. — Значит, лещ не отнерестится. Он, как вы знаете, очень пуглив и уйдет, не дав потомства. К тому же много леща погибнет: икра и молоки станут перерождаться в жир, а это очень болезненно и вызовет гибель рыбы. Я ходил к председателю райисполкома, просил на неделю перенести эти взрывы, чтобы дать отнереститься косяку, но он меня даже не дослушал. План, говорит, у нашего района по кремню, а не по лещу...

И вот теперь Кудряши рассчитывали на помощь столичного гостя, к которому они с первой же встречи прониклись доверием.

А что мог сделать Антон Антонович? Сам он этого не знал. Понимал только, что идти к председателю исполкома райсовета бесполезно — он и от других горожан слышал о нем, как о человеке недалеком и черством.

— Может, мне к начальнику милиции сходить? — неуверенно предложил Антон Антонович.

— Ничего это не даст — он все распоряжения выполняет не задумываясь, а своего мнения не имеет, — заметил Михаил. — Тут другое дело. Приехавший сюда подрывник остановился у моего приятеля. Говорил я с ним, просил перенести свои «бах-бах», но он ни в какую. А между прочим, он — фронтовик...

Вот с ним и решил встретиться Антон Антонович. «Мне нечего терять, — думал он. — В случае чего разговор с ним посчитаю за разведку. Ехать в областной центр наверняка бесполезно — пока суд да дело, взрывы уже прогремят».

Через несколько минут он вошел в дом, на который указал Михаил. За столом, держа в руках газету, сидел пожилой человек с густой седеющей шевелюрой и каким-то задумчивым выражением на лице. Увидев Антона Антоновича, он встал и первым поздоровался.

Путь знакомства фронтовиков прост и прям.

— На каком фронте воевали? — начал Антон Антонович.

Сапер попросил его сесть и лаконично ответил:

— Долго партизанил в родных местах. Потом — Сталинград. Сапер...

Антон Антонович даже привстал:

— Я тоже там был!

Оказалось, что их части входили в знаменитую 62-ю армию генерала Чуйкова. После этого без какого-либо перехода Антон Антонович сказал:

— Понимаешь, однополчанин, надо помочь.

— Тебе?

— Нет, лещу — рыба такая есть.

— Слышал я об этом — соседский парень говорил. А с чем он приходил? Спрашивал, что в моей машине надо отвернуть, чтобы она вышла из строя... На такое я не пойду. Говорил я с десятником — вчера он приезжал, — чтобы этот мой компрессор затащить под еловый бор — к другому месту работы. Он ни в какую. Может, сказал, еще из-за лягушек придумаешь график ломать? Но помочь можно, нужен лишь человек из милиции.

— Уж не начальник ли милиции?

— Да нет, достаточно и сержанта. Пожалуй, годится тот, который живет в конце этой улицы. Он из вашего племени — каждый вечер на речку с палками бегают... Виноват, с удочками, — поправился подрывник.

Милиционера звали Павлом Павловичем, Антон Антонович был и до этого знаком с ним по рыбалке. Высокий и худой, он при разговоре обязательно улыбался. Конечно, с ним можно поговорить, но пойдет ли он против своего начальника?

— Я бы мог с ним встретиться, но для верности лучше тебе самому это сделать, — сказал Антону Антоновичу сапер. — Дело в том, что документ на взрывные работы у нас просрочен. Вот и пусть сержант проверит у меня документ, придерется и запретит взрывы. Когда десятник вернется, я ему доложу о запрете, он в райисполком побежит. Там, конечно, ему посочувствуют, но помочь сразу не смогут. Десятник бросится в область, на это у него дня четыре, а то и пять уйдет. К тому времени твой лещ, наверно, и отменит икру.

Павла Павловича Антон Антонович встретил на улице — он направлялся в магазин. Выслушав просьбу, сер-

жант официальным тоном, но как всегда улыбаясь, сказал:

— Вести взрывные работы без законного разрешения категорически запрещено. Считай, что лещ спасен!

Они пожали друг другу руки и разошлись. По дороге к Виктору Клементьевичу Антон Антонович, размышляя о сговоре с сержантом милиции, утепал себя тем, что защищать природу — значит защищать Родину. Так мог поступить на его месте любой из тех, кого он знал, с кем рыбачил...

Вытянутым полукольцом заводь густо окружают могучие высокие ели. Они не пропускают до земли ни единого солнечного луча, потому вокруг них не растет ни травинки, а отмершая хвоя лежит слоем толщиной почти в четверть. Наверно, ели чувствуют себя хозяевами положения, свысока смотрят на всех, кто живет под ними на земле, да и на тех, кто живет в воде. В зимние холода, по вечерам, они служат убежищем для многих больших и малых птиц — морозу, а особенно ветру, трудно пробиться через чащобу их ветвей.

Неподалеку от елей, прямо на вытянувшейся полосе кремня, Антон Антонович увидел что-то черное. Он вгляделся и понял, что это и есть компрессор. Каким инородным и мрачным он выглядел здесь! Но компрессор уже не мог причинить зла.

Стояло очень тихое и очень теплое утро. Антон Антонович пришел без удочек. Едва присел на выброшенную волнами корягу, как увидел весь квартет Кудряшей. Они появились сразу, с какой-то тропочки, петлявшей в прибрежных кустах, и шли цепочкой: впереди — Виктор Клементьевич, за ним — Михаил, потом — Костя, а замыкал цепочку Сергунька.

— Думаю, что не ошибся — должно состояться, — здороваясь, сообщил механик. — По моим наблюдениям получается, что именно сегодня, да и температура воды подходящая — около двадцати градусов. Вчера здесь был, в воду заходил — растения разные достаточно подросли.

— Для кормежки? — спросил Костя.

— Нет, они нужны, чтобы икру на них откладывать.

Поверхность заводи была гладкой как зеркало. Солнце еще не взошло, и вода казалась черной-пречерной. Так продолжалось минут десять, а потом в один миг по всей заводи послышались шлепки. От безмятежной поверхности заводи ничего не осталось — она закипела. Всюду из воды высывались лещи — одни хвостами, другие голо-

вами. Они будто хотели узнать, что делается в другой стихии — в воздухе и на берегу. Почти все они потом падали плашмя, отчего шлепки разносились по всей заводи. Может, поэтому словаки называют леща «плескачом»? Не исключено, что от плескания, или ляскания, произошло наше название лещ, лящ.

С широко раскрытыми от удивления глазами Сергунька встал и хотел было куда-то идти, но Виктор Клементьевич остановил его и шепотом сказал:

— Сиди и молчи — лещ не любит шума, а в такое время — особенно.

— Да он сам шумит почему зря, — еще менее слышно стал оправдываться мальчик.

— Это его дело. А ты шуметь станешь — он уйдет не отнерестившись. Раньше благочинный в такое время церковный звон запрещал.

— А кто это? — спросил Костя.

— Главный священник области.

Антон Антонович тоже в первый раз любовался таким зрелищем, хотя встречался с его описанием в литературе. «Что-то непопятное, загадочно-древнее представилось взорам нашим, — словно об этом случае писал Михаил Алексеев. — Лещи величиной с печную заслонку скопились тут в таком множестве, что вода кипела. Плоские, серебристо-оранжевые, они завели странный хоровод, кружились, кувыркались в воде, вспенивали ее, выскакивали вверх и опять звонко плашмя шлепались, брызги летели во все стороны, тысячи прозрачных пузырьков лопались мгновенно и мгновенно же рождались сызнова на поверхности заличика».

К полудню лещи стали вести себя постепенно все тише, а потом поверхность заводи опять стала гладкой, будто зеркальной.

ПРЕМУДРЫЙ

Уже давно стемнело. Я сидел с книгой в кресле и время от времени посматривал в окно. За ним косо и как-то быстро падал снег. Ветер старался сорвать обвивавшие балкон плети дикого винограда.

«Даже свой брат пескарь — и тот, как увидит, что он комара изловил, целым стадом так и бросается отнимать, — перечитывал я знаменитые строки Салтыкова-Щедрина. — Отнимут и начнут друг с дружкой драться, только комара задаром растреплют... Кажется, что может

быть глупее уды? — Нитка, на нитке крючок, на крючке червяк или муха надеты... Да и надеты-то как?.. В самом, можно сказать, неестественном положении! А между тем именно на уду всего больше пескарь и ловится!

Отец-старик не раз его насчет уды предостерегал. «Пуще всего берегись уды! — говорил он. — Потому что хоть и глупейший это снаряд, да ведь с нами, пескарями, что глупее, то вернее. Бросят нам муху, словно нас же приголубить хотят; ты в нее вцепишься — а в мухе-то смерти!»

Все у великого сатирика правильно, думал я, и как друг у друга эта рыбешка наживу отнимает, и про удочку — она для пескаря действительно страшнее всего. Наверно, и «просвещенные, умеренно-либеральные» действительно были похожими на пескарей — жили дрожали и умирали дрожали. Все ли они перевелись? Может, где-нибудь дожили и до наших дней?

Около полуночи позвонил Антон Антонович.

— В три часа заеду за тобой, — сказал он. — Во Владимирскую область отправимся. Мотыля купил и на твою долю. Будь готов!

Откровенно говоря, ехать не хотелось — звонок был совершенно неожиданным, а на отдых оставалось мало времени. И все же я стал собираться. Это заняло всего несколько минут: главное — снасти — у меня всегда в боевой готовности. Без четверти три будильник поднял меня с кровати, а в восемь юркий рафик остановился в конце одной из двух улиц деревни Устье: здесь в Клязьму впадает Колокша — цель нашего путешествия.

Берега ее густо заросли тальником, утопавшем в пушистом снегу. Мы выпрыгивали из рафика прямо на тропку, тянувшуюся через тальник.

Я ловил на мормышку. Она обычно приносит успех, но на этот раз, несмотря ни на какие ухищрения, вскоре стало ясно: и плотва, и язь, за которыми мы приехали, объявили забастовку. Присмотревшись к речке, я решил поохотиться за пескарем — тем самым, которого вслед за Салтыковым-Щедриным все стали звать премудрым.

Помазав торец глубомера вазелином, я опустил его в лунку, несколько раз ударил о дно, а подняв, увидел прилипшие песчинки. Подо мной мелко — всего метр, дно песчаное. Найдя на берегу палку, опустил ее под лед и поворошил.

Затем в лунку пошла мормышка. Едва она коснулась дна, кивок резво согнулся, и в моих руках оказалась

скромная, но такая приятная рыбка. Вторая поклевка последовала вскоре же, следующая — минуты через две, а четвертая оказалась последней. Во второй и третьей лунках все повторилось, и вывод напрашивался сам собой: пескаря, как и летом, привлекает мутная вода.

Я сверлил лунки в таких местах, где можно было проверить и второе предположение: пескарь стоит только там, где течение слабое. И неудивительно: в стоячей воде эта рыба не очень любит жить, а на сильном течении, да еще зимой, ей удержаться трудно.

— Значит, пескарями пробавляешься? — подойдя, спросил Антон Антонович.

-- А ты чем?

Он открыл ящик. На его дне лежали три плотвички и подъязок.

Только за час до отъезда он спохватился и начал ловить в моих лунках, но «премудрый» уже перестал клевать. Садясь в рафик, Антон Антонович сказал:

— Кому они нужны, твои пескари.

Очень хотелось напомнить ему, что пескари на улицах не валяются, но я смолчал: зачем беречь рапу человека, обиженного пескарями?

Как только автобус тронулся, пошел снег — он падал косо и быстро: точь-в-точь как накануне ночью. Водитель включил радиоприемник, передавали последние известия о международных делах. Из Вашингтона сообщали об очередных американских подачках — деньгами и оружием — Тель-Авиву, Исламабаду, Сальвадору... Жаль, ох как жаль, что тамошние правители не знают, что говорил Старик-пескарь. Ведь, например, вот эти слова обращены прямо к ним: «Бросят нам муху, словно нас же приглубить хотят; ты в нее вцепишься — ах в мухе-то смерти!»

А кто виноват? Сами правители и виноваты — классиков надо читать. Худо только, что страдают от этого не правители, а народ.

ЛЕТНЯЯ МЕТЕЛЬ

Поезд от Тулы, где мы сделали пересадку, отошел ранним утром. Через три часа проводница, молоденькая блондинка, будто о каком-то крупном культурно-промышленном центре, торжественно объявила:

— Станция Черепеть!

Подхватив рюкзаки и удочки, мы сошли. Неподалеку от вокзала тянулись приземистые амбары. К ним непрерывно подходили автомашины, груженные зерном, — заканчивалась страда. Найти попутную автомашину большого труда не составило, и через час мы оказались в конечном пункте своего путешествия — Малахове. Это селение, где не только все дома, но и надворные постройки — кирпичные, под черепичными крышами. Бросавшийся в глаза достаток свидетельствовал о царившем в Малахове добром порядке и трудолюбии его жителей.

Село вытянулось вдоль реки Упы, которая извивается среди полей и лесов Тульской области и впадает в Оку. Начало Упа берет на Среднерусской возвышенности, на ней стоит старинная Тула.

Мне Упа запомнилась по первой военной осени. Тогда, вместе с отрядом выходя из фашистского тыла, мне довелось дважды вплавь форсировать ее на так называемых подручных средствах — досках и бревнах. В третий раз мы перебрались через нее глубокой ночью по плотине, предварительно выбив отсюда фашистов, которые приехали на десятке автомашин на мельницу молоть зерно, отобранное у колхозников. Удирая, фашисты впопыхах бросили и трупы, и раненых. После боя от мельницы остались, наверно, только жернова: пожар мы видели, уйдя километров за десять. Как давно все это было!..

А сейчас, разместившись и взяв по удочке, мы отправились на разведку. Упа — довольно широкая и рыбная река. В ней водятся судак, щука, сом, окунь, жерех, лещ, подуст, голавль, плотва и, конечно, вездесущие пескарь и ерш.

Однако к ее чистой, прозрачной воде невозможно подойти: берега густо заросли тальником. Перед тальником почти везде тянется еще одно препятствие — заросли ежевики. По ней не очень пошагаешь — обязательно споткнешься и упадешь.

Пройдя от села с километр вниз по течению, мы увидели остатки заброшенной плотины. Может, это по ней я перебирался поздней осенью первого года войны? Вон на том берегу виднеются сваи, оставшиеся от мельницы. Кто знает — в ту ночь было не до того, чтобы примечать что-то впрок.

Ниже остатков плотины, на протяжении двух-трех десятков метров, тальник не растет. Посередине обмелевшего омута лежит огромная коряга, во все стороны расто-

пырившая свои лапы. Сюда пригоняют лошадей на водопой, и здесь же местные рыбаки ловят рыбу. Это место мы и облюбовали.

На следующее утро мы ловили здесь плотву. Шла довольно крупная — весом до трехсот граммов. При каждой поклевке я опасался: «Только бы в кусты не завела». Плотва сопротивлялась сильно, и это делало ужение интересным. Поплавок редко проплывал все окно без помехи — обычно он посередине останавливался, дергался, затем нырял. В садке уже плавала дюжина одинаковых, будто штампованных плотвиц, когда после очередной поклевки я почувствовал сопротивление слабее обычного.

Однако плотва оказалась такой же величины, как и ее предшественницы. Вынимая крючок, я удивился: рот у рыбины вытянулся трубочкой — точь-в-точь как у леща. Удивило и другое: глаза у этой плотвы были не оранжевые, а серые, тоже как у леща.

Я позвал Антона Антоновича, чтобы показать эту диковинку. Он подошел и сказал:

— Так у нее и хвост лещиный.

Действительно, хвост был широкий и серый, а не узкий и розовый. Я положил рыбину на траву и стал рассматривать. Она как бы делилась на три части: голова и хвост — лещиные, а между ними вставлено туловище плотвы — узкое, со светло-розовыми плавниками.

Эту лещ-плотву или плотву-леща мы отпустили в Упу: формалина, чтобы сохранить диковинку, у нас не было. А жаль — за всю свою долгую жизнь я первый раз видел такое чудо. Как его объяснить? Это — случай естественной гибридизации рыб, конкретнее — представителей семейства карповых. И ученым, и промысловикам доводится видеть такие гибриды, но чрезвычайно редко.

Прошла неделя. Как всегда, мы утром пришли к своим «окнам» и были обескуражены: рыба почти не клевала. Полакомившись ежевикой, решили искупаться. Пробираясь к чистой воде, я на блестящих, будто лакированных, листьях кувшинки заметил светло-серых насекомых, похожих на маленьких бабочек. У них две пары крылышек — одна побольше, другая поменьше, около головки — усы, а брюшко оканчивается тремя длинными нитями. Это — поденка. В стадии летающего насекомого она не кормится, а живет от нескольких секунд до одного-двух дней, обычно лишь ночь. Вот, значит, в чем причина неудачи — рыба сыта!

По дороге домой мы встретили Сергея — местного парня, самого главного рыболова, как его называли, и сообщили ему о находке.

— Спасибо, что сказали, — услышали мы в ответ. — Я этого ждал со дня на день. Значит, сегодня начнется массовый вылет. Приходите вечером.

Когда стемнело, мы пошли к омуту. Здесь горел небольшой костер. Чем ближе подходили к нему, тем чаще перед глазами мелькали поденки. Они ударялись в лицо, падали за ворот рубашки, забирались в рукава. Над водой летели низко и так, будто опасались куда-то опоздать, к тому же так густо, что казалось, началась метель, хотя шел август, а вечер стоял тихий и теплый. Около костра поденки лежали слоем толщиной сантиметров в десять. Тысячи их падали в огонь, тысячи с опаленными крылышками падали вокруг костра. Еще больше поденок летело над водой — ведь им надо отложить яички.

Со стороны реки несло невероятное чавканье, какое можно слышать разве лишь в свинарнике. Чавкали, должно быть, все обитатели Упы — от уклейки до сома. Мелкие рыбы поедали поденок по одной, а крупные, скажем щуки или судаки, стояли у самой поверхности воды, выставив наружу спины и широко раскрыв пасти. Время от времени они сжимали челюсти, и очередная порция поденок шла им в желудки. Казалось, чавкала сама вода, она повсюду была неровной — всплывало все, что живет в ней, каждому хотелось попировать: ведь поденка — деликатес и летает считанные часы. Долго потом — неделю или больше — вся рыба ни на какой корм даже не смотрит.

— Приходите утром ловить подуста — насадки всем хватит, — слышался от костра голос Сергея.

Мы пришли и не узнали омута: было воскресенье, и на его берегах собралась чуть ли не вся деревня. Сошлись и мужики, и малые ребята. Некоторые тут же выламывали тальниковые хлысты и торопливо привязывали лески. Около потухшего костра они в коробки и банки горстями собирали поденок. Вскоре на берегу негде было встать. В воздухе непрерывно свистели лески. Несколько человек, взяв удочки в зубы, вплавь добрались до коряги и расселись на ней. Многие удильщики по обоим берегам стали заходить в воду. Вот только что лишь самый передний из них стоял по щиколотку в реке, но вскоре с ним сравнялись другие, кто-то зашел по колено, а затем и по пояс. Потом волна рыболовов отступала к берегу,

но вскоре опять продвигалась в реку все глубже и глубже.

Так продолжалось все утро, а вечером повторилось. Однако на следующее утро рыболовов пришло уже куда меньше: наступил рабочий день, да и подусты клевали значительно слабее — они уже насытились, а на третий день и вообще забастовали.

Подуст — рыба донная, верховьев и низовьев рек избегает, предпочитая среднее течение. Рот у него похож на широкую поперечную щель и расположен в нижней части заостренной головы, как у стерляди. Видимо, он и дал ему название — рот (уста) на поду, то есть внизу. Такой рот ему необходим потому, что подуст в большом количестве поедает водоросли, главным образом мелкие, те, которые называют обрастанием: они прикрепляются к камням и другим донным предметам. Подуст очень ловко, как стамеской, счищает их нижней губой, которая для такой цели покрыта роговым чехлом. Обилие водорослей в рационе привело к тому, что длина кишечника у подуста в несколько раз больше длины его самого — грубую пищу усваивать трудно.

Подуст — рыба удильщиков. Промысловики ею почти не занимаются по двум причинам: в большие стаи она не собирается, а дно любит такое, где сетью ее не возьмешь. Благодаря этому поголовье ее еще сохраняется.

Через день после «метели» в Малахове стало нечего делать. Мы начали собираться в обратную дорогу и чуть было не уехали с пустыми руками. Всех подустов отдавали хозяйке, и она в то же утро варила их или жарила: рыба эта не только быстро засыпает, но и портится. Лишь под конец нас надоумили опускать пойманных подустов в большую корзину, стоявшую в воде, — в ней они жили долго. Это-то и позволило нам довести до Москвы часть трофеев «метельной ночи».

«СУДИЛИ МЕНЯ НЕ ПО ПРАВДЕ...»

Известность ерша настолько широка, что народ сложил о нем много пословиц и поговорок. Вот лишь некоторые из них: «Дать ершу сил — всех бы со свету сжил», «В ухе и ерш с плотвой дружен», «Ерш и щуке поперек горла становится», «На Руси не все караси, есть и ерши», «Выжил, как ерш леща». Это все — хорошая характеристика умеющей постоять за себя небольшой рыбки.

А в середине XVII века безвестный грамотей написал «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» — сатиру на судейские порядки Руси. В ней Лещ, «сынишко боярский» из Ростовского озера, бил челом Осетру, Белуге и Белой рыбице. Истец жаловался, что Ерш хотя и мал, но щетина у него, как рогатины, и он прокалывает ими бока лещей. На такое обвинение подсудимый ответил: «А я, господа, Ерш, божьей милостью, отца своего благословением и материнскими молитвами, не смутщик, не вор, не тать и не разбойник, в приводе нигде не бывал, воровского у меня ничего не изымали; человек я добрый, живу своею силою, а не чужою; знают меня на Москве и в иных великих городех князи и бояре, стольники и дворяне, жильцы московские, дьяки и подьячие и всяких чинов люди; и покупают меня дорогою ценою, и варят меня с перцем и шафраном, и ставят перед собой честно, и многие добрые люди кушают с похмелья и кушавши поздравляют».

Несмотря на такие заслуги, Ерша в сатире приговорили казнить — бить кнутом, а потом повесить. Однако он не смутился и сказал: «Господа судьи, судили вы меня не по правде, судили по мзде. Леща с товарищами оправдали, а меня обвинили». Тут Ерш вскочил, только его и видели. Отсрочил, словом, исполнение несправедного приговора.

И по сей день ерши обитают в наших водоемах. Но охотников расправиться с ними, к сожалению, не убавилось.

Вскоре после рассвета из прибрежных лесов к водоемам, посещаемым рыболовами, начинают слетаться шумливые вороны, стрекотухи сороки и мрачно каркающие вóроны. Они ждут не дождутся, когда в поисках лучших лунок удильщики сменят место или под вечер отправятся в ближайшую деревню.

Тут у прожорливых птиц и начинается пир. Они торопливо глотают ершей, брошенных возле лунок. А бросают ершей иные горе-рыболовы безжалостно. И мало сказать, что они поступают нехорошо.

Раньше говорили: грех жестоко обращаться с божьей тварью. В век космоса, кибернетики и атеизма эти слова никого не остановят. Варварам надо говорить другое: преступно так расправляться с частицей природы, ерш в окружающей среде наделен своей ролью и отлично ее исполняет.

Кто-кто, а именно удильщики в долгу перед ершом. Ведь трудно целый день без единой поклевки усидеть на льду или в лодке. Который раз и уехал бы домой, да ерш клюет. И ты остаешься, дышишь свежим воздухом, отдыхаешь от городской суеты и шума. Порой водоем богатый, но погода плохая — «серьезная» рыба не клюет. А ершу, кажется, все нипочем. Он не падает духом и в дурную погоду выходит покормиться.

И все же ершу живется неважно, о чем, пусть индифферентно, писал Салтыков-Щедрин: «Эта рыба нервная, которая, по-видимому, помнит немало обид. Накипело у ней на сердце... ах, накипело! До ненависти покуда еще не дошло, но веры и наивности уж и в помине нет. Вместо мирного житья она повсюду распрю видит; вместо прогресса — всеобщую одичалость. И утверждает, что тот, кто имеет претензию жить, должен все это в расчет принимать».

Описывая настроение ершей, великий сатирик имел в виду, конечно, людей своего времени, но так жалостливо подметил это настроение, что его строки можно отнести все-таки и к ершам.

Мне, заядлому удильщику, всегда хочется защитить эту рыбу. Я-то ей кое-чем и в самом деле обязан.

Это произошло много лет назад.

...Лицо врача мрачнело. Он долго-долго молчал, наконец я услышал:

— Инфаркт миокарда.

Я знал, что это что-то очень серьезное, но казалось, оно произошло не со мной — настолько уверен был в своем здоровье. Не успел прийти в себя, как приехали двое в белых халатах, положили на носилки и увезли в больницу.

Дежурный врач спросил:

— Чем болели?

Вспоминал, напрягая память. Мальчишкой глотнул купоросного масла — ужасные боли в горле были, даже когда пил молоко, но через месяц прошли. Еще что? Насморки, простуды. Ранения на фронте. И все. А теперь вот страшный инфаркт.

Из больницы я вернулся через три месяца и уехал в санаторий. Первый раз за всю жизнь. Санаторий оказался в Михайловском — некогда одном из подмосковных имений графа Шереметьева. Три дня бродил по старинным липовым аллеям, знакомился с библиотекой, выслушивал жалобы напарника по палате на дюжину бо-

лезней. На четвертый день после завтрака встретил человека с удочкой и связкой мелкой рыбы.

— Далеко ездил? — не утерпел спросить я.

Встречный с удивлением посмотрел на меня, удочкой показал в сторону одного из корпусов и сказал:

— За ним. Метров сто.

Насколько мог быстро, я прошел за этот корпус и увидел речку, протекавшую под крутым берегом. Это Пахра, один из притоков Москвы-реки. Когда-то по ее берегам располагались каменоломни — еще при отце Ивана Грозного здесь добывали известняк для строительства столичных церквей и других зданий.

На том берегу Пахры рос жиденький и еще голый лес: май только начинался. У воды, среди кустов, сидели двое удильщиков. Я уселся напротив них и стал наблюдать. Вода уже посветлела, в небольшом заливчике они ловили какую-то мелочь. Через полчаса один из них сказал:

— Хватит глядеть. Бери удочку и лови.

— А как перебраться?

— По Чертову мосту, — ответил он и показал налево.

Я зашагал к мосту и остановился в нерешительности. Он был подвесным, раскачивался и довольно заметно прогибался под шагавшим по нему парнем. Перейти такой мост мне тогда явно было не под силу: закружится голова, и полетишь в воду, а из нее уже не выберешься.

Постояв около моста, я вернулся на прежнее место. Тот же рыболов не то вопросительно, не то утвердительно сказал:

— Боишься...

Потом он вскочил, перебежал по мосту и встал около меня.

— Извини, ради бога. Не подумав сказал. У тебя, наверно, с сердцем?..

Он взял меня под руку, провел по мосту, дал удочку и усадил рядом с собой.

— Под кусты забрасывай, в тень.

Клевали ерши, только они.

Мой новый знакомый работал ночным сторожем санатория. По утрам и вечерам на берегу Пахры к нему присоединялись аптекарь и повар. Через несколько дней я самостоятельно преодолел Чертов мост в оба конца. Сначала не глядел под ноги и держался за толстую про-

волоку, протянутую в метре от настила. Вскоре и этого не потребовалось. Все время, свободное от процедур, я ловил ершей. Отдавал их сторожу, который доверил мне удочку.

За день до выписки, когда я, как всегда, после завтрака рыбачил, на берегу появился главный врач санатория: высокий, полный, с огромной седеющей шевелюрой. Я увидел его, снимая с крючка очередного ерша. Машинально встал, ожидая нотации.

— Если вы так заняты, то, может, мне к вам пройти? — заговорил главный врач. — Представьте, я еще ни разу не разговаривал с больным вот так — через реку.

По тону нельзя было понять, серьезно он говорит или с усмешкой.

Я шел к нему быстро и думал, как оправдываться. Собственно, курс лечения уже кончался, вряд ли врач будет меня ругать...

— И давно вы этим занимаетесь? — спросил врач, когда я подошел.

— Кажется, лет с семи.

— Прекрасно! Но я про другое — у нас в санатории сколько времени ловите?

— Начал вскоре, как приехал. Не вижу ничего плохого...

Он перебил меня:

— Признаться, до этой минуты я был удивлен: уж больно быстро у вас поправка идет. Приехали в таком тяжелом состоянии! А сейчас? Хоть завтра в строй. Вот только рыба у вас мелкая...

— А что, если бы я ловил крупную, то поправился еще быстрее?

— Нет, не то. — Врач укоризненно посмотрел на меня. — Я сам ловлю с детских лет и как врач скажу: с больным сердцем и надо ловить только мелочь. По себе знаю: если крупная сорвется, столько нанервничаешься!

Вот тебе и ерш! Оказывается, он союзник медицины.

ПРОФЕССОР И ДВОРНИК

Профессор биологии Анатолий Евгеньевич высок и худощав. Он исключительно пунктуален и расписывает свой рабочий день по минутам.

Лет десять тому назад Анатолий Евгеньевич въезжал в квартиру нового дома. Когда автомашина доставила ве-

ши, к нему подошел невысокого роста, полный человек в очках. Это был дворник Семен Иванович. Пожимая ему руку, Анатолий Евгеньевич наотрез отказался от помощи. Однако Семен Иванович все же стал таскать чемоданы, связки книг — все, что ему подавали с автомашины. Когда вещи были перенесены, Анатолий Евгеньевич сухо поблагодарил дворника и удивился, что тот отказался от чаевых. Хорошо еще, что Семен Иванович не обиделся. Впрочем, как новый жилец мог знать, что этот дворник вообще подачек ни от кого не берет?

Мне же такая подробность была известна, потому что Семен Иванович мой давний друг.

В первые же дни войны Семен Иванович отправился в военкомат. Там категорически отклонили просьбу снять броню с него, отличного мастера по наладке и ремонту точных приборов. И все же через полгода он уехал на фронт. Служил автоматчиком, вскоре стал командовать отделением, ему присвоили звание сержанта.

Однажды, возвратившись с задания, он около батальонной кухни неожиданно увидел жену, стоявшую в очереди за ужином.

— Не могу одна дома сидеть, — извиняющимся тоном сказала она. — Да и помочь тебе надо извергам мстить. Ты уж прости, Сеня.

Встреча с мужем стоила ей больших трудов: много времени ушло на учебу в школе снайперов, да и подразделение, в котором он служил, нашла не сразу. Вместе им довелось побыть недолго — месяца через три часть попала в окружение. Семен Иванович до сих пор помнит во всех подробностях, как его, раненого, схватили фашисты, а стоявшую рядом жену застрелили — она не успела вставить запал в последнюю гранату.

Из концлагеря он бежал, едва закрылись раны. На свободе жил недолго — затравили овчарками. Искусанного, истекающего кровью, его отвезли в другой лагерь, лучше охранявшийся. И опять он убежал. Его во второй раз поймали и отправили в лагерь смерти. Здесь действовала подпольная организация, и Семен Иванович вступил в нее.

Долгожданный день, когда в лагерь ворвались наши солдаты, Семен Иванович встретил полуживым. Здоровье поправлялось медленно. Из госпиталя выписался инвалидом, но не мог сидеть без дела и стал работать дворником. Свободное время отдавал рыбалке и бесконечному совершенствованию удочек, поплавков, блесен. Потом

делал их десятками и раздавал знакомым рыболовам. Если бы он продавал их на московском Птичьем рынке, то давно бы ездил на собственной автомашине...

В ведении Семена Ивановича находится несколько многоэтажных домов. Среди жильцов есть астроном, генералы, известные новаторы производства, восходящая звезда балета. Все уважают Семена Ивановича и охотно пользуются его маленькими услугами. Конечно, холодное отношение биолога обидело его.

Однако утром следующего дня он стоял у подъезда и, когда профессор вышел к автомашине, спросил:

— Скажите, пожалуйста, почему наш угорь уходит нереститься в Атлантику?

Анатолий Евгеньевич терпеливо объяснил недостойное поведение угря. На второе утро Семен Иванович, извинившись, снова поинтересовался:

— А что, есть такая рыба, которая вьет гнездо? Мне об этом один человек говорил, да я ему не верю.

Профессор вслух попросил шофера заезжать за ним на пять минут раньше и пояснил: чтобы отвечать на вопросы дворника.

Однако Семен Иванович больше не подстерегал его.

В декабре Анатолий Евгеньевич стал чувствовать себя плохо, объяснил это переездом на новую квартиру — он нарушил режим. А вскоре после Нового года уехал в санаторий и здесь познакомился с профессором физики. Впрочем, беседовать им удавалось только в столовой да по вечерам — остальное время физик проводил на рыбалке.

Физик несколько раз приглашал Анатолия Евгеньевича пойти с ним и наконец уговорил. Очень обрадованный этим, физик отдал ему свою лучшую лунку. Биолог сел около нее на складной стульчик и вынимал то окунишку, то плотвицу. Когда подошла сестра-хозяйка и сказала, что пора обедать, Анатолий Евгеньевич запротестовал:

— Мы еще немного половим.

Однако физик его не поддержал. Биолог пересчитал свою рыбешку, сфотографировал на память и, бережно собрав, отдал сестре-хозяйке с просьбой поджарить.

Вечером биолог слушал рассказ о снастях. Физик, про которого говорили: пошел, увидел, поймал, вскоре забыл, что перед ним — новичок, залез в дебри конструирования блесен, и Анатолию Евгеньевичу оставалось

только поддакивать. Потом, спохватившись, физик скавал:

— Я дам адрес человека, который придумал замечательные блесны и сам их делает.

Билег вынул блокнот и стал было записывать, но остановился:

— Позвольте, я ведь сам проживаю в этом доме.

— Тем лучше — Семен Иванович очень интересный и хороший человек.

— Это наш дворник, — разочаровался Анатолий Евгеньевич.

— Совершенно верно. Кстати, один из лучших дворников: о нем и в газете писали. К тому же он обер-рыболов нашего города. И учтите: он ловит только шипящих рыб.

— Таких не бывает, — вполне серьезно возразил Анатолий Евгеньевич.

— Нет, бывают, — настаивал физик. — А язпици, голавлици, окуници?

Все время до конца отпуска Анатолий Евгеньевич провел около лунок. Несколько раз ему казалось, что он уже познал все рыболовные тайны, но физик быстро доказывал, что это заблуждение.

На вокзале Анатолия Евгеньевича встретила жена. Он обнял ее, поцеловал, поинтересовался здоровьем и спросил:

— А как поживает Семен Иванович?

— Дворник? Право, не знаю.

Дома он первым делом попросил сходить за Семеном Ивановичем. Вскоре профессор с жаром рассказывал ему о своих рыболовных успехах. Дворник слушал со снисходительной улыбкой.

Разговор затянулся, и, когда пробило двенадцать, в кабинет вошла жена. В ее глазах можно было увидеть негодование и удивление — ведь нарушен распорядок дня. Не обращая внимания на жену, Анатолий Евгеньевич рисовал в блокноте.

— Хорошая блесна будет, — сказал он, подавая дворнику блокнот.

— Чепуха, извините за выражение, — почти не посмотрев, сказал Семен Иванович. — Рыба ее полюбить не может.

Затем он нарисовал свою блесну.

С того времени в недельный распорядок Анатолий Евгеньевич внес существенное изменение — отвел время

на рыбалку. А вскоре произошел случай, о котором его жена и сейчас хорошо помнит: он вернулся с рыбалки в полушубке, нижняя половина которого была темнее верхней. Не веря себе, она пощупала полушубок, после чего не осталось сомнений — муж провалился под лед.

— Боже! Что будет с тобой? Я отругаю дворника!

— Сенью? Моего друга?

— Ты с ним уже в таких отношениях?

— Но ведь мы одноклассники, воевали, оказывается, на одном фронте. Оба командиры: он был сержантом, а я майором. А главное — сегодня он стал моим спасителем.

После этого происшествия они и верно стали закадычными друзьями. У них все совершенно разное: характер, профессия, образование, вкусы, взгляды, планы. Но рыбалка стерла эти различия. Больше того, она из двух человек как бы сделала одного. Порознь их можно увидеть только в рабочее время.

Теперь Анатолий Евгеньевич известен не только среди биологов, но и среди рыболовов. Кто-то из тех, которые хорошо знают и его, и Семена Ивановича, первого окрестили «академиком», а второго — «учителем»; видать, за то, что обучал приятеля премудростям ужения. Говорят, что это «академику» принадлежат слова, которые теперь повторяют многие рыболовы: «У меня все есть для счастья — интересная работа, любимая жена, хорошие дети, уютная квартира, нет только мормышки из вольфрама». Достоверно же известно другое — он любит повторять: «Мне все равно, что клюет, что нет; если же клюет — еще лучше». Особенно известным Анатолий Евгеньевич стал после рыбалки на Истринском водохранилище.

Стоял солнечный полдень. На льду сидели больше десятка рыбаков. «Академик» и «учитель» блеснили, как всегда, находясь неподалеку друг от друга. Уже давно не ухали пешни и не шуршали ледобуры: как говорится, не клевало, не клевало, а потом отрезало. Было тихо, и только на ближней березе надоедливо стрекотала сорока.

Вдруг надо льдом пронеслось:

— Товарищи! Друзья! Граждане!

Это кричал «академик». В его голосе слышались удивление и радость.

Мы подбежали к нему и увидели очень странную картину: в вытянутой руке он держал леску с блесной, половина которой скрывалась во рту... леща. Да, леща, очень мирного и медлительного! Он отливал

старинным серебром и бил хвостом по морозному воздуху.

— Честное слово, это я поймал его! — уверял всех «академик».

Мы продолжали любоваться лещом. Потом кто-то отвел руку счастливца в сторону — лещ мог сорваться и упасть в лунку. Первым прервал молчание «учитель».

— Единственный случай! — крикнул он и побежал к дальней группе рыболовов.

Среди тех, кого он привел, были и мы с Антоном Антоновичем. Антон Антонович посмотрел на леща, на блесну и начал было свои объяснения:

— Да, редчайший случай. Впрочем, в литературе это уже описано...

Семен Иванович что есть силы дернул его за рукав полушубка и прошептал:

— Ну зачем, зачем сказал? Чтобы испортить ему настроение? Я однажды сам вот такого же поймал на блесну, и то молчу.

Но «академик» ничего не слышал и остался при своем счастье. А почему повезло именно ему? Да потому, что он твердо помнил слова Семена Ивановича: если плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, то трижды плох тот рыболов, который не надеется поймать пудовую щуку или леща с поднос. В этом не стоит сомневаться — товарищ рыба знает, у кого клевать.

МАРЕНА И КОНЦЕРТ

Среди моих добрых знакомых Аркадий Петрович занимает особое место. Он уже перешагнул пенсионный рубеж, но все еще не утратил юношескую восторженность и может, когда речь заходит о рыбалке, часами рассказывать о какой-нибудь речушке, которая, как говорится, курице по колено.

Мы познакомились много лет назад еще в солдатском клубе, где он выступал на концерте самодеятельности. Теперь он — солист знаменитого ансамбля, лауреат многих конкурсов, его знают почти в двух десятках стран.

Аркадий Петрович часто жалеет, что не ихтиолог: При такой профессии, он считает, его уловы были бы больше. В какой-то мере это, конечно, справедливо: на рыбалке ему всегда почему-то не везет. Он отличный товарищ — отдаст последний крючок, поедет рыбачить в

любое место, куда его пригласят, и ни словом не упрекнет, если там не увидит ни единой поклевки.

В армию Аркадий Петрович был призван в сорок втором году. Сначала служил сапером, потом пел в самодеятельном ансамбле песни и пляски дивизии, даже руководил им. На фронте пробыл полтора года, пока его не демобилизовали по ранению со снятием с воинского учета. Об обстоятельствах ранения он не распространялся, и мы в своем рыболовном коллективе узнали об этом случайно.

Нам рассказали, что после неудачного боя дивизия понесла большие потери и Аркадий Петрович получил приказ уходить с остатками ансамбля в сторону какой-то Ивановки. Сколько их, этих Ивановок, было всеми пройдено в годы войны!

Уходили ночью, было холодно и ветрено. Вода в лужах на сельской улице покрылась льдом, он, как стекло, похрустывал под ногами. В кромешной темноте пересекли поле, не паханное за военное время. До леса, где можно было укрыться, оставалось всего сотни две метров, когда над головами вспыхнули и повисли немецкие «лампадки» и тут же заработали пулеметы, стали рваться мины.

В какую-то секунду Аркадий увидел яркую белокрасную вспышку, почувствовал удар в бедро и упал. «Лампадки» стали гаснуть, но тут же вспыхивали другие. Теперь уже заливались не только пулеметы, но и автоматы. «Все, конец, — спокойно подумал Аркадий. — Жаль, что настоящим артистом я так и не стану».

Сколько времени прошло до той минуты, когда он очнулся, Аркадий не представлял. Открыть глаза не удавалось. Подняв пальцами веки, он понял, что уже наступило утро.

— В медсанбат надо ехать, да вот не знаю, где он сейчас, — сказал пожилой водитель полуторки, собиравший раненых.

Водитель помог Аркадию забраться в кузов. Здесь лежали несколько раненых из его ансамбля. Когда автомашина тронулась, он с их помощью стал перевязывать себе ногу. Бинт насквозь пропитался кровью, которая почему-то казалась ржавой. Один из артистов вытер Аркадию залитое кровью лицо: в него, очевидно, попали мелкие осколки.

Едва полуторка выехала из леса на дорогу, как в ее борт впились сразу несколько пулеметных очередей.

Щепки полетели во все стороны. Ни винтовок, ни автоматов у раненых не было. В кузове лежал лишь ящик с пятком гранат. Но бросать их было некому — у одних руки ранены, другие же были в таком состоянии, что не только гранату, спичку не могли бросить.

В это время забарахлил мотор, и полуторка встала. Водитель выскочил из кабины и только начал поднимать автомат, как замертво упал. Аркадий Петрович вставил запал и метнул гранату в кусты, откуда торчал ствол ручного пулемета. Кто-то из раненых подал ему вторую гранату, с запалом, и он, приподнявшись, метнул ее к воронке, из которой высывалась каска. Фашисты молчали, но, когда разорвалась пятая, последняя, граната и на несколько секунд стало тихо, из-за деревьев на дорогу их выскочило около десятка.

— Ну что ж, ребята, я сделал все что мог, — тихо, будто задумчиво, сказал Аркадий, повернувшись к сбившимся в кучу раненым. — Жаль, конечно, что приходится расставаться... И с вами, и с жизнью.

В этот момент, когда, казалось, пришел конец, крик усилился. Аркадий высунулся из-за борта и увидел, что от деревьев к дороге бегут наши солдаты. Это была группа, в суматохе отбившаяся от своего подразделения. Стреляя фашистам в спины, она пригвоздила их к земле.

К вечеру и раненые и их спасители добрались до тылов своей дивизии.

Полгода Аркадий Петрович лечился в госпитале. Уже тогда он начал выступать — и перед ранеными, и перед жителями сибирского города, где размещался госпиталь. Затем — учеба в консерватории. Потом — профессиональный ансамбль, концерты, заграничные турне, известность...

Аркадий Петрович позвонил мне по телефону:

— Пожалуйста, приезжай ко мне. Очень прошу.

По тону, каким была произнесена эта просьба, я догадался, что ему в чем-то очень нужна помощь.

Застал я его в комнате, у которой особые стены: три от пола до потолка увешаны полками, забитыми книгами, а четвертая — окно. Около него стоит огромный письменный стол, а рядом — бронзовая нимфа, поддерживающая абажур с метр в диаметре. Столом и нимфой Аркадий Петрович очень гордился — они перешли к нему от отца, тоже артиста.

Кругом — и на столе, и на стульях, и прямо на полу — лежали снасти. Чего тут только не было! Казалось,

приятель закупил целый магазин снастей, но не успел привести их в порядок. Я стоял у порога, рассматривая это богатство.

А начинал он... Аркадий Петрович простит мне разглашение этой детали его биографии. Ведь ни его искусство, ни престиж от этого не пострадают.

Так вот, начал он с одного-единственного крючка, выпрошенного у какого-то мальчонки прямо у озера, около которого стоит родная деревня его жены Глафиры Ивановны. Сюда он приехал отдыхать. В первый же день вышел на берег и увидел, как ребята ловят ротана — противную рыбешку, беспощадного врага обитателей вод, начиная от сома и кончая уклейкой.

Держа крючок на ладони, он попросил у жены несколько метров ниток. Затем обстругал сухую палочку — некоторое время она исполняла роль поплавка, а в зарослях орешника вырезал прут. Накопав червей в огороде, Аркадий Петрович отправился на свою первую в жизни рыбалку.

На следующий день он сказал Глафире Ивановне фразу, которую потом часто повторял:

— На одной удочке далеко не уедешь!

После этого он отправился в Москву, а вернулся с тремя отличными удилищами, несколькими мотками лески, набором крючков и поплавков. Потом снастями и принадлежностями забил весь встроенный шкаф. Чего только не было в нем: катушки, кружки, отцепы — все перечислить трудно!

Аркадий Петрович так увлекся рыбалкой, что довольно скоро от ротана дошел до катрана. Что это такое? Акула! Приятель стал специально ездить на Черное море, чтобы ловить эту сильную, коварную и беспощадную рыбину.

И вот новые закупки снастей.

— Наконец-то! — сказал он, хотя я приехал точно в условленное время.

Он пошел мне навстречу, глядя себе под ноги и боясь на что-нибудь наступить. Показав рукой на принадлежности, Аркадий Петрович добавил:

— Отправляюсь на Южный Буг. В нем марена водится. Ты ловил ее?

Я ответил отрицательно.

— Да ну! — с неподдельным изумлением воскликнул приятель. — Ее зовут также миромом и усачом. Все равно не знаешь? Запомни: не стремится поймать марену

лишь тот, кто с ней незнаком. Это одна из самых спортивных рыб в мире. Она осторожнее головля, хитрее плотвы и сильнее сазана.

— А ты сам ловил эту рыбу?

— К большому сожалению, тоже знаком с ней только по литературе. Зато я собрал о ней все материалы — и спортивные, и промысловые, и научные, — начиная с изданной в 1646 году английской брошюры о любительской ловле и кончая последними трудами НИИ рыбного хозяйства. Вот посмотри!

Он сунул мне в руки толстую тетрадь. Я стал было ее листать, но он тут же взял ее обратно.

— Да-да, я могу дать любую справку об этой рыбе, — продолжал Аркадий Петрович. — Что ты хочешь знать? Биологию? Пожалуйста! Марена — речная рыба, предпочитающая глубокие участки с быстрым течением и каменистым или крупногалечным дном. Однако места, где есть обратное течение, она недолюбливает, а на мелкие выходит только ночью, в поисках корма. В заливах, заводях и поймах марена почти никогда не встречается, лишь при значительном разливе реки она выходит на затопленную полосу, обычно богатую кормом. Живет марена в одиночку или группами. Только перед нерестом собирается в стаи. Впереди идут крупные самки, затем — крупные самцы, а уж потом — молодежь. Перед зимой стаи залегает на спячку. Предельный вес марены — до четырех килограммов, длина — до 85 сантиметров.

— А нерестится когда?

— С мая до начала июля. Для этого марена обычно поднимается выше по течению от места нагула.

Он хотел что-то добавить о марене, но вместо этого выпалил:

— Я собирался ехать с Антоном Антоновичем, но у него не получилось... Знаешь что, едем с тобой! Понимаешь, я познакомился с председателем колхоза из Винницкой области. Прекрасный человек. Он так приглашал к себе на Южный Буг! А главное, — марена. Он сам ловит и покажет лучшие места. Едем?

— Едем, — почти неожиданно для себя сказал я. — Послезавтра у меня тоже отпуск начинается.

— Еще один безумец! — входя, сказала Глафира Ивановна. — Ехать за тридевять земель, чтобы ловить какую-то марену! Аркаша, дорогой, будь благоразумным хоть раз в жизни...

— Глашенька! Ну какие мы безумцы? Мы — романтики и спортсмены.

— Пусть вы романтические спортсмены, пусть вы спортивные романтики — все равно безумцы.

Через день мы уехали из Москвы. В Виннице пересели в поезд узкоколейной дороги. Его новенькие вагоны блестели краской. Проводницы очень гордились своими вагончиками и тщательно следили за чистотой. Поезд тронулся, когда солнце уже закатывалось.

Глубокой ночью, когда лил проливной дождь и хлестал ветер, мы приехали в Гайсин — районный центр. Дальше предстояло добираться автомашиной.

В одном из вокзальных помещений мы увидели телефонный аппарат — большой, с торчащей сбоку ручкой.

Аркадий Петрович ему несказанно обрадовался.

— Хорошая штука! Не станем дожидаться утра — позвоним. Колхоз богатый, машин, наверно, много.

Он несколько раз повернул ручку и попросил:

— Будьте добры, дайте, пожалуйста, Степашки.

— А там кого?

— Председателя колхоза.

Прошла минута, и в трубке послышался энергичный мужской голос:

— У телефона.

— Здравствуйте, Мирон Карпович! — воскликнул Аркадий Петрович. — А я уже на станции, я не один, а с другом. Промокли до последней нитки, да и проголодались порядком...

— Значит, вам Мирона Карповича Усача надо?

Вопрос был таким неожиданным, что Аркадий Петрович растерялся и стал вешать трубку.

— Стой! — крикнул я, вырывая ее и уже поняв, что случилось что-то неприятное. Еще не теряя надежды на лучшее, спросил невидимого собеседника:

— А где Мирон Карпович? Может, нас неправильно соединили?

— Он теперь в соседнем районе работает. А вы кто такие будете?

— Рыболовы.

— Рыболовы?

— Да, любители, — уточнил я.

— Откуда?

— Из Москвы. Приехали марену ловить.

Трубка немного помолчала, а потом из нее послышались злые слова:

— Кто вам дал право среди ночи мне голову морочить? Нашлись москвичи!

— Честное слово! Мы из Москвы. Нам бы машину...

— Машину? — крайне удивленно спросила трубка. — Видать, вы действительно из Москвы. На машине к нам сейчас никак не добраться — Соб не пускает.

— А кто он такой? — ожидая подвоха, спросил я, поглядывая на Аркадия Петровича, который с унылым видом изучал расписание поездов на Винницу.

— Приток нашего Буга. Он сильно разлился: уже третьи сутки льет дождь.

— Соб — это, конечно, так, но нам пужен Южный Буг. Как на такси к вам добраться?

— Боже мой, ведь я уже сказал, что машины не ходят. Может быть, пробьется подвода. Ждите ее на молокозаводе. Ну, спокойной ночи.

То же самое я пожелал собеседнику.

— Видимо, эта марена нам муреной обернется, — с горечью буркнул приятель.

— А это еще что такое?

— О! Знаменитая рыба! Кровожаднейший хищник! Древнеримские патриции в бассейны с голодными муренами бросали рабов. Развлекались, одним словом. Да, влипли в историю. Глашенька правильно говорила — мы безумцы. Придется того... обратно.

Оставив слова приятеля без внимания, я сказал:

— Вообще-то могло быть и хуже — что тебя разыграли. Подумай сам: рыба — мирон, председатель колхоза тоже Мирон. Да еще Карпович, да еще Усач...

Приятель совершенно серьезно заверил, что это просто совпадение.

Остаток ночи мы провели на вокзале. Время тянулось очень медленно, и, чтобы хоть как-нибудь убить его, я стал рассказывать приятелю и случайному соседу одну из тех побасенок, которые гуляют в кругу рыболовов.

— В тот раз я встал на якоря очень рано — еще не было пяти часов — и до шести не видел ни одной поклевки...

— Удивил! — саркастически заметил Аркадий Петрович.

— В семь-то то же самое, в восемь...

— И так до вечера? — теперь уже ехидничал седусый сосед по скамейке.

— Нет, только до девяти часов. Тут мое терпение лопнуло, и я решил позавтракать...

— Исключительно интересно! — подковыривал седоусый.

— Нарезал колбаски, огурчиков, помидорчиков, потом налил чайку. Уже подносил кружку ко рту, как на одной удочке клюнуло. Я левой рукой подсек и вытащил ерша.

— Не густо, но все-таки рыба...

— И такое меня зло взяло, что выплеснул чай в глотку ерша... Только выбросил его за борт, как опять поклевка...

— Значит, клев начался только в девять часов? — по-настоящему заинтересовался Аркадий Петрович, но я не ответил.

— Клевали и плотва, и окунь, и карп. Снимаю их с крючка — и в садок. Потом заметил, что уж очень шумно в нем...

— Щука подошла? — загорелся седоусый.

— Поглядел в садок, — тем же тоном и с тем же безразличным выражением лица продолжал я, — а там какая-то здоровенная плотва разинула рот и говорит: «Ну и лгун этот ерш: сказал, что здесь сладкий чай раздают. Почаевничали, называется».

Аркадий Петрович простодушно рассмеялся, а седоусый обиделся и пересел на другую скамейку.

Утром мы пришли к проходной молокозавода. Среди колхозников, приехавших сдавать молоко, из Степашек никого не нашлось. Лишь под вечер приехала еще одна телега, груженная бидонами. Аркадий Петрович подошел к возчику и, наверно в сотый раз, спросил:

— Вы из Степашек?

Возчик, чубатый парень, ответил утвердительно.

— Наконец-то! Значит, мы с вами поедем.

— Нет, у меня уже есть пассажиры. Председатель велел каких-то чудаков захватить.

— Дорогой! Так мы и есть те чудaki.

Парень быстро сдал молоко, и уже через полчаса началась переправа через Соб. Лошадь задирала морду. Мы с рюкзаками за спиной стояли на телеге по колено в воде, прижимая чemoданы к животам. Все, казалось, шло более или менее благополучно, однако вскоре парень остановил лошадь и стал всматриваться в воду.

— Вы чего там ищете? — забеспокоился Аркадий Петрович.

— Перила.

— Какие перила?

— Да как бы не мимо моста...

Перил не было видно, и я посоветовал Аркадию Петровичу:

— В случае чего — чемоданы бросать, прыгать в воду и держаться за оглобли.

— А удочки? — без испуга, но с удивлением спросил он.

— Взять в зубы.

Но все обошлось. В Степашки мы прибыли глубокой ночью. Молоковоз разместил нас в одной из комнат своего большого дома, белевшего среди молодых яблонь. А ранним утром мы сидели на крыльце и приводили в порядок снасти. Скрипнула калитка, и вошел невысокий щуплый старичок в железных очках. Поздоровавшись, он назвался председателем колхоза и сразу выразил удивление:

— Вы ведь безумцы — ехать в такую даль ловить марену.

Аркадий Петрович подмигнул мне, улыбнулся председателю:

— А вы не в сговоре с моей женой? Она ведь тоже назвала нас безумцами.

Тот рассмеялся:

— Уж моя-то не пустила бы в Москву ловить ершей.

Он похвалил наши снасти и ушел. А мы, пройдя переулком, очутились на тропке. С одной ее стороны тянулась уже начавшая зреть кукуруза, а с другой — густо зеленела конопля. Мы шли по этому коридорчику, ничего не видя вокруг — и кукуруза, и конопля вымахали выше человеческого роста. На берегу тропка окончилась.

— Шоколад, — уныло сказал Аркадий Петрович, глядя на реку.

— Придется ждать, — добавил я. — Дня два или три пройдет, потом вода посветлеет.

На противоположном, слегка холмистом берегу тянулось пшеничное поле. К нему, отталкиваясь шестом, на плоскодонке переправлялась девушка. Глубина оказалась небольшой: два, изредка три метра.

— А сколько же останется, когда Буг войдет в берега? — с тревогой спросил приятель.

— Это тебя надо спросить — ведь говорил, что знаешь реку, как свою квартиру.

— Я пользовался литературными данными.

— Да ты не расстраивайся: сколько-нибудь воды все-таки останется, — успокаивал я его.

На другой день мы опять приходили сюда. Вода чуть-чуть отступила и посветлела, но о ловле еще нельзя было и думать. На третий день мы пришли на берег уже с удочками.

— Хоть на полавки поглядим, — будто перед кем-то оправдывался Аркадий Петрович, когда мы шагали по хорошо знакомому теперь коридору из конопли и кукурузы. — А может, и мелочишки наловим. Все лучше, чем ничего.

Мы выбрали небольшую заводь и только забросили удочки, как начались поклевки: на червя зарились пескари. Приятель налил в ведро воды и, пуская в него очередной трофей, сказал:

— Под Москвой мы на такого и смотреть бы не стали. Полторы тысячи километров за ним ехали. Ну не смешно ли? Ты уж, пожалуйста, извини, что так получилось.

— А за что извинять: место новое, интересное, а ловля — впереди.

Мы не замечали, что за нами уже несколько минут наблюдал председатель колхоза. Наконец он вышел из кукурузы и категорически заявил:

— Ничего здесь не поймаете.

— Уже поймали, десятка два. Смотрите, какие шустрые.

— Не понимаю — ехали за мареной, а ловите пескарей. Вы бы вон в те кусточки шли: она там стоит.

— Да какая сейчас марена — вода ведь еще мутная, — возразил Аркадий Петрович.

— Вот и хорошо — марена близко к берегу подошла, не заметит вас.

Опрокинув над водой ведро с пескарями, мы зашагали к видневшимся вдалеке кустам тальника. Просветы между ними оказались небольшими, поплавок мог плыть всего два-три метра.

Я первым забросил удочку. Вот он уже посередине просвета, вот проплыл все расстояние, на которое его можно пустить. Но тут поплавок нырнул, и в ту же секунду я почувствовал сильный рывок. Рыба тянула против течения, тянула упорно, потом бросилась к середине реки. К берегу она шла, отчаянно сопротивляясь, делая частые рывки. У поверхности воды стала выделять такие номера, что брызги летели далеко, обдавая мои ноги.

Когда добыча оказалась на берегу, я разочаровался: она весила не больше трехсот граммов, а ведь я думал, что в ней килограмма два.

— Марена? — спросил я.

— Она, — подтвердил приятель.

Марена и формой тела, и окраской очень похожа на большого пескаря. Спина — оливково-зеленая, брюхо — беловатое, концы спинного и хвостового плавников — черные, а остальные — красноватые. От этого кажется, что марена озарена лучами заходящего солнца. Она похожа на пескаря и тем, что имеет две пары усов: одну в уголке рта, другую на верхней челюсти. Впрочем, главный характерный признак марены в том, что у нее спинной плавник с зубчиками по краю.

Подходило время обеда, когда я вынул из воды садок с общей добычей.

— Килограммов пять будет?

— Вполне, — отозвался приятель.

Окончив ловлю, мы пошли домой и всю дорогу шутили.

В следующие дни старались выяснить, какая насадка марене нравится больше. Вот что мы ей предлагали: земляных и навозных червей, опарыша, ручейника, выползка, линяющего рака, малька, ракушку. И на все она клевала примерно одинаково. Предлагали ей и растительные насадки: пареную кукурузу, горох и овсяную кашу. Марена и на эти насадки клевала, но заметно реже.

Постепенно вода в Южном Буге становилась светлее, марена уже не подходила к берегу, и мы начали применять другие снасти. Аркадий Петрович стал ловить донкой: она тоже давала хорошие уловы. Это нетрудно понять — ведь марена очень осторожная рыба, а благодаря донке насадку можно послать далеко. Еще успешнее шла ловля ходовой донкой: насадка не только находится далеко от рыболова, но и все время движется. Ловили мы и в проводку с длинным отпуском поплавка. Делали это так: забирались на плотину и пускали насадку по течению. Она отплывала далеко — метров за 50—60, и марена клевала безбоязненно. Во всех случаях насадка или лежала на дне, или волочилась по нему. Вполводы и выше эта рыба не держится.

Однажды Аркадий Петрович достал толстую тетрадь с записями о марене, долго листал, а потом предложил:

— Может, попробуем спиннингом?

— А что там у тебя?

— Да вот пишут, что ловят спиннингом на блесны и снулые рыбки.

— Давай попробуем. Должно получиться — ведь ловили же на малька.

— Так-то оно так, но ведь рот у нее маленький.

Утром следующего дня мы пришли к реке со спиннингами. Прицепили маленькие — голавлиные блесны. Почти час поклевки не было, потом Аркадий Петрович вывел небольшую марену, а через несколько минут снял с блесны килограммовую добычу. Затем поймал еще несколько штук — спиннингом он владел лучше меня. Но и мне повезло.

Вскоре моего друга узнали. То девушка, то парень, то старуха, то здоровенный тракторист или свекловод занимали позицию неподалеку и делали вид, что любуются нашей охотой на марену. В действительности же они смотрели на Аркадия Петровича. Правда, молча. Потом председатель колхоза применил недозволенный прием: он сел рядом и, глядя поверх очков, с хитрющей улыбкой изрек:

— Правление колхоза, партком, комитет профсоюза и комитет комсомола поручили мне, многоуважаемый Аркадий Петрович, просить...

Устоять против такого натиска невозможно.

— Понятно! — перебил приятель. — Когда?

— Завтра. В клубе все не уместимся — ведь из соседних деревень приедут. Соберемся на площади у мельницы. Микрофон будет...

— Микрофон — к черту!

— Хорошо, но это еще не все...

— Чего еще? — спросил Аркадий Петрович, снимая очередную марену.

В ответ председатель колхоза зачитал огромный список песен, которые предстояло исполнить. Приятель язвительно поправил:

— Ошибаетесь, дорогой: песни «Когда я был казаком» в моем репертуаре нет.

— Мы так и думали, да старик один сбил с толку. Сотни рубликов хватит?

— Что?! — почти зарычал Аркадий Петрович и встал.

Председатель колхоза тоже встал, извинился:

— Артисты ведь всякие бывают.

Концерт прошел с огромным успехом. Аркадий Петрович был очень рад и, вытирая слезы, говорил мне:

— Ну и народище у нас! Чудо! Работают, как черти, а музыку любят, как невесту.

На следующий день начался бешеный клев марены. Забрасывая насадку, Аркадий Петрович шутил:

— Приятного аппетита!

А когда рыба оказывалась в руках, благодарил:

— Спасибо за внимание!

Когда же знакомство с очередной мареной кончалось тем, что она улепetyвала вместе с куском лески, приятель вслед ей напевал:

— Вернись, вернись — я все прощу: упреки, подозренья...

Мы отвели душу и все забыли: и конфуз на вокзале, и переправу через Соб. Вернулись через три недели. На вокзале нас встречала Глафира Ивановна.

— Вы счастливые безумцы, — восторженно говорила она, выслушав наш краткий отчет. — И очень жаль, что никто, кроме меня, не поет вам славу.

ВЫПЬ КРИЧАЛА ТРИЖДЫ

Двумя ровными рядами дома этой деревни выстроились в широкую и единственную улицу, вытянувшуюся вдоль берега моря. Из окна автобуса мы видели его противоположный берег, покрытый едва различимым сосновым бором. Автобус проехал через всю деревню и остановился около длинного, барачного типа здания, выкрашенного в густой красный цвет. На волнах этого моря, построенного незадолго до войны, мы собирались трое суток предаваться любимому увлечению. Поэтому понятно, что из автобуса выходили торопливо и все были немного возбуждены.

Сразу же приступили к делам. Одни занялись подготовкой обеда, другие пошли на причал приводить в порядок лодки, а я, взяв ведро, отправился к колонке за водой. Около колонки тянулся заборчик из нежно-голубого штакетника. За ним буйно алели астры, чуть дальше солнечными брызгами пылали золотые шары, а еще дальше, среди яблоневого сада, зеленел аккуратный домик с верандой.

Едва в мое ведро ударила струя воды, из калитки вышла молодая женщина. Я взглянул на нее и удивился простой, но величавой красоте. Большие темно-голубые глаза глядели уверенно и чуточку усмехаясь. Толстая

шатеновая коса не заплетена, а закручена и каким-то чудом уложена на затылке — ни шпилек, ни заколок не было видно. Я вспомнил: много-много лет тому назад так же укладывала косу моя мама. Сейчас такую прическу мало кто делает — она считается давно устаревшей.

Одета женщина была строго, не по-городскому и не по-деревенски. Плечи ее покрывал теплый светло-коричневого цвета полупалок с кистями и широкой темной полосой по краю. Из какого же бабушкиного сундука она извлекла его?

— Добрый день! — грудным голосом сказала женщина.

— Здравствуйте, — ответил я, не сводя с нее глаз.

Вода уже лилась через край ведра. Женщина заметила это и улыбнулась: она, конечно, знала, что красива. Я неловко поднял ведро. В ту же секунду красавица наклонилась, поставила под колонку свое ведро.

— Слушайте внимательно и, пожалуйста, так не смотрите на меня, — торопливо и, мне показалось, смущенно заговорила она. — Пройдете до противоположного конца деревни и невдалеке, за картофельным полем, увидите лесок. На его опушке лежит поваленная ветром береза. Около нее я стану ждать вас, когда стемнеет — в девять часов. А сейчас ни о чем не спрашивайте.

Я не знал, что подумать. Для розыгрыша не было никакого повода, да и на искательницу приключений эта женщина никак не походила.

— Видите ли, у меня жена, сын, внуки...

— У меня мужа сейчас, правда, нет, а вот детей много, со временем, конечно, и внуки появятся.

Женщина несколько секунд помолчала, а потом лукаво улыбнулась:

— Бойтесь? А я думала, что все рыболовы — романтики...

— Конечно! Однако они и люди высокой морали.

— Боже мой, о чем вы говорите! Приходите обязательно, дело очень важное.

Теперь вода лилась через край уже ее ведра.

— И вот еще что: ни своим друзьям, ни работникам базы о нашем разговоре — ни слова, — уже совсем загадочно потребовала она.

Женщина подняла ведро, и почти тут же калитка за ней закрылась.

До свидания оставалось три часа, и все это время я раздумывал: идти или не идти? Что-то тревожное чувствовалось в словах этой красавицы. Почему она не гово-

рила яснее? Что это значит: мужа сейчас нет? Мужа нет, а детей много! И почему она выбрала меня? Можно влипнуть в такую историю!.. Но я давно верил, что по-настоящему красивая женщина не способна на что-то плохое. Да и трусом я никогда не был. Решил идти.

От крайнего дома до лесочка оказалось метров триста. Поваленную березу нашел легко — она белела на фоне каких-то кустов. Женщину я не увидел, но, как только сел на ствол березы, она подошла ко мне. Я поднялся и сухо произнес:

— Слушаю вас.

— Разрешите представиться: Светлана Павловна, учительница. — Она протянула мне руку, я неохотно пожал ее и услышал: — Скажите, пожалуйста, ваши друзья могут пожертвовать завтрашней рыбалкой? Цель благородная — нанести сокрушительный удар по браконьерам.

Нам уже много раз приходилось приносить такую жертву, и я был уверен, что все согласятся. Светлана Павловна рассказала, что браконьеров трое. С самой ранней весны и до поздней осени они нигде не работают, рыбу продают не сами — жены этим в городе занимаются: развозят по знакомым адресам. И лишь зимой, когда безделье, видать, надоедает, эти мужики немного подрабатывают в своей деревне или соседней. Работают плохо, пьянствуют.

— В одиночку сети ставят редко — это неудобно, — продолжала Светлана Павловна. — Отправляются обычно с напарниками, нанимают их среди деревенских. Напарники часто меняются — одного совесть начинает глодать, другой плату считает малой.

— Скажите, Светлана Павловна, а откуда у вас такие сведения?

— Трое из моих ребят уже давно следят за браконьерами и все развели.

В это время где-то неподалеку раздался крик выпи, потом она крикнула второй раз, третий. Крик у нее довольно мрачный, грозный и чем-то похож на крик быка. Недаром эту болотную птицу в народе зовут быком. В старину даже говорили: «Водяной выпью кричит, с лешим перекликается».

— Это они, — сказала Светлана Павловна.

— Браконьеры?

— Нет, ребята.

— Условный сигнал?

— Да.

— А почему именно крик выпи?

— Невдалеке отсюда, среди болота, два года тому назад поселилась пара таких птиц, а нынешним летом вывели потомство уже три пары. Вот ребята и приняли такой сигнал.

Из зарослей бурьяна, росшего вдоль опушки леса, вышли три паренька. Впереди уверенно шагал очень похожий на Светлану Павловну, за ним — чуть пониже ростом и черноволосый, а рядом — рыжий-рыжий и выше всех.

— Сергей, Михаил, Иван, — назвала их учительница.

Я понял, что ребята хотят казаться старше своих двенадцати или тринадцати лет.

— Мы разработали детальный план захвата группы предателей, как называем браконьеров, — начал Сережа. — Предали они, правда, только нашу деревню и окружающую ее природу, но ведь это — часть страны.

Он остановился, видать, ожидая, что я скажу.

— Докладывай, Сергей, — попросил я.

— В километре отсюда есть небольшая заводь. На ее берегу растут три старых-престарых ивы, а вдоль воды тянется густая стена камыша. В стволы ветел ввернуты большие шурупы с кольцами — к ним браконьеры привязывают свои лодки. Из-за камыша их не видно ни с воды, ни с берега. Выходят и возвращаются не все лодки сразу, а с интервалом в двадцать — тридцать минут. Сейчас в заводи нет ни одной — предатели ставят сети. Возвращаются же они в четыре-пять часов утра и тоже по одному. Их легко захватить на месте преступления. Как только первый выйдет из-за деревьев, тут же взять и строго предупредить, чтобы не подал сигнала опасности. При подходе каждого из предателей мы станем сигнализировать криком выпи.

Как только Сережа кончил говорить, Миша по школьной привычке поднял руку и спросил:

— Не кажется ли, что вашу команду надо разделить на две группы?

— Конечно, конечно! — согласился я.

— Одна станет задерживать предателей на краю леса и в случае необходимости преградит им отступление к лодкам, а вторая не позволит скрыться в деревне. Первую хорошо бы расположить на опушке леса, а вторую — в низинке по дороге к деревне.

— Очень хороший план, — сказал я так, будто утвер-

ждал его. — Сбор в три тридцать на условленных местах. Сейчас, в целях конспирации, расходиться по одному.

Старшим коллективного выезда в тот раз был Антон Антонович. Я рассказал ему о разговоре со Светланой Павловной и спросил, кто станет руководить операцией.

— Конечно, я. Может, сомневаешься, справлюсь ли?

Я не сомневался — мой друг умел хорошо применить свою фронтовую закалку.

В половине четвертого обе группы заняли свои места. Минут через двадцать послышался крик выпы, а еще через минуту или две из-за деревьев вышел мужик лет сорока со свалявшейся бородой, в заношенной телогрейке и резиновых сапогах, с веслами на плече. За ним шагал худущий парень в старом комбинезоне. Обливаясь потом, он нес мокрый мешок, набитый почти под завязку.

Им велели остановиться. Бородатый сделал вид, что ничего не слышит, и продолжал идти.

— Стой! — крикнул парень и бросил мешок себе под ноги. — Я так и знал: если против общества пойдешь, обязательно влипнешь.

Бородатый остановился и стал смотреть куда-то вдаль, будто кругом никого не было. Парень показал удостоверение слесаря совхозной автобазы.

— Даю честное слово — первый раз ходил с этим чертом. Штраф заплачу, только, пожалуйста, чтобы мама не знала. Больная она, уши вот просила.

Антон Антонович вернул ему удостоверение, разрешил взять из мешка три самых крупных окуня и сказал:

— Матери на уху.

Бородатый заявил, что документы на рыбалку не таскает. Ответить на вопрос, кто он, отказался.

— Да что вы с ним канителитесь, — возмутился парень. — Из этой деревни он, фамилия — Таранеев, а зовут Петром. Кем работает? Вот, браконьерствует...

— Дерьмо ты, Гришка! — прошипел бородатый и бросился бежать. Парень догнал его, с яростью схватил за руку.

— Это ты дерьмо нашего общества, а я слесарь и вкалываю по всем правилам!

Тут опять раздался крик выпы. На этот раз из-за деревьев вышла женщина средних лет. Из-под низко повязанного черного платка с бледного и худого лица глядели усталые глаза. На ней была старая жакетка и мужские штаны. В руках женщина несла по веслу. Увидев незнакомых людей, она крикнула в темноту:

— Выходи, идол проклятый!

Вышел щуплый мужик лет пятидесяти с помятым лицом. На нем, как на чучеле, висело широченное пальто в заплатках, голову покрывал длинноухий малахай из лисы.

— Вы, граждане, засадите его подальше, — всхлипывала женщина. — Тогда отдохну с ребятами от него. Может, одумается и пить да браконьерничать перестанет. Вот ведь и меня заставил...

Она бросила весла и села на землю.

— Где рыба? — спросил Антон Антонович.

— Нет рыбы! — отрезал мужик.

— Врет он! — продолжала женщина. — Неподалеку в камышах бросил.

— Несите да побыстрее, — велел Антон Антонович.

Мужик погрозил женщине кулаком и понуро зашагал за деревья. Мешок с рыбой нести ему было не под силу — он волочил его по земле.

— Нате! Жрите! — крикнул мужик. — Больше ничего не получите.

— Ошибаетесь, гражданин, — поправил Антон Антонович. — Во-первых, получим штраф, а во-вторых, лодку и сеть.

— У меня?

— А у кого же?

— Лодка и сеть — жены, а денег у меня нет.

— Хватит, Колька! — не скрывала своей злости жена. — Врет он все, граждане.

Опять крикнула выпь. На этот раз из-за деревьев появился высокий и худой старик с благообразным лицом. Он нес весла и полупустой мешок. Увидев нас и людей, которых давно и хорошо знал, старик спросил:

— С добычей?

Не услышав ответа, он сказал:

— А мне бог ничего не послал.

Он хотел было сесть, но Антон Антонович потребовал:

— Выверните мешок!

Старик вытащил мокрую сеть и похлопал по опустевшему мешку.

— Нет рыбки, нет.

— Еще раз требую: выверните мешок.

Лицо мужика сразу изменилось — стало злым и красным. Он отвернул верх мешка и уставился на Антона Антоновича.

— Дальше отворачивайте!

Старик с ожесточением засунул руку по плечо в мешок и вывернул его. Изнанка мешка блестела от чешуи. Старик остервенело бросил его под ноги Антону Антоновичу.

— За чешую не оштрафуешь!

— Совершенно верно. А вот за нахождение на водоеме с запрещенными орудиями лова вам полагается то же самое, что и этим гражданам. Дед ведь, наверно. Какой пример внукам показываете!

— Внуки! У него и детей-то никогда не было. Все для себя да для себя копит, — неприязненно бросил слесарь Гриша.

Солнце уже поднялось над сосновым бором на том берегу моря, когда мы отправились обратно в деревню. Впереди, отдельной группой, шагали мужик со свалывшейся бородой, мужик в лисьем малахае и худой старик. Григория и грустную женщину Антон Антонович отпустил.

Начиналось воскресенье, и деревня отдыхала. Лишь часа через полтора на улице стали появляться люди. Потом вышли бригады. Они останавливались то около одного дома, то около другого и стучали в окна — приглашали прийти на площадь.

Здесь уже лежали браконьерские лодки, приволоченные трактором и сложенные крест-накрест. Их покрывали сети. Когда народа набралось много, кто-то принес две табуретки и столик. Около него села пожилая дородная женщина с пышной, соломенного цвета прической — секретарь совхозного парткома. К столику присел и Антон Антонович. Неподалеку стояли притихшие браконьеры.

Представившись как общественный инспектор, Антон Антонович сказал:

— Трое ваших сограждан, уличенных в систематическом и злом браконьерстве, будут преданы суду, а принадлежавшие им орудия лова и транспортные средства должны быть уничтожены. Закон карает каждого, кто поднимает руку на нашу природу...

По сигналу секретаря парткома к лодкам подошел Григорий, в руках у него была пропитанная чем-то пакля. Он поджег ее и, отойдя подальше, бросил на лодки. Вспыхнуло пламя. Сети и краска, покрывавшая лодки, зацадили.

Под аплодисменты секретарь парткома пожала руку Антону Антоновичу. Хлопали в ладоши все — даже стоявшие впереди совсем маленькие ребята. Потом стало

тихо и трижды в разных местах прокричала выпь. Многие переглянулись, а на лицах браконьеров выразилось крайнее удивление.

Когда стали расходиться, около меня оказалась Светлана Павловна.

— Всех ваших друзей приглашаю к себе, — сказала она. — Яблоки нынче уродились, угощать стану.

— А как же конспирация? — спросил я и улыбнулся.

— Я угощаю от имени дирекции совхоза: у меня ведь яблонь больше, чем у кого-либо другого в деревне. И потом, пожалуйста, не считайте меня трусихой. Мы с мужем люди приезжие — после института сюда направление получили...

— С мужем? Вы же сказали, что его нет.

— Сейчас нет — он в санатории, поправляется, — уточнила Светлана Павловна.

— А сколько у вас ребят?

— Один Сережа. Впрочем, всех учеников я зову своими ребятами, — пояснила она. — Когда муж вернется, мы об этом всей деревне расскажем.

За яблонями, в конце сада, опять трижды прокричала выпь.

ДВА ИЮЛЯ

Знойным полднем под совершенно чистым нежно-голубым небом мы торопливо шагали по дороге, с обеих сторон стиснутой уже начавшей желтеть рожью. Собственно, дорогой считалась узкая, едва укатанная полоса глинистой земли. Травой не поросла лишь ее колея да лента, выбитая лошадиными копытами. Дорога петляла здесь еще с довоенных времен и шла тогда от поселка к свинарнику, а от него тянулась куда-то дальше. Фашисты взорвали свинарник, от него остались только груды битого кирпича да ржавые части каких-то конструкций. Кругом густо росли крапива и лебеда.

Мы с Анатолием Евгеньевичем не раз здесь бывали, знали это местечко. Вплотную к нему подступали заросли черемухи, среди которой кое-где возвышались березы. Пройдя заросли, мы оказались на волжском берегу. Вдоль него тянется чащоба ольхи, а под ней — небольшой песчаный обрыв. Невдалеке от берега, всего в двух десятках метров, есть маленький, совершенно голый островок, покрытый крупной галькой. В половодье он уходит под воду, а потом понемногу начинает выглядывать. Островок растет медленно, и лишь в конце лета на него можно пе-

рейти с каменистого мыса, врезавшегося в реку немного выше по течению. Сейчас же вода надежно окружала островок со всех сторон. Между ним и берегом довольно глубоко, сюда, в проливчик, заходит крупная рыба. А главное, что нас всегда влекло сюда, — это затишье, пустыньность.

Пока Анатолий Евгеньевич стаскивал для костра разбросанные по берегу принесенные половодьем сучки и обломки досок, я собрал спиннинг и предупредил:

— Пойду вниз по течению, вернусь через час.

— Хорошо, — отозвался он. — Приноси судака, буду готовить все для ухи.

Оставшись один, приятель поставил донки, прилег около них и задумался. «По правилу-то надо бы друзей пригласить. Ведь сегодня вроде юбилея. Черт с ними, с остальными фашистами, которые потом подвертывались под руку, я и забывать о них стал. А первого и сейчас хорошо вижу, хоть и много лет прошло. Правда, друзья начнут интересоваться — как, где, когда. Это героев надо расспрашивать, а я что».

...Произошло же это в первый год войны, в такой же вот ясный и знойный полдень июля. Тогда он служил телефонистом на батарее. Связь с батальоном, который поддерживали артиллеристы, прервалась, и сержанта Толю, как тогда его звали, послали восстановить ее. Он пошел вдоль провода, подвешенного где на деревья, где, если попадалась полянка, на шесты, миновал примерно половину пути, когда провод потянулся в низину, к ручейку. Ручей был совсем небольшой — глубиной по щиколотку, а шириной метра два — и протекал по песчаному дну, среди песчаных же бережков, поросших молодым тальником. Деревца еще не имели веток, а только листья — большие и густо-зеленые. Вода в ручье была прозрачной, вкусной. Неудивительно, что его знали все артиллеристы, а где-то дальше, за их огневыми позициями, воду из ручейка брали и повара стрелкового полка.

Конечно, телефонист не мог перейти ручеек, чтобы не напиться. Он встал на бережке на колени, левую руку протянул вперед, оперся ею о дно, а правой зачерпнул воды.

Он до сих пор помнит: это удалось сделать лишь три раза. Затем на него кто-то сзади навалился и в тот же момент стал выворачивать ему правую руку. Крикнуть сержант не смог: фашист ему успел зажать рот. Дышать сразу стало невозможно, из носа в рот потекла кровь.

Левой рукой Толя попытался ухватить гитлеровца за ногу, но тот отставил ее. При очередной попытке рука сержанта скользнула по своему штыку-кинжалу, висевшему на ремне на левом боку, но вытащить его из ножен Толя долго не мог. Наконец удалось зажать ножны между колен и высвободить штык-кинжал. В те секунды он боялся одного — потерять сознание, так как воздуха в легких уже не оставалось. Но гитлеровец так и не сумел свалить, задушить сержанта и в борьбе сам обессилел. Толя насколько мог откачнулся от врага и нанес удар кинжалом. Фашист разжал руки и медленно свалился в ручей.

Добив гитлеровца, Толя снял его парабеллум, обыскал карманы, но в них ничего не оказалось. Это значило, что он находился в разведке и что наверняка неподалеку шастали другие фашистские разведчики. Надо было уходить.

Быстро шагая вдоль провода, Толя вскоре обнаружил повреждение — был вырезан кусок более метра длиной. Когда сержант соединял концы провода, сюда же добрался наш ефрейтор-пехотинец, тоже искавший повреждение. Он отвел Толю на КП своего батальона. Командир батальона сказал обеспокоенно:

— Если бы не вещественные доказательства, я вам, связисты, не поверил бы. До чего обнаглели фрицы: среди белого дня в глубине нашей позиции бродят!

В обратный путь Толя отправился вместе с несколькими солдатами, которым комбат приказал захватить или уничтожить остальных разведчиков. Им тогда удалось найти только труп и не в ручье, а в полсотне метров от него — ближе к переднему краю.

В конце того года Анатолию присвоили звание младшего лейтенанта. В одном из тяжелых боев на подступах к Сталинграду он заменил погибшего начальника связи полка. Закончил же войну начальником связи дивизии. По скромности Анатолий считал, что не заслужил тех званий и наград, которых был удостоен. Вскоре после Победы он вернулся в свой институт, с последнего курса которого добровольно ушел на фронт, и занялся любимой биологией...

Возвращаясь, я еще издали заметил, что на островке кто-то ловил рыбу, забрасывая насадку к берегу. Потом я увидел Анатолия Евгеньевича, торопливо шагнувшего мне навстречу. Он пожаловался:

— Хлопов пришел. Ужасно надоел. Пожалуйста, избавь от него.

— Интеллигент! Фашистов на тот свет посылать умел, а с Клопом справиться не можешь.

Иван Хлопов — личность противная во всех отношениях, начиная с внешности. Его маленькие глаза, глубоко упрятанные под белесыми бровями, никак не могут ни на чем остановиться. Голова у него какая-то заостренная: лоб отодвинут назад, а подбородок сужен и выдвинут вперед.

Хлопов, собственно, был Клоповым — такую фамилию носил его отец, а за глаза его звали просто Клопом. Здоровенный мужик, он работал парикмахером. Даже на войне умудрился служить парикмахером при штабе фронта, да и то у него нашли болезнь, которая почему-то до того времени «дремала», и демобилизовали.

Вернувшись домой, Клоп стал со всеми подробностями рассказывать, как однажды брил и стриг очень большого начальника. Каждый житель поселка слышал об этом несколько раз. Так продолжалось до тех пор, пока в поселке не появился райвоенком — первый после войны. Встретив его на улице, военком спросил:

— Хлопов? Иван Петрович?

Клоп забеспокоился, что ему что-то грозит, на всякий случай вытянулся по стойке «смирно» и гаркнул:

— Так точно!

— Значит, это вы поздней осенью сорок первого года подстригли и побрили... — и военком назвал известную фамилию.

— Никак нет!

— Как же нет? Весь поселок знает о таком вашем подвиге. Так брили, стригли?

— Никак нет!

— Значит, вралли?

— Так точно.

— Всеу поселку?

— Так точно!

— Ну тогда всем жителям и признайтесь, что вралли. Имейте в виду: то лицо узнало про ваше вранье и очень рассердилось. Вас могут... Понимаете?

— Так точно!

— Тогда действуйте!

Клиенты, любившие шутку, после этого «успокаивали» Клопа: мол, «вышку» ему, пожалуй, не дадут, а десяток лет отвалить могут. И Клоп старался: каждый день

после работы он каялся перед кем-нибудь из земляков. Начал с соседей, говорил на берегу Волги, в магазине, на улице.

И вот этот-то Клоп появился на нашей стоянке. Еще издали он приветствовал меня:

— Фронтовой салют!

Я не ответил, и Клоп сделал недовольное выражение лица: он любил намекать, что имеет отношение к фронтовикам.

— Ты плохо себя ведешь, Хлопов, — сказал я.

— Нет, это я собираюсь на вас жаловаться, — попытался перейти в наступление Клоп. — У вас что тут поставлено?

Он показал на старую ольху, которая, опутав корнями огромный ком земли, сползла с обрывчика и около самого уреза опрокинулась кроной в воду. Она влачила уже жалкое существование: листьев мало, да и те только на вершинках нижних веток, остальные засохли. Под ольхой наверняка стояла рыба — здесь и корм, и тень. Однако никаких снастей около нее я не ставил.

— Я так и знал! — торжествующе воскликнул Клоп. — А ваш ученый?..

— Стоп! — перебил я его. — Ты что, не знаешь его имени и отчества? Он тоже к ольхе еще не подходил...

— Хорошо, хорошо. Допустим, ваших снастей около ольхи нет... Почему же не разрешили мне поставить? — и Клоп выразительно посмотрел на Анатолия Евгеньевича.

— Ночью туман выпал, воздух влажным-влажным стал, — объяснил Анатолий Евгеньевич, обращаясь ко мне. — Комаришки тоже ведь жить хотят. Что они сделали, чтобы не намокнуть? С нижней стороны на ветки насели. Все-таки там получше, чем на открытом месте...

— Он уже и комаров жалеть стал! — хихикнул Клоп.

— Смотрю, трясогузка прилетела, — продолжал Анатолий Евгеньевич. — И давай комаров собирать. Да как ловко — десяток с одной стороны клюва да десяток с другой наберет и улетает. Я не мог на нее без улыбки смотреть — будто серые усы у нее вырастали. Особенно потешно видеть, когда некоторые комары певелились: казалось, что она усы топорщит. Как трясогузка умудрялась столько в клюв набирать, никак не пойму.

— Может, прежде, чем очередного комара взять, остальных языком прижимала? — предположил я.

— Вполне возможно, — согласился Анатолий Евгеньевич. — Вон она.

Порхающим полетом трясогузка спустилась к воде и быстро-быстро засеменила по мокрой песчаной кромке. Нельзя налюбоваться этой изящной птичкой серо-белого цвета! Хвост у нее длинный и все время покачивается вверх-вниз. Она гнездится вблизи воды. Про нее, рано возвращающуюся из теплых краев, ходит в народе шутка: прилетев, она тут же хвостом разбивает лед.

— Вот явилась и никаких ваших комаров ей не нужно, — с обидой сказал Клоп.

— Так ведь они уже обсохли и улетели, — возразил Анатолий Евгеньевич. — Вы сколько их на шее-то раздавили? Вот сейчас и ловите у ольхи сколько угодно!

Я сказал, что из-за жаркого лета многие птицы, вскормив птенцов, сделали вторую кладку. Так, видимо, было и у трясогузки — обычно в июле птенцы уже летают и кормятся без помощи родителей. Анатолий Евгеньевич со мной согласился и спросил:

— Ты недалеке от тропинки видел кучу порубочных остатков — веток, сучков, вершинок?

— Видел.

— Ничего не заметил?

— Дрозды там гнездятся.

— Да. Хлопов, почему вы не пожалуетесь на них? — спросил Анатолий Евгеньевич.

Клоп не отозвался.

— Ну что ж, так и быть, я за вас расскажу. Пошел он к этой куче — для костра ему, видишь ли, топливо понадобилось. Я очень просил: не тревожьте дроздов — ведь птенцы у них, а он будто и не слышит. Тогда я предупредил, что дрозды сумеют за себя постоять, а он только усмехнулся. Ну и произошло то, что следовало ожидать. Дрозды дружно, всей колонией, напали на него. Сначала пикировали на голову, старались клюнуть, а потом другое началось. Они набирали в клюв грязи, некоторые — вместе с червями, и выплевывали ему в лицо, попадали и за шиворот. Он сначала отмахивался, а затем убежал к воде и стал отмываться. Капитулировал, одним словом.

Физиономию Клопа, облепленную грязью, представить себе не составляло труда, и я смеялся от всей души.

— Какие-то поганые пичужки плевались грязью... — начал было Клоп.

— Брось! — перебил я. — Они куда чище иного человека.

У дроздов-деряб, которые гнездились в порубочных остатках, видать, тоже был второй выводок. Я очень люблю этих птиц, похожих на скворцов — они лишь чуть покрупнее, у них тоже черная грудка в светлых черточках. Их гнезда изумляют: это совершенно точная полусфера, изнутри прочно оштукатуренная мелкими древесными частицами.

Клоп отложил удочку и вынул из старого мешка, который служил ему рюкзаком, бечевки с поводками, крючки которых были воткнуты в пробки.

— Переметы? — спросил я.

— Переметы, — подчеркнуто безразличным тоном ответил он. — И не кричи — рыбу испугаешь.

— Брось, она наших слов не понимает. А что с переметами собираешься делать?

— Что мне надо, то и сделаю. — Клоп, этот трусливый нахал, судя по всему, собрался взять реванш.

— А ты знаешь, что я общественный инспектор?

— Ни у кого на лбу это не написано.

Я показал удостоверение.

— Ничего не видно. Ты бы еще за версту показал.

— Тогда подойди и посмотри.

— Такого закона нет, чтобы я бегал по реке и смотрел, что хотят мне показать.

Расчет Клопа был довольно примитивен. Вода стояла высокая, и перейти к нему с мыса на остров я не мог. Переплывать же, по его предположению, я эту воду не стану. В крайнем случае, бросив переметы, он мог удрать на тот берег Волги — в городе его считали чуть ли не лучшим пловцом.

Но теперь спор стал делом принципа. Я быстро разделся, взял удостоверение в зубы и доплыл до островка. Снова показал Клопу удостоверение в развернутом виде. Тот уже струхнул.

— Снасти лежат на берегу. Я не ловил.

— Это не имеет значения. Ты задержан на берегу водоема с браконьерским орудием лова.

Клоп смирился перед моей настырностью. Он перешел на берег, сел около нашего костра и уныло спросил:

— Протокол будете составлять?

— Бросай снасти в костер.

— Новенькие ведь: еще ни одной рыбки не поймал.

— Бросишь?

— Ну хоть крючки-то разрешите снять?

— Какие они?

— Латиноамериканские, — пошел врать Клоп.

— А поводки?

— Из ирано-персидской лески.

Анатолий Евгеньевич так расхохотался, что слова не мог вымолвить, только махал руками, будто отталкивая Клопа. Я был при исполнении общественных обязанностей — смеяться нельзя, пришлось сдерживаться.

Видя, что молчу, Клоп неожиданно по-бабьи заревел. На него противно было смотреть, и я отошел на несколько шагов.

Клоп канючил:

— Ну набейте мне морду, и дело с концом.

— Не по закону, да и руки долго отмывать придется. Бросай! — требовал я.

Он встал, с глубокой жалостью посмотрел на переметы и наконец бросил их в костер. Они тут же вспыхнули и быстро превратились в маленькие кучки черного пепла.

В это время к нашему биваку пришли двое мальчиков лет десяти — двенадцати. Один из них нес лопатку, а другой — черенок от нее. Они попросили топор, чтобы насадить лопату. Глядя на них, измазанных в грязи до колен и локтей, я спросил Клопа:

— Хочешь платить штраф?

— Конечно, нет.

— Тогда приведи лопату в порядок, иди вместе с ребятами и копай до тех пор, пока они не отпустят.

— Такого закона нет, чтобы заставляли чужой огород копать, — огрызнулся Клоп.

— Как хочешь. Могу добавить, что копать надо не огород, а канаву и не для них, а для рыбы. Я правильно вас понял, ребята?

— Правильно, — сказал один мальчик. — Мы уже третий раз прочищаем этот ручеек, который из озерка течет в Волгу. Весной он куда шире и глубже, большая рыба по нему идет на нерест. Потом она уходит, а мелочь бестолковая не успевает выбраться. Да и ручей мелеет — илом его заносит.

Часа через три ребята опять пришли. Они сказали, что ручей прочищен и мальки дружно выходят в залив.

— Спасибо вам, ребята. Вы молодцы, — похвалил я их. — А как дядя работал?

— Хорошо.

Они отправились домой, за ними — Клоп. Жадный, невежественный человек, опасный враг природы!

Я невольно сравнивал с ним Анатолия Евгеньевича, вспоминал его фронтовую судьбу, которую знал по рассказам его однополчан.

На личном счету будущего профессора биологии числилось четверо убитых им фашистов. О первом из них он только что вспоминал. Второго потом уничтожил из снайперской винтовки, находясь в боевом охранении. Третьего — когда во вражеском тылу полз по болоту, а навстречу ему шагала какой-то верзила с винтовкой за плечами: Анатолий Евгеньевич опередил его, выстрелив из пистолета. Четвертого фашиста он уничтожил тоже во вражеском тылу очередью из автомата.

Все это он, конечно, не забыл, но сам никому, ни о чем не рассказывал.

Сколько раз я спрашивал себя: как этот милейший человек, интеллигент в третьем поколении, так жалеющий и любящий все живое, мог убивать зверей, правда имеющих человеческий облик? В тот раз, когда мы ловили у островка, я спросил об этом его самого. Он застенчиво улыбнулся и ответил:

— Лет пять тому назад я раздавил птенца жаворонка: бедняга спрятался в траве, и я его не заметил. До сих пор его жалею и, наверно, никогда не забуду. А фашисты... Жаль, что их мало на моем счету.

— Но это же не ответ!

— Разумеется, — согласился он. — Тогда вот что: я русский, значит, у меня загадочная душа. Тут уж, брат, ничего не поделаешь!

Мы рассмеялись.

ОПЫТ РАЗВЕДЧИКА

Недалеко от побережья Рыбинского моря, среди густого леса, затерялась деревушка Раменье. Говорят, она очень старая, ей якобы два столетия. Здесь у егеря Матвеича я прожил несколько дней. Он отлично знал места на десятки километров вокруг. Однажды, поглаживая реденькую седую бороденку, Матвеич сказал:

— Если пойдешь в сторону Пленишника, то километрах в трех отсюда, где начинается ельник, увидишь тропку. Она приведет тебя на Большое озеро. Окуная там — уйма! Но ловить надо по-умному и только днем. А утром и вечером он, окаянный, клюет плохо. Почему? А шут его знает.

Меня заинтересовал этот окунь, вернее говоря — его повадка, и я отправился. Озеро действительно оказалось большим.

Стоял полдень. Окунь не интересовался ни червем, ни короедом, ни мальком. Сменив десятка полтора мест и ничего не поймав, я вернулся в Раменье.

— Значит, не отгадал загадку... — посмеивался Матвейч, выслушав мои жалобы. — Вместе пойдем. Может, окунь еще не забыл меня.

На другой день, едва посневая за Матвейчем, я опять шагнул по лесной тропке, потом среди болотных кочек и корявых сосенок. Невдалеке от озера Матвейч попросил у меня удочку. Я стал собирать трехколенку, но он заметил:

— Мне и одной вершинки хватит.

Крючок с насадкой он опустил у самого берега. Глубина здесь всего два метра. Едва поплавок встал, Матвейч подсек окуня — черного, как головешка. Так повторилось несколько раз.

Я отошел от Матвейча на несколько метров и опустил насадку тоже у самого берега. Поплавок почти сразу пошел мне под ноги, и я понял, в чем дело. Берег состоял из толстого слоя торфа, волна постепенно подмывала его. Озеро мелкое, поэтому окунь пуглив. Днем он собирается под берегом и чувствует себя в безопасности. И как я не мог догадаться об этом в первый приход! Ведь и тогда берег под моей тяжестью опускался и выступала вода, а когда я отходил — он поднимался. Теперь озеро уже не казалось мне пустынным и угрюмым, как вчера.

— Ты не обижайся на шутку, — говорил Матвейч, когда мы возвращались в Раменье. — Тебе эта отгадка далась дешево, а каково мне было! Летом сорок третьего это случилось. Возвращалась наша группа разведчиков и попала в фашистскую засаду. Оказались мы на озере вроде этого. Двое суток голодали, а потом я из булавки сделал крючок, из рубахи надергал ниток и скрутил их, а насадка — всякие букашки. Удилища у меня, конечно, не было — с пальца ловил, поплавок — кусочек куги — у самого края торфа опускал. После войны я вспомнил, как ловил тогда, и сюда стал ходить. Так-то вот!

ОТШЕЛЬНИК

После суматошной посадки на парходик в древнем Осташкове мы с Антоном Антоновичем и еще одним на-

шим приятелем, Семеном Ивановичем, заняли места по левому борту и быстро успокоились. Вскоре же к пароходике подступила дивная красота. Берега со спускавшимися к самой воде соснами и березами вызывали восторг. Мы наперебой показывали друг другу то один чудесный уголок, то другой и не могли договориться, какой из них живописнее. Как же не скажешь, что кругом — рай для любителей природы, поклонников всего прекрасного? Как не придешь к мысли, что природа — лес, луг, река, озеро — это дворцы, в которых живет ее величество Красота?

К вечеру пароходик медленно, будто боязливо, вошел в узкую Полоновскую протоку между Березовским и Сосницким плесами и вскоре остановился у маленькой пристани — полузатопленной баржи, лежащей на дне.

Так мы оказались на Селигере — в краю бесчисленных озер, плесов, проливов, речек, ручьев, проток, бухт и бескрайних лесов. Здесь более полутора сотен островов, среди которых есть и крохотные и похожие на маленькие материки со своими деревнями, лугами, лесами и даже озерами. На самом большом из них, острове Хачине, разместились пять деревень, обширные поля и одиннадцать озер, выстроившихся, словно бусинки на ниточке, в одну цепочку.

Селигер — это также бессчетные группы бредущих по его берегам и плывущих на лодках рыболовов и туристов. Они называют его голубой жемчужиной России, с каждым годом их становится все больше.

Селигер занимает часть Калининской и Новгородской областей и находится в юго-восточных отрогах Валдайской возвышенности. По заключению ученых, рельеф местности здесь определился около двадцати пяти тысяч лет назад. Тогда ледник образовал цепь больших и малых впадин и, отступая, заполнил их талыми водами. Ни одна речка в Селигер не впадает, а вытекает лишь волжский приток Селижаровка, пополняется же он атмосферными осадками, талыми водами и ключами.

Богатства края издревле привлекали человека. На побережье находят следы людей эпохи неолита. Позже поселились славянские племена кривичей. Земли края входили то в состав Новгородских владений, то Смоленского княжества, затем — Тверского, а потом — Московского.

В конце первой зимы Отечественной войны фашистам удалось дойти до Селигера — линия фронта тогда тянулась по его северо-западному побережью. Дальше пройти

им не позволили. Холмы, леса и воды Селигера стали тогда свидетелями ожесточенных боев.

Если от пристани Свапуши проселочной дорогой идти на юг, до деревни Глазуны, а затем повернуть на запад, то можно выйти в Широково. Этими местами в ту военную зиму наши подразделения шагали к озерам Все-луг и Пено, через которые протекает Волга. У деревни Наумово в узком месте они переправились через Стерж — еще одно волжское озеро и дошли до деревни Руна — родины партизанки Лизы Чайкиной.

Народ свято чтит память своих героев. В лесу, неподалеку от Собенских озер, над братской могилой возвышается обелиск. Здесь похоронены те, кто преградил путь врагу у Селигера. В Осташкове воздвигнут памятник народным мстителям — партизанам.

Поселились мы невдалеке от пристани, в деревушке, которая насчитывает меньше десятка домов. Вплотную к песчаным, густо усеянными камнями огородам деревеньки подступает старый, давно почерневший ольшаник. Хозяйка одного из домов, пожилая и одинокая женщина, сдала нам переднюю комнату.

— На огороде можете лук дергать и картошку копать, — разрешила она. — Только, ради бога, дом не спалите.

Еще одну комнату занимал высокий полнолицый человек с какими-то замедленными движениями и настороженными глазами. При знакомстве мы узнали, что это был Адольф Селиверстович Пудалов, бухгалтер.

Он тоже приехал рыбачить, но к нашей компании не прибывался. Был крайне молчалив, ни о чем не спрашивал и ничего не рассказывал.

— Пусть! — сказал о нем Семен Иванович. — Разные люди бывают — и общительные и нелюдимые. Никому от этого нет ни пользы, ни вреда.

— Не скажи! — возразил Антон Антонович. — Он живет в обществе, а не в личной пещере, и каждый, кто стоит рядом с ним, может увидеть от него добро или зло.

Мне довелось первому убедиться, что можно ожидать от таких нелюдимов.

Как-то я решил побывать на большом плесе.

— Разрешите составить компанию? — неожиданно попросился Пудалов.

Меня это не очень-то устраивало, но и отказать человеку было неудобно.

На воде, однако, мы разошлись: я остановился на середине большого залива, а Пудалов отплыл на своей лодке к самой стенке камыша.

Половить тогда не удалось: еще утром надвинулась огромная туча, ненадолго резко похолодало, пошел дождь с градом, разбушевался ветер.

Пудалов загнал лодку в камыш и отделался, можно сказать, легким испугом. А мою лодку ветер сорвал и отнес на обрывистый берег. Там она до бортов зачерпнула воды, все у меня вымокло, а когда стихия утихла, мне стоило немалого труда вычерпать воду, разыскать уплывшие весла, собрать снасти.

Пудалов мои зловключения, конечно, видел, но и не подумал чем-то помочь, как это водится между рыбаками. Он сразу же после дождя отправился домой, я даже не видел, как он проплыл по заливу.

Вернувшись, я встретил бухгалтера на дворе в одних трусиках: он загорал. Он ни о чем меня не спросил, и я ему ничего не сказал.

В другой раз мы встретили бухгалтера в начале зимнего сезона на водохранилище около подмосковного Солнечногорска. Наша компания любит сюда ездить, и я даже огорчился, что Пудалов тоже знает дорогу в этот старенький Дом рыбака, стоящий на высоком берегу. Он, понятно, не подошел, сделал вид, что не знаком с нами.

От завсегдатаев мы узнали, что Пудалов начал появляться здесь с прошлого года, зимой и летом ловит на одном и том же месте—правее лестницы, которая спускается от Дома рыбака прямо к водоему. По фамилии его редко кто называет, больше—Отшельником. Прозвище хорошо к нему подходит и крепко пристало—он и здесь ни с кем не общается. У него никто не спрашивает, скажем, об улове и не интересуется его невиданными удочками с катушками.

Несмотря на хитрые снасти, на то, что он основательно изучил понравившийся ему пятачок, Отшельнику не везет ни зимой, ни летом, даже в дни отменного клева. О причине не трудно было догадаться: раз он ни с кем не шел на контакты, как он мог познать тайны рыбной ловли?

В наш приезд Отшельник появился на льду поздно, когда пронизывающий ветер уже согнал всех в залив. Ни с кем не поздоровавшись, он прошел к старой ольхе, недалеко от которой обычно ловил, и, как всегда, про-

сверлил три лунки. Затем вынул из рюкзака плоское ведро и черпаком подцепил кашу. Она пошла в лунку, второй черпак — во вторую лунку.

— Стой! — не утерпел Антон Антонович и побежал к Отшельнику. — Это уж слишком! Что ты делаешь?

— Хочу прикормить...

— А ты что, не видишь: к твоей ольхе никто не садится. Теперь понятно — тут дно прикормкой испорчено. Разве так можно — целое ведро каши привез!

— Это мое дело. Я за все деньги платил.

К лункам Отшельника подошли другие рыболовы. Взяв горсть прикормки, Антон Антонович продолжал укорять его:

— Комбинированная — пшеница, перловка, овсянка, даже, вижу, белое тесто!.. Ведь все это не для того, чтобы на дне гнить. Беда — не знать цены хлебу!

— А ты что — колхозник? Агроном? — огрызнулся Отшельник.

Антон Антонович посмотрел на него презрительно и, видя, что около собрались и молодые ребята, обратил свои слова к ним:

— Я цену хлеба в сорок первом познал. Когда пришлось отступать, начальник политотдела вызвал меня и приказал: «Возьми, политрук, канистру бензина, садись на мотоцикл и все поля на запад от деревни подпали». Я говорю: там пшеница, она вот-вот созреет. А он влым шепотом резанул мне в ухо: «Хочешь, чтобы фашистам досталось?!» И я сел на мотоцикл. В одном месте плесну и подожгу, в другом, в третьем. А сам не плачу, только зубами скриплю...

Отшельник быстро собрал удочки, забрал свое полиэтиленовое ведро с прикормкой и зашагал к лестнице. Он ни разу не оглянулся, даже на самой верхней ступеньке. А у его лунки еще долго шел возмущенный разговор.

— Летом сюда водолазы приезжали, — вспомнил один рыболов. — Они долго ходили по дну, и я спросил, в каком месте видели лещей. А водолазы ответили: лещей везде много, чуть не на каждом шагу лежат кучки какой-нибудь каши, а лещи роются рядом, не обращая на нее внимания.

— Прокисла? — спросил Антон Антонович.

— Конечно! Вы думаете, Отшельник здесь один? Им, видите ли, мало того, что добро изводят, они еще воду поганят, всем рыбалку портят.

Испытать неприятное чувство от встречи с Отшельни-

ком нам с Антоном Антоновичем довелось еще раз. Он тогда объявился на Можайском водохранилище, которое рыболовы уважительно называют морем.

Взяв на причале лодки, мы отправились к своему заветному месту. Плыли вдоль берега, поросшего лесом. Одни из деревьев, скажем ива и ольха, жмутся к воде: они любят ее. Другие, к примеру сосна или дуб, на берегу оказываются случайно, им вода не так уж нужна. Они и рады бы уйти подальше от нее, да не могут.

Минут через двадцать Антон Антонович окликнул меня, я обернулся и увидел, что он с улыбкой показывает рукой на свалившуюся в воду ель. Около нее я однажды, как ни старался, ничего не мог поймать, и приятель напомнил мне об этом. Тогда я думал, что под кроной любого упавшего дерева собирается разная рыба: мирная ищет корм, мелочь спасается от врагов, ну а хищники приходят, чтобы поживиться зазевавшимися меньшими братьями. Лишь потом я узнал, что хвойные деревья выделяют в воду вещества, которые рыбе не нравятся. Еще минут через двадцать впереди показалось то, что нам нужно: береза, упавшая на воду. Сколько раз мы возвращались от нее с хорошим уловом! Я даже в деталях представлял себе, как она здесь очутилась.

От сережки старой березы, росшей у края поля, ветер когда-то оторвал маленькое семечко с крылышками и опустил на землю далеко-далеко на лесной опушке. Весной из семечка выклюнулся корешок, а затем поднялся росточек. Он все поднимался, и в то же лето над травами возвысился тоненьким хлыстиком. В следующем году он стал уже деревцом, а потом и стройной красавицей березкой.

Прошло еще несколько лет, и ближнюю речку затопили, она стала узким и длинным заливом Можайского моря. Березка сначала обрадовалась этому — влаги-то в земле стало больше, потом спохватилась, что вместе с водой пришло несчастье. И весной, и летом, и осенью в берег безжалостно стала бить волна, подтачивая и разрушая его. И однажды березка вместе с огромным комом земли поползла с берега, задержалась лишь у самой воды, наклонилась над ней и так росла года три. Постепенно ей удалось выправить ствол, но ее уже не называли красавицей. Около нее теперь рыбаки ставили лодки: здесь они ловили успешнее, чем в других местах, потому что рыба тут лакобилась насекомыми, которых ветром сдувало с ее увядших веток.

Потом, в какой-то дождливый и холодный день, над заливом пронесся ураган. Береза упала на воду, лишь несколько ее больших нижних веток не были затоплены. Корни, правда, еще цеплялись за берег, но, оголенные, стали сохнуть. Дерево отчаянно боролось за жизнь, возвышавшиеся над водой ветки весной еще зеленели.

Рыба продолжала собираться под умиравшей березой. Клевали здесь лещ, плотва, окунь, а блесну хватали щучки и судаки.

И на этот раз нам сопутствовала удача: сразу же, как мы поставили лодки, начались поклевки лещей. Часа через три Антон Антонович сказал:

— Сматываю удочки — норма.

— На базу?

— Зачем? Денек-то какой. Давай поставим лодки борт к борту, позавтракаем, затем загорать станем, а к обеду — на базу.

В это время я увидел лодку. Она приближалась очень быстро: сидевший в ней человек изо всей силы наваливался на весла. Сначала он прошел мимо нас, затем возвратился, и его лодка встала.

— Добрый день! — поздоровался он. — Я не помешаю. Судя по удочкам, вы ловите лещей, а у меня кружки, хищников собираюсь поймать.

Мы молчали, узнав Отшельника. Он же нас в темных очках, наверное, не узнал.

— Да и чего вас спрашивать — мне сам начальник базы разрешил здесь ловить!

Мы продолжали молчать. В самом деле, не могли же мы напоминать нахрапистому рыболову элементарную истину, что начальник базы не вправе кого-то посылать на прикормленное другими место.

Отшельник тут же деловито стал готовить кружки и опускать их вокруг утонувшей березы. Говорят, настырным везет. Возможно, это так: вскоре один из кружков перевернулся, и Отшельник — тот самый, от которого рыба всюду отвертывалась, — выхватил из воды килограммового судака. Почти в полдень! В ясную, солнечную и теплую погоду! Мы еще больше удивились, когда спустя несколько минут он поднял еще одного такого же судака.

Тут я заметил, что Отшельник сует в его жабры какую-то палку: стало ясно — он надевает рыбу на кукан.

— Эй вы, Адольф, — требовательно посоветовал Антон Антонович, — не мучьте рыбу!

— Не придирайтесь, я тоже вас узнал, — огрызнулся Отшельник. — Уж не хотите ли, чтобы я отпустил судаков? Сначала отпустите своих лещей.

— А мы их не мучаем...

— Что мне голову морочите! — вскипел Отшельник. — Какая рыбе разница — на кукане сидеть или в садке?

— Мы и в садке не держим, — удалось наконец мне вступить в диалог. — Сняв с крючка, мы тут же прикалываем их. — Для убедительности я развязал рюкзак и поднял лежавшего сверху леща.

Отшельник сделал вид, что нашей рыбой не интересуется.

Так и не позавтракав, мы стали поднимать якоря. В это время Отшельник склонился к правому борту своей лодки и стал всматриваться в воду, потом, торопливо снявшись с места, стал крутиться вокруг березы. Мы в недоумении смотрели на его «маневры». Наконец он остановился около Антона Антоновича и спросил:

— Не видели?

— Вы про что?

— Да про кукан.

— Не видел. А что случилось?

— Он у меня из стального тросика, пружинит. Конец с верхним колышком выскочил из-за планки, под которую был подоткнут, рыба и ушла...

На Отшельника неприятно было смотреть: он стал каким-то жалким, солидности и важности как не бывало. Не сказав ему ни слова, мы отправились на базу. Здесь, на причале, стоял вахтер. Отведя от глаз бинокль, он спросил:

— А кто там у березы крутится? Не пьяный ли за веслами?

К нам подошел начальник базы — моложавый, спортивного типа человек в куртке. Мы рассказали ему о разговоре с Пудаловым.

— Да, я говорил ему, что у березы можно хорошо половить, — подтвердил начальник базы. — Конечно, я не знал, что вы там стоите. А он: «Разрешил...» На прошлой неделе тоже учинил скандал — оскорбил вахтера, хотя сам во всем был виноват...

Пудалов вернулся, когда уже начало смеркаться. На причале начальник базы его спросил:

— Кукан-то нашелся?

— Нет! Кажись, видел своих судаков, но...

— Понятно! — не стал дослушивать начальник базы. — Лодку сдайте и больше здесь не появляйтесь, пока не научитесь правильно пользоваться водоемом.

Единственный раз Отшельник мог оказаться с рыбой, но и то удача отвернулась от него.

НА ДАЛЬНОМ ПЛЕСЕ

Волжская дельта — одна из самых живописных и больших во всем мире: ширина ее у Каспийского моря, с востока на запад, достигает двухсот километров, площадь — десять тысяч квадратных километров. Это настоящие джунгли, во многих местах совершенно непроходимые. Знатоки говорят, что ни по дикой красоте, ни по богатству флоры и фауны они не уступают джунглям Индонезии.

Здесь растет свыше трехсот видов растений, обитает более двух с половиной сотен видов пернатых, шестьдесят видов рыб. Из птиц можно увидеть огромные колонии квакш, колпиц, караваек и несколько видов цапель: рыжих, белых, желтых, серых. К осени в авандельте собираются на линьку сотни тысяч пролетных уток, лебедей, чаек, крачек, куликов. Водятся кабан, камышовый кот, горноста́й, лиса, барсук, волк, выдра...

Оказавшись по служебным делам в Астрахани, я выкроил день, чтобы осмотреть эти заповедные места.

Экскурсионный катер назывался «Дельта». Он часто сворачивал то влево, то вправо — из одного ерика в другой. Их берегов не видно — все время катер шел между двумя высоченными степами камыша. Изредка встречались могучие ивы, которые, казалось, поднимались прямо со дна. Наконец «Дельта» вошла в култук — разлив, пересекла его и остановилась около длинных и узких мостиков.

— Перед вами лотос — краса и гордость Волжской дельты, — сказала девушка-экскурсовод. — К сожалению, он еще не цветет — рано.

Мы сошли на мостки и увидели листья округлой формы, диаметром почти метр, располагавшиеся плотно друг к другу. Молча потоптались на мостках и, повесив головы, поднялись на катер. Не повезло! Мы не увидим главного — цветка, чья слава не умирает уже много веков. Изображение лотоса вырезано на гранитных колоннах древних храмов и дворцов Египта, Ассирии, Вавило-

на, Индии, Тибета, на саркофагах владык, выбито на монетах. Лотос воспет Гомером в «Одиссее», один восточный поэт так сказал: «Лотос — дитя неба, страж неба, душа неба».

От зарослей лотоса катер взял курс на Дамчик — центральный поселок заповедника. Здесь все здания — жилые дома, лаборатории, столовая — построены на сваях: весной остров, на котором стоит поселок, заливают вода.

Нас встретил заведующий музеем Александр Андрианович Нестеров — невысокий человек с внимательными глазами и приветливой улыбкой. Два бывших фронтовика, мы сразу же нашли общий язык.

Когда экскурсанты, осмотрев музей, садились на катер, Нестеров спросил меня:

— Так и уедете, не увидев главного?

— Ведь еще не цветет...

— Хочешь, свожу на место, где можешь увидеть его? — Александр Андрианович как-то естественно перешел на «ты». — Денек или два побудешь моим гостем.

Разумеется, это заманчивое предложение я принял не задумываясь.

Нестеров к тому времени работал в Дамчике уже более сорока лет. Начал егерем — охранял заповедник от браконьеров. Война прервала его служение природе. Воевать ему довелось на Ленинградском фронте. Холодной зимой обморозил ноги, пришлось ампутировать пальцы, и он ходит прихрамывая. После войны вернулся в Дамчик и создал музей, в котором представлена вся фауна и флора Волжской дельты.

Давно и глубоко влюбленный в свой край, он хорошо изучил жизнь его обитателей, порой поправляет ученых. Однажды, к примеру, он привез в поселок гнездо баклана — огромное, снаружи обложенное ветками толщиной в палец. Затем сделал чучела бакланихи и двух ворон. Бакланиха сидела на гнезде, одна ворона на нее нападала — пыталась клюнуть в голову, а другая, пользуясь тем, что, защищаясь, бакланиха приподнялась, вытащила из-под нее яйцо, зажав его в клюве. Орнитолог сказал, что этого не может быть, и велел убрать композицию. Она перекочевала в дом Нестерова, а на следующий год вернулась в музей: в колонии бакланов он показал орнитологу проделки ворон.

Однажды Нестеров привез домой дикого поросенка и пустил в свой свинарник. Поросенок рос быстро и стал

кабанихой Машкой Она так привязалась к хозяину, что всюду ходила с ним — на работу, в кино и магазин. Машка особенно любила баню — как ни странно, ей нравилась чистота. В бане она от удовольствия визжала, а в кино, стоя между ног хозяина и глядя на экран, время от времени похрюкивала.

Машке нравилось играть с маленькими ребятами. Она позволяла садиться на себя, тянуть за ухо, а почесываниям была довольна. Если кто-либо из ребят ложился на землю, она, подталкивая мордой, катала его, не причиняя даже малейшей боли.

Общительность и погубила Машку — все-таки она дикая, поручительство Нестерова в расчет не приняли, и директор заповедника велел убрать ее из Дамчика. Нестеров, еле сдерживая слезы, отвез Машку за десять километров и оставил в какой-то протоке. Однако отделаться от нее не удалось: когда он вернулся домой, она встречала его около крыльца. Пока Нестеров петлял по ерикам, она плыла и шла напрямик — камышовые крепи кабан преодолевает легко. Второй раз он увез Машку еще дальше. Она снова вернулась в поселок через час после него.

Тогда директор заповедника велел застрелить Машку. Сам Нестеров сделать это, понятно, не мог, пришлось просить егеря-охотника.

Вообще о Нестерове в поселке ходит столько рассказов, что он порой и сам не может разобрать, где в них правда, а где вымысел.

Любоваться лотосом мы отправились на следующий же день. Нестеров привязал к моторке лодку, кроме весел положил в нее два шеста. Течение в ериках сильное и только на култуках оно немного затихает. Часто встречаются глубокие ямы — места зимовок рыбы. Чем ближе к морю, тем меньше ив, потом исчезает и камыш, начинают заросли осоки и подводной травы. Наконеп и они пропадают. Вода становится прозрачной, глубина всего метра полтора-два. Здесь кончаются джунгли и начинается Каспий.

Когда камыш поредел, мы оставили моторку около повтонного домика, в котором жили и работали орнитологи, пересели в лодку и поплыли на веслах. Через несколько километров грести стало трудно: потянулись сплошные поля водорослей, над которыми изредка возвышались островки рогоза. Пришлось весла сменить на шесты — двигаться, отталкиваясь ими. Над головами с

неприятным криком летали огромные стаи чаек. То справа, то слева близко от нас величественно проплывали лебеди.

Неожиданно на фоне яркой зелени и нежно-голубого неба я увидел раскаленный уголек. Он будто плавал на воде.

— Что это?

Александр Андрианович как-то по-детски улыбнулся и ответил:

— Роза наших джунглей.

Мы еще энергичнее заработали шестами и вскоре увидели еще пять огромных ярко-красных цветков. Потом я насчитал их около четырех десятков. Взяв один обеими руками, поднес его к лицу и поразился очень тонким своеобразным запахом.

Сколько времени мы любовались лотосами? Видимо, долго. Наконец Нестеров взял меня за локоть:

— Пора домой...

Многое о лотосе Александр Андрианович рассказал мне на обратной дороге.

Многолетнее растение из семейства кувшинковых, лотос встречается не только в пресных, но и в солоноватых водах. Есть несколько видов лотоса: желтый растет в Атлантической части Северной Америки, индийский—в теплых и жарких областях южной и восточной Азии. В некоторых странах его считают лекарственным растением. У восточных народов он признан священным, с ним связано множество легенд.

До Октябрьской революции в нашей стране выходил географический сборник «Россия». В одном из его номеров была опубликована статья, автор которой предупреждал: «К сожалению, это прекрасное растение уже явно вымирает благодаря отчасти изменению климатических условий, отчасти ежегодным опустошениям со стороны собирающих вкусные плоды лотоса окрестных крестьян, повреждающих при этом его нежные корневища». Сейчас можно сказать другое: лотос не только не вымирает, а, напротив, завоевывает все новые и новые участки Волжской дельты. Уже многие годы его семена продают за границей. Так сказывается умело поставленная охрана этого изумительного растения.

За несколько дней, проведенных вместе, я подружился с Нестеровым. Мы вспоминали фронтовые дела, как всегда, нашли общих знакомых. Александр Андрианович посоветовал:

— Бери отпуск и приезжай в Алексеевку. Она в нескольких километрах выше заповедника. Рыбы там столько же, сколько и здесь.

Я последовал его совету без промедления: недели через две вместе с женой и Антоном Антоновичем мы приехали в эту деревню рыбаков и бахчеводов. Там удалось снять моторную лодку, так что в своих путешествиях мы никому не мешали, ни от кого не зависели, каждый день могли менять места стоянок и таким путем побывать в разных уголках дельты.

В первый же день мы нашли на берегу небольшой пятачок, не заросший ни камышом, ни ежевикой, и причалили к нему. Стали было готовить обед, но увидели вокруг с десятков ужей — полозов. Один из них схватил брошенный женою в воду хвост судака и выбрался на берег. Она трижды палкой сбрасывала его в воду, и он трижды возвращался, будто давая понять, что он — хозяин, а мы — пришельцы, с которыми можно не считаться. Другой полоз вытянулся вдоль расстеленного на земле одеяла и тоже не собирался уходить, третий почему-то непрерывно ползал вокруг нас, пока не забрался в ведро с живцами и стал лакомиться ими. Зная, что полоз не ядовит, а другого пятачка скоро не найдешь, мы перестали беспокоить своих соседей. Эту первую нашу стоянку жена назвала Змеиной.

Невдалеке от стоянки мы наткнулись на омут, усеянный бродячими водяными воронками. В нескольких местах виднелась мелкая рябь: это растекалась по поверхности поднимавшаяся со дна мощная струя воды.

На яме били жерехи, но, когда моторка приблизилась, они затихли. Пришлось, приглушив двигатель, отойти к берегу. Через несколько минут жерехи снова начали бить. То тут, то там из воды выскакивала мелкая рыбка и, как брызги, разлеталась в разные стороны. Порой устремленный за нею жерех какое-то мгновение как бы стоял на хвосте. Другой, сделав полуоборот, показывал свое белое брюхо, затем высывался из воды или головой, или хвостом. Не все броски оказывались сразу успешными: бывало так, что, стремясь схватить добычу, жерех делал второй бросок, третий и даже четвертый — до тех пор, пока не добивался своего. Летели брызги, слышались удары и шлепки. Пяти-шестикилограммовые жерехи охотились всего в каком-то метре от моторки. Брызги падали нам на одежду, на лицо. От изумления

и восхищения этой картиной мы совсем забыли, что приехали рыбачить.

Жерех — очень интересная рыба. Это — хищник, но у него нет зубов: он вполне обходится большим ртом с мощными челюстями. Удерживать жертву ему помогает и то, что нижняя челюсть имеет бугорок, а на верхней есть небольшая выемка. Но даже очень крупные жерехи не прочь заглотать низко летящую стрекозу, бабочку или жука. Несмотря на хищный образ жизни, жерех входит в семейство карповых, то есть плотвы, уклейки, леща, красноперки и их мирных родственников.

У жереха есть свой метод охоты. Он на огромной скорости врывается в стаю мелочи и бьет по ней мощным хвостом. Часть рыбешек разлетается во все стороны и даже выскакивает из воды, часть оказывается оглушенной, и хищник заглатывает их. При этом он нередко с сильным шумом, среди брызг, вылетает из воды, падает, затем повторяет свой маневр. Такой способ охоты называют боем. Жерех охотится и за одиночными рыбами — устремляется за ними наперерез или вдогонку.

С легкой руки Антона Павловича Чехова жерех, или шереспер, «попал в литературу». Помните его рассказ «Злоумышленник»? Мужик Денис Григорьев так разъяснял следователю, для чего ему нужна гайка, которую он отвернул на железной дороге: «Черт ли в нем, в живце-то, ежели поверху плавать будет! Окунь, щука, налим завсегда на донную идет, а которая ежели поверху плавает, то ту только разве шилишпер схватит, да и то редко... В нашей реке не живет шилишпер... Это рыба простор любит».

Любимое место речного жителя жереха — перекаты. Здесь он стоит недалеке от основной струи — там, где течение начинает ослабевать. Если на реке есть плотина, он обязательно стоит ниже ее и подбирает падающую рыбешку. Стоит он и около отбойных струй, образующихся у вижних по течению оконечностей островов, полуостровов и кос. Реже он охотится на песчаных отмелях и бродах, вообще на тихих участках реки.

Но мы плохо еще знаем биологию этой рыбы. Спросите любого рыболова, можно ли ловить жереха зимой, и почти все дадут отрицательный ответ. Между тем проведенные в низовьях Волги опыты ихтиологов показали, что жерех в течение всей зимы ведет активный образ жизни и, держась на перекатах и других участках с быстрым течением, непрерывно кормится.

На другой день среди зарослей мы нашли совсем крохотную твердую площадку — метра три длиной и метр шириной. Где-то совсем рядом, почти под ногами, раздалось неумелое и хрипловатое кукареканье. Жена даже предположила, что недалеко отсюда живут люди, потому в камыши забрели куры.

— Цып, цып, цып, — позвала она невидимых петушков.

Через минуту кукареканье стало раздаваться всюду. Казалось, поблизости, в невообразимой путанице ежевики и вьюнка, и в самом деле бродит не менее трех десятков петушков.

— Цып, цып, цып, — продолжала жена.

— Брось, это фазаны, — сказал я.

Жена не верила до тех пор, пока около нее шумно не взлетела большая яркая птица с длинным хвостом. Мы так и называли эту стоянку — фазаньей.

Надо было подумать о рыбалке. Всего в каком-нибудь десятке метров от стоянки воду будоражили две воронки. Я забросил блесну дальше одной из них и почувствовал хватку, а после подсечки — сильные рывки. Через минуту около борта моторки высунулась голова жереха. Антон Антонович мгновенно поставил сачок.

Я забросил блесну за вторую воронку. Хватка последовала почти в тот момент, когда блесна коснулась воды. Антон Антонович спросил:

— Здесь нет ни перекатов, ни порогов, ни других любимых мест жереха, он облюбовал воронки. А почему?

Я ответил, что, видимо, попадая в них, рыбешки не могут управлять своими движениями, их крутит на одном месте. Жереху же воронки ни о чем, вот он и поджидает около них свои жертвы.

Потом мы находили места стоянок жереха довольно просто и верно: увидев воронку, начинали забрасывать блесну и всегда оказывались с уловом.

Однажды, когда искали новую стоянку, моторку вдруг повернуло. Мы огляделись и поняли, что попали на яму с большим водоворотом. Значит, здесь обязательно должны стоять жерехи. Антон Антонович выправил моторку и подвел к сухой ветле. Минут через двадцать слышались удары — хищники выходили на охоту. Вскоре удары участились. Некоторые рыбы почему-то появлялись на поверхности ерика без ударов, плавно и, схватив рыбешку, медленно, будто лениво, изгибаясь, уходили в глубину.

— И брюхо у них желтое, а не белое, как у жере-
ха, — заметил Антон Антонович.

В этот момент один из хищников вынырнул совсем
рядом с моторкой, и я увидел темный узкий хвост и...
широченную пасть с усами. Это показалось нам неправ-
доподобным — в солнечный полдень сомы охотились
впереमेжку с жерехами! И все-таки мы это видели.

В другой раз мы с Антоном Антоновичем возвра-
щались на стоянку, облюбованную утром. Там осталась хо-
зяйничать жена. Я почему-то с беспокойством ждал мо-
мента, когда моторка войдет в крохотный коридорчик
между двух могучих ив. Коридорчик заканчивался пя-
тачком, на котором мы в тот день умудрялись загорать,
варить и жарить. Когда моторка наконец прошла по это-
му коридорчику, я увидел жену с ведром в руках. Она
тянулась им в камышовую чащобу и звала:

— Кис, кис, кис.

— В чем дело? — спросил я.

— Понимаешь, наверно, от кого-нибудь из алексеев-
ских колхозников убежала кошка. Она одичала и раз-
жирела, зову, зову и никакого толку.

Я присмотрелся. В полметре от конца весла вдоль
сухого сучка ивы лежала огромная рыжая кошка с тем-
ными поперечными полосами. Вырвав у жены весло, я
стал хватать лежавшие на берегу вещи и бросать в мо-
торку. Когда Антон Антонович отвел ее на середину
ерика, жена потребовала:

— Объясни же, в конце концов, что случилось?

— Пока ничего, хочу только добавить, что твоя ры-
жая киска явилась сюда не из деревни. Это камышовый
кот. Когда ты так любезно приглашала его, он, наверное,
был сыт и не стал с тобой связываться. Иметь же его в
соседях чрезвычайно нежелательно.

Наша тогдашняя стоянка так и называлась — Камы-
шовый кот.

Накануне отъезда произошла еще одна опасная встре-
ча. Моторка стояла около узкой полоски чистого берега.
Отойдя по берегу метров пятнадцать, я метнул блесну.
Когда она упала на воду, послышался какой-то шорох,
и я оглянулся. То, что тогда увидел, и сейчас хорошо
помню: всего в трех метрах стояли два кабана. Успел
рассмотреть их грязно-бурую длинную щетину и желто-
ватые клыки, с которых капала слюна. Отступать не-
куда! Ниже по течению начиналась непроходимая ча-
щоба камыша. Лезть в воду означало верную смерть:

почти всю поверхность бухточки покрывали воронки. Бежать к моторке нельзя — кабаны стояли между нею и мной. Впервые в жизни я подумал, что хорошо, если рыба не схватит блесну: все-таки спиннингом можно обороняться. Когда блесна подошла к ногам, я выставил «оружие» в сторону кабанов и крикнул Антону Антоновичу:

— Кидай топор!

Приятель меня не понял. К счастью, после моего крика кабаны с недовольным хрюканьем ушли в камыши. Я облегченно вздохнул и побежал к моторке. Стоя на корме, жена, заметившая животных, с веселой ноткой в голосе спросила:

— Куда делась эта милая парочка свинок?

— Свинок! — вскипел я. — К твоему сведению, это кабаны. Ди-ки-е! Понимаешь?

— Ну и что?

Видя, что я продолжаю злиться, жена серьезным тоном разъяснила:

— К твоему сведению, в Алексеевке хозяин мне рассказывал, что кабаны на человека без причины не нападают. Они там даже среди белого дня по улицам разгуливают. Вот если бы ты кабана ранил или отнял у него поросенка, то...

— Поди разберись — были у кабанов причины нападать на меня или не было? Сознаюсь, струхнул, — ответил я успокаиваясь.

На другой день мы приехали в Астраханский аэропорт. На борту Ил-18 как-то не верилось, что всего в нескольких часах лета от Москвы есть такой огромный, красивый и богатый край, который живет своей неповторимой дикой жизнью, край, где цветет лотос, разбойничают жерехи и сомы.

ЕДРОВСКИЕ ТУГОДУМЫ

Здесь все — и маленькая железнодорожная станция, и рабочий поселок при ней, и раскинувшееся неподалеку озеро — именуется одинаково: Едрово. Место находится в двух десятках километров на юг от Валдая, примерно на полдороге между Москвой и Ленинградом.

Поехать сюда меня уговорил Антон Антонович, а его — дальний родственник, которого здесь даже мать и жена зовут только по фамилии — Едров. Он и сам чуть

ли не как секрет сообщил мне, что вообще-то по документам имя его Иван Иванович.

Хотя Едров родился и почти всю жизнь провел на берегу озера, о рыбалке не имеет представления. Зато он завзятый грибник и, чтобы ездить за дарами леса на ту сторону озера, имеет довольно приличную плоскодонку. Грибам время еще не пришло, лодка поступила в наше распоряжение.

— Вон наши уже ловят, — лениво, как о пустяке, сообщил нам Едров, как только мы разложили свои вещи.

Я посмотрел в окно и увидел, что вдали от берега маячит несколько лодок, в каждой из которых сидело по рыболову. То один из них, то другой взмахивал удилищем. Я несколько минут смотрел, но так и не заметил, чтобы кто-нибудь снимал рыбу. Поэтому, оставив Антона Антоновича беседовать с Едровым о родственниках, я отправился на разведку — вышел на улицу, единственную в поселке.

Она тянулась по обе стороны шоссе Москва — Ленинград. Наверно, здесь без малого двести лет назад проезжал Александр Николаевич Радищев, посвятивший Едрову целую главу в своей знаменитой книге.

По дороге я встретил троих парней. Хотя стояла жара, на них были брезентовые плащи и высокие резиновые сапоги. Парни опирались на удилища и о чем-то бурно спорили. Я прислушался и вскоре понял — они только что с рыбалки и пытаются найти причину неудачи.

— Не скажете ли, где можно червей накопать? — чтобы завязать разговор, обратился я к одному из парней — чубатому, с хитрющими глазами.

— Значит, рыбачить приехали? Хорошее дело, да вот не клюет сейчас.

— Это бывает, — успокоил я парня. — Зато завтра, может, жор начнется.

Я было направился к месту, куда мне показали ребята, но чубатый поинтересовался:

— Вы у Едрова остановились? Я тоже Едров, Петр, племянник вашего хозяина, а вот друзья имеют другую фамилию — они Едровские. Как ловить-то собираетесь?

Я ответил, что привез поплавочные удочки, дошки, спиннинг, захватил и мормышки.

— Вполне хватит одной поплавковой, — безапелляционно заявил Петр. — А ловить надо так: отплыть от бе-

рега полсотни метров и забрасывать удочку в разные стороны. Как только окунь клюнет, опустить груз и еще раз бросить насадку в это же место. Когда поклевки окончатся, груз поднять и опять дрейфовать.

— На озере есть течение?

— Ветерок почти все время есть, он и толкает лодку, — разъяснял Петр. — Иногда так вдоль всего озера проплывешь. Если ветра нет, можно веслами легонько работать.

На следующий день, когда стали собираться, Антон Антонович решил:

— Так и станем ловить, как тот Едров говорил. Местный опыт десятилетиями, а может, и столетиями складывается. Лучше ничего не придумаешь.

Я согласился, но заметил:

— Непонятно только, что окуни на середине озера делают.

Сказал я так потому, что ни кустика, ни травинки на нем не виднелось. А вот вдоль берегов тянулась полоса то камыша, то куги. Только кое-где она прерывалась, и тогда виднелся желтый от песка кусок берега.

Вскоре мы придрейфовали к пятерым удильщикам, у которых все оказалось одинаковым: окрашенные в зеленый цвет плоскодонки и огромные удилища, которые при забросе рассекали воздух с воющим свистом. Все ловили, как рассказывал чубатый Петр. Клевало плохо: минут за десять лишь один едровец вытащил окуня немного длиннее четверти. Окунь имел светлую окраску, слегка золотистую, что говорило: он живет на песке.

Я опустил груз — обломок известняка, обмотанного проволокой. Он лег на что-то мягкое, будто на подушку. Глубина под нами не превышала трех метров. Мы сделали с десяток забросов, и я поднял якорь. Он появился из воды покрытый темно-коричневой жижей из торфа.

— Видишь? — спросил я Антона Антоновича.

— Вижу. Что же предлагаешь?

— Плыть к берегу и ловить среди камыша.

— Нет! — решительно воспротивился Антон Антонович. — Надо использовать местный опыт. Отправься мы в камыш, над нами смеяться станут.

Еще два дня мы ловили вместе с едровцами и, как и они, лишь изредка вытаскивали небольших светлых окуней. На третий день, сразу же после завтрака, мы наконец отважились поставить лодки среди камышей. И хотя заводь была небольшой, забрасывать насадку можно бы-

ло и влево, и вправо, и вперед. Антон Антонович успел первым забросить свою удочку, ее поплавок сразу погрузился в воду и устремился в гущу камыша.

— Тащи! — крикнул я.

Антон Антонович скептически заулыбался, беря в руки удилище, но тут же почувствовал толчок и подсек. На дне плоскодонки забуянил окунь — светлый, как и те, которых ловили на середине озера. В ту же секунду мой поплавок стремительно нырнул и тоже заспешил в камыш.

О том, чтобы ловить на две удочки, не могло быть и речи: окунь клевал весело, будто ждал нас. Когда же подошла пора возвращаться на обед, я нацепил на крючок глубомер и стал спускать его то с одной стороны лодки, то с другой. Дно оказалось плотным. Помазав торец глубомера вазелином и опять постучав о дно, я увидел прилипшие песчинки.

Тут Антон Антонович сказал:

— Сдаюсь! Но все же, что окуни на середине реки делают?

В самом деле, на середине озера и корма и кислорода мало, зачем туда наведываются окуни? Нужны были длительные наблюдения, чтобы понять это. А после этого мы ловили всего три дня.

Никто из едровцев не последовал нашему примеру. На четвертый день наш хозяин привел нескольких удильщиков, среди которых был и Петр. Они молча посмотрели на наших окуней, так же молча выслушали рассказ Антона Антоновича и ушли, не сказав ни единого слова.

— Обиделись, — пояснил хозяин. — Сами-то не додумались!

Спустя еще две недели, уже после того, как мы вернулись домой, Антон Антонович получил письмо. Наш хозяин сообщал, что его земляки стали ловить «вашенским способом».

Значит, секрет поведения едринского окуня будет раскрыт.

ЧЕРТИ НА БОЛОТЕ

В номере гостиницы Антона Антоновича встретил невысокий, крепкий на вид человек. После обычных, суховатых попервости фраз, которыми они обменялись, Огуреев — такова была его фамилия — не очень уверенно сказал:

— Мы где-то уже встречались, наверно, на фронте...
Антон Антонович посмотрел на Огуреева пристально, но подтвердить догадку сразу не мог. На всякий случай спросил:

— В Крыму воевать не довелось?

— Нет, там не был... Однако... Однако... — напрягая память, Огуреев спросил: — Вы курите трубку?

Антон Антонович улыбнулся:

— Одно время баловался этим, хотел солиднее выглядеть. Было это в самом начале войны, еще в Западной Белоруссии...

— Вот-вот! Там мы и встречались! — Огуреев торопливо засучил рукав на левой руке и показал на шрам, тянувшийся от запястья до локтя. — Не послушался тогда вас, вот и получил эту отметину...

Стоило Огурееву сказать еще несколько слов, как Антон Антонович и сам припомнил давний фронтовой случай.

В тот день его отряд, завершив рейд по вражескому тылу, на какой-то просеке встретился со взводом, которому приказали перейти линию фронта, добраться до небольшого аэродрома в лесу и сжечь там самолеты. Этот невысокий человек, Огуреев, и командовал тем взводом.

— Будьте осторожны, младший лейтенант, — советовал тогда Антон Антонович, — сразу впереди немцы. Может, стоит обойти их.

Предостережение незнакомого командира показалось Огурееву обидным:

— Вы прошли, а почему же мои орлы не пройдут?

— Есть хорошая русская пословица: «Пуля дура, а виноватого найдет», — еще раз намекнул на опасность командир.

— Тогда как получилось? — вспоминал Огуреев. — Наверное, часа не прошло, как мы расстались, и взвод напоролся на фрицев. Самолеты мы, правда, сожгли, но троих потеряли, а меня отправили в медсанбат. После этого я уже не видел фронта.

Огуреев рассказал, что затем окончил институт, долго работал рыбоводом, а теперь он директор одного прудового хозяйства на Псковщине.

— Приезжайте к нам. Места у нас красивые, рыбалка — отличная.

— В прудах? — хмыкнул Антон Антонович. — Браконьера из меня хотите сделать?

— Видите ли, система из нагульных, нерестовых, маточных, выростных и зимовальных прудов всегда оканчивается буфером, в который сливается вода из последнего пруда, — терпеливо пояснил Огуреев. — Буфер нужен для непредвиденных случаев. Конечно, в нем рыбу не разводим. Она сама попадает сюда из системы, а частью заходит из озера, в который впадает сток. В буфере ловить не запрещается.

Антон Антонович все-таки принял приглашение Огуреева и месяца через три съездил в его хозяйство. После он рассказывал, что буфером оказалось небольшое водохранилище, образованное плотинкой. Ее пересекала бетонная труба, вход в которую преграждала металлическая задвижка. Невдалеке от плотины была заводь, в которой хорошо клевали крупные караси. Водились здесь и карпы, но Антону Антоновичу ни одного добыть не удалось — одни рвали лески, другие утаскивали удочки.

Через год он опять туда поехал, собираясь взять реванш: для карпов приготовил донки с надежными лесками. Огуреева дома не застал и, пристроившись в конторе, решил попытать рыбацкое счастье в одиночку.

Однажды Антон Антонович отправился на заводь. Левее тропки тянулось болото. Оно родилось недавно — после того, как построили плотинку. Вода поднялась, затопила пологий берег, на котором когда-то сочились роднички, росли ели, — здесь и образовалось болото, местами появились кочки, заросшие травой. Ели повалились от того, что подгнили корни, или стояли без хвои, дожидаясь своей очереди. Лишь одна елка возвышалась на холмике — вода ей не вредила.

Антон Антонович посмотрел на мрачную картину вокруг, почему-то припомнил пословицу: «Было бы болото, а черти будут».

У заводи Антона Антоновича ждало полное разочарование: воды в ней осталось мало — в глубину всего полторы-две четверти. Не разматывая удочек, все той же тропкой, он пошел дальше — к плотинке. Еще издали заметил, что задвижка поднята высоко. Вот, значит, почему в заводи так мелко.

Около задвижки рядом с двумя самодельными удочками сидел пожилой, давно небритый человек с каким-то виноватым выражением лица. То закрывая глаза, то отводя их в сторону, он подробно рассказал, как и на что поймал десятка полтора окуньков и плотвиц.

— Как вас зовут? — поинтересовался Антон Антонович.

— Коля. — О фамилии он не заикнулся, стал сразу приглашать: — Садитесь рядышком. Клюет здесь мелочь, как видите, но на асфальте и ее не поймаешь.

Действительно, ловил он только мелочь, да и то редко.

Разговор с Колей не клеился: о рыбалке он, по всему видно, имел смутное представление, а о своей профессии кровельщика распространяться явно не желал.

В седьмом часу вечера Антон Антонович стал собирать снасти.

— Смотрите, смотрите, что подходит! — предупредил его Коля, показывая в сторону болота.

Антон Антонович не сразу понял, что оттуда наплывал густой туман, ему сначала показалось, что это двигалась сплошная серая стена. Одежда, рюкзак, чехол для удочек — все разом стало влажным.

Коля сидел всего в пяти метрах, но серая пелена почти совсем закрыла его. Антон Антонович слышал только его голос, предлагавший ему возвращаться вместе.

Коля собрал удочки, крикнул, чтобы сосед двигался за ним, и растворился в мареве.

Сначала Антон Антонович хоть с трудом, но все же видел или чувствовал ногами тропинку, промятую по болотной траве, на которую ступил Коля. Но через сотню метров тропка исчезла.

— Вы правильно идете? — забеспокоился Антон Антонович, окликая Колю.

Через несколько шагов он еще раз окликнул спутника, но тот опять не отзывался.

Почти тут же Антон Антонович провалился по колено. Вытащив ноги, он сбросил рюкзак и сел на него, чтобы снять сапоги и вылить воду. Пройдя с десяток шагов, опять провалился. На этот раз уже не стал выливать. Пройдя еще немного, он провалился по пояс.

Подумав, что его спутник удаляется от речушки, Антон Антонович повернул в противоположную сторону и тут же провалился по горло, хлебнув воды — противной на вкус и дурно пахнувшей. Он судорожно ухватился за траву на краю промоины и стал подтягиваться. Это не удалось, пришлось отбросить в сторону чехол с удочками, стащить рюкзак, только тогда он кое-как выкарабкался. Пошарил вокруг руками, но удочек не нашел. Махнув рукой, подумал: хорошо еще, что в этом месте

не растет осока — ведь ухватившись за нее, он обязательно порезал бы пальцы.

Потом Антон Антонович много раз падал, запынувшись то за остатки полуистлевшей ели, то за кочку, то еще за что-то, чего не мог рассмотреть. Все на нем до последней нитки давно промокло, он очень устал и, чтобы хоть немного отдохнуть, сел на кочку и тут же услышал шум моторов.

Антон Антонович очень удивился: по его расчетам, дороги тут поблизости не было. Но шум приближался, потом серое марево посветлело, и Антон Антонович увидел, что по окраине болота медленно двигались две машины — черная «Волга» и красный рафик. Вскоре машины остановились, и из «Волги» вышли трое. Антон Антонович окликнул их. Первым к нему приблизился человек в ватнике и высоких резиновых сапогах, участливо заговорил:

— Устали? Ничего, поможем вам добраться до сухого места, там отдохнете до утра.

Он поднял рюкзак, двое других взяли Антона Антоновича под руки и повели.

— Вот и ель. — Человек в ватнике положил рюкзак и посоветовал: — Протискивайтесь, отец, к стволу — около него и соснуть можно, а как рассветет, идите в поселок.

Антон Антонович начал было говорить о Коле, его исчезновении, но его не стали слушать. Все трое повернулись и ушли в серую, мокрую мглу.

Антон Антонович приподнял нижние лапы, лежавшие на мху, и пощупал землю. Она оказалась покрытой толстым слоем опавшей хвои. Затем отломил несколько сухих веток и, нагнувшись, прополз к стволу. Только тут он понял, что окончательно устал, идти не может.

А в голове все настойчивее ворочался вопрос: почему Коля не отзывался? Туман заглушал голос? Конечно, но не настолько же, чтобы не слышал человек, шагавший в десятке метров. Может, он тоже провалился и ему было не до спутника? По почему не звал на помощь? К этому добавлялись теперь новые вопросы: почему незнакомец в телогрейке не стал слушать, что в болоте застрял человек? А куда они ехали в такую непогоду да еще по болоту? Почему в двух машинах ему не нашлось места? А машины? Антон Антонович хорошо знал: в прудовом хозяйстве есть вездеход «Нива» и полуторка, а «Волги» и рафика нет.

Постепенно Антон Антонович все более приходил к мысли, что к ели его отвели не из жалости, а для того, чтобы он оказался подальше и от прудов, и от поселка.

Несмотря на озноб, Антон Антонович выбрался из-под ели. Надеть рюкзак ему не удалось, пришлось взваливать его лишь на одно плечо. Оглядевшись, он направился в сторону, где, ему думалось, стоит поселок.

Антон Антонович прошел какую-то сотню метров и с тревогой почувствовал, как устал, как тяжелы были промокшая одежда и рюкзак. Но он позволял себе отдыхать лишь минуточку-другую и плелся дальше, то и дело падая на кочках. В таких случаях в памяти Антона Антоновича всегда всплывали военные тяготы, неизмеримо большие, чем всякие его рыбацкие передрыги, каких тоже было немало.

В первую военную осень, когда их часть отступала на восток, у него действительно сил совсем не оставалось, двигался он скорее машинально, в полусне. Чтобы не свалиться, он про себя напевал: «По полю, полю чистому, по бархатным лужкам течет, струится реченька к безвестным бережкам». Дальше он песенку не знал и опять возвращался к тем же словам: «По полю, полю...» И так из часа в час, из ночи в ночь. Если шедший впереди останавливался, он налетал на него и просыпался.

С тех пор продолжения песенки Антон Антонович так и не узнал и сейчас довольствовался все теми же словами. Они, казалось, придавали ему сил, усталость на какое-то время отступала. Чтобы снять часть нагрузки, он придумал тянуть рюкзак волоком, а не на плече, и если тот застревал между кочками, то ложился и толкал его руками перед собой. Вот только вставать становилось все труднее.

«И что я вожусь с этим рюкзаком?! — упрекнул себя Антон Антонович. — Оставлю здесь, после найду».

Пристроив рюкзак на кочке, он продвинулся еще на несколько десятков метров и наткнулся на край огорода: поселок-то, оказывается, был совсем рядом! Уже шатаясь, он вдоль картофельной гряды добрался до ближайшего дома. Дверь его оказалась запертой. Постучал, и почти в тот же момент в оконце слева выглянула полная женщина.

— Извините, пожалуйста, — торопливо заговорил Антон Антонович. — Передайте в контору, что москвич часа два назад левее зеленой ели видел черную «Волгу» и красный рафик...

Женщина, однако, скрылась, занавеска закрыла оконце. Прошла минута, вторая, а дверь в доме не открывалась. Он постучал, но и на этот раз она не открылась. Антон Антонович присел на узенькую скамейку у стены и почти в тот же момент забылся — сон пришел как-то сразу, без дремоты.

Очнулся он, когда слышался шум мотора. Выглянув на улицу, Антон Антонович сквозь поредевшую серую пелену увидел, как из ближнего переулка вышел автобус.

Только теперь он понял, что вышел к другому поселку и что отсюда он может доехать до конторы прудового хозяйства на автобусе. Стараясь придать бодрость походке, он зашагал к остановке.

В автобусе у Антопа Антоновича не хватило сил положить в карман данную кондуктором сдачу. Так, зажав ее в руке, он и уснул, едва заняв свое место...

Спустя примерно неделю после этой туманной ночи на болоте, когда Антон Антонович уже вернулся в Москву, в его квартире слышался энергичный женский голос:

— Добрый день! Вас беспокоит Ефросинья Глебовна. Извините, пожалуйста, что так получилось. Торопилась очень, побежала людей поднимать, а когда вернулась, вас уже нет...

— Пойдите! — остановил ее Антон Антонович. — Каких людей?

— А вы извините меня?

— Обязательно!

— Тогда передаю трубку директору.

Огуреев тоже начал с извинения:

— Конечно, надо бы раньше поблагодарить вас, да телефона, как вы знаете, в нашем поселке нет, а в райцентр вот только сегодня вырвался. Начну по порядку. Ефросинья Глебовна — наш рыбовод. Она живет в соседнем поселке. Помните, вы сказали ей о «Волге» да рафике? Она сразу же побежала от дома к дому и будила людей. Ведь за браконьерами, которые на этих машинах разъезжали, мы чуть ли не с весны охотились. На этот раз успели накрыть их на месте преступления, когда они тянули из нагульного пруда. А вас от задвижки отвел их сообщник, наш поселковый выпивоха... Жаль, меня тогда на месте не было! А рюкзак и удочки мы ваши нашли.

Антон Антонович порадовался, что та пелепая ночь

на болоте обернулась чем-то полезным. А в трубке еще звучал голос Огуреева:

— Задвижку в плотине мы опустили, воды опять много. Вернулись караси и карпы. Приедете, Антон Антонович?

— Конечно!

НА РЕЧКЕ ЗОЛОТИЦЕ

Среди рыб, обитающих в наших морях, есть немало таких, которые выглядят довольно странно. Однако самая чудная, пожалуй, камбала. Глаза у нее расположены на одной стороне тела. Половина ее окрашена и может менять свою окраску в зависимости от цвета грунта, а другая половина — белая. Есть у нее и еще одна чудинка: на дно камбала ложится боком, на боку она и плавает. По длине спинного и анального плавников у нее нет соперников. Обходится без плавательного пузыря. Впрочем, рождается камбала «нормальной»: глаза бывают расположены, как у всех рыб — один справа, другой слева. Некоторое время камбалки живут в толще воды. Потом оседают на дно, один глаз начинает перемещаться, а плавательный пузырь пропадает...

Говорят, что рыба — путеводная звезда рыболова. Она может завести его в болото, прорубь, даже в пустыню или на полюс. Правда, до полюса с Антоном Антоновичем мы в тот раз не добрались.

До Архангельска мы летели на самолете и через несколько часов хода по Белому морю на комфортабельном теплоходе «Буковина» оказались в трех километрах от берега, на котором виднелись домики деревни Нижней Золотицы. Ее улицы вытянулись вдоль моря и вдоль речки с поэтическим названием Золотица. Подойти ближе теплоход не мог, никакой пристани в деревне нет.

— Смотри! — сказал Антон Антонович, показывая на две лодки, мчавшиеся к «Буковине».

Это были моторные доры — лодки настолько удачной конструкции, что на них не боязно отправиться в дальнее плавание и по морю.

Только отгремела якорная цепь, как доры оказались у спущенного к ним трапа. Стоял штиль, и мы легко сошли в одну из них. В другую дору сошли двое прибывших вместе с нами местных жителей.

Когда лодка уткнулась в берег, я спросил моториста — молчаливого парня с огромным чубом, — можно ли

на его лодке добраться до Верхней Золотицы — деревни, которая раскинулась в тайге километрах в тридцати от Беломорского побережья. Помолчав, парень сказал:

— Я сам из той деревни. Если председатель разрешит...

— Может, мне с ним поговорить?

— Что вы, что вы! — парень замахал руками. — Я сам.

Через несколько минут он вернулся:

— Председатель просит зайти.

— Ты разбудил его?

— Что вы, что вы! Он не спит: семгу принимает от рыбаков.

Я думал, что предстоит разговор с каким-нибудь старым помором, заросшим бородой, но ошибся: председателю колхоза было лет тридцать пять, он окончил Тимирязевскую академию. Спросив, кто мы и зачем приехали, он пообещал:

— Обязательно сегодня отвезем вас, но попозже. Понимаете, в двух местах на Золотице песчаные мели образовались. Надо, чтобы вода в реке повыше поднялась, и тогда дора не застрянет. А пока половите здесь. Сейчас камбала хорошо клюет.

Признаться, мы с Антоном Антоновичем сами об этом подумывали, но опасались, что упустим моторку, а другая, может, подвернется не скоро. И вот все так хорошо складывалось. Мы поблагодарили председателя за совет и отправились смотреть деревню.

Нижняя Золотица — селение небольшое, но очень старое: говорят, ему почти четыреста лет. В ней и сейчас все из дерева — общественные здания, жилые дома, хозяйственные постройки. Тротуары образуют распиленные вдоль бревна, а на проезжую часть бревна кладутся целиком. Если оступишься, нога увязнет в липкой и тяжелой жиже: деревня стоит на двухметровом слое торфа. Хотя и на восток, и на запад, и на юг от нее простирается тайга, лес для строительства колхозники не заготавливают: побережье завалено плавником — бревнами, принесенными волнами.

В Нижней Золотице живут приветливые и трудолюбивые люди. Летом они занимаются рыбным промыслом, зимой — зверобойным. Это наследственная профессия, она уже давно передается из поколения в поколение. О том, что она сопряжена с опасностями, напоминают старые огромные кресты в разных концах деревни. Их в преж-

ние времена воздвигали, когда разъяренное море губило ватаги рыбаков. Здесь всю свою жизнь провела сказительница Марфа Семеновна Крюкова. Могила ее у самого моря: волны разбиваются всего в нескольких метрах от нее.

В два часа ночи здесь в эту пору было светло как днем. Собрав спиннинги, мы вместо блесен привязали к лескам грузила, а повыше — поводки с крючками. Найдти насадку ничего не стоило: отдирали кору от старых бревен, и личинки жуков вываливались десятками.

По морю шла небольшая волна. Она не мешала нам: закинув насадку метров за тридцать, мы сначала натягивали лески, а затем отпускали их.

Антону Антоновичу повезло первому: леска вскоре выпрямилась, и в тот же момент он подсек. Рыба сопротивлялась не сильно, однако упрямо тянула от берега в глубь моря. Наконец показалось что-то такое, что нельзя сразу разглядеть: виднелся то серый, то белый цвет. Подсачка у нас не было, и свою первую добычу приятель широким взмахом выбросил на берег.

— Камбала! — воскликнул он.

Действительно, на прибрежной гальке лежала полукилограммовая камбала. Она глубоко заглотала насадку, снять ее с крючка оказалось делом нелегким. Это была ершоватка. От других камбал она отличается тем, что зубы у нее конические. Название она получила из-за сильной шероховатости чешуи. Если по ней провести ладонью от хвоста к голове, то легко можно убедиться, что это живая терка. Длинной ершоватка бывает до сорока сантиметров, живет не только в Белом, но и в Баренцевом море. Ей больше нравится песчаный грунт прибрежной зоны, любит губы и заливы. Кормится ершоватка червями, ракообразными и мелкими рыбами, миграций не совершает.

Председатель колхоза сдержал свое слово — через несколько часов за нами пришел тот же молчаливый чубатый парень.

В низовьях Золотица разливается широко, кажется, что течет спокойно, особенно когда прилив. Потом речка становится уже, на ней все чаще появляются пороги. Первые пороги — это первые стоянки кумжи, пришедшей из моря на нерест.

В Верхнюю Золотицу мы прибыли под вечер, о чем, конечно, говорили только часы, так как освещенность тут же менялась. Когда моторка остановилась в конце

какой-то улицы, первыми, кого мы увидели, оказались ребята. Те, кто повзрослее, несли удочки, а малыши с трофеями шагали впереди. Мне бросился в глаза странный вид их трофеев — рыба плоская, грязно-серого цвета. Когда ребята подошли ближе, я убедился — они несли камбалу. Неужели в речке поймали?

— Да, в речке, — ответил самый старший. — Она вот такая бывает. — И он показал камбалу длиной сантиметров тридцать.

Уговорить Антона Антоновича задержаться здесь хотя бы на сутки удалось с большим трудом: он рвался дальше — к самым верховьям. Правда, потом признался, что ловля речной камбалы ему тоже принесла удовольствие.

Места, где камбала стоит, мы установили довольно быстро — помогли ребята. Они верно сказали, что эта рыба не любит течения, что ее надо ловить за мысом или островом, там, где дно илисто-песчаное. Клевала она, как и морская камбала, уверенно, редко сходила с крючка, часто заглатывала любую насадку — червя, короеда, ручейника, кусочки свежей рыбы. Не составил труда и выбор снасти: наиболее подходящей оказалась донка. Лучше, если у крючка длинное цевье, а сам он небольшой: рот у камбалы маленький. По этой же причине маленькой должна быть и насадка.

В теплую погоду речная камбала выходит на мелководье и порой клюет там, где глубина не больше метра. Ребята рассказывали, что бывало и так: они стоят в реке, камбала подойдет и тычется им в ноги, порой они наступают на нее. Считается, что эта рыба — прибрежная морская, в реку заходит на откорм. Однако в дальнейшем мы встречали ее на Золотице очень далеко от моря, даже за тремя грядами порогов, пересекающих все русло. Как она, сугубо донная жительница, умудрилась туда попасть, непонятно. Может быть, во время весеннего паводка?

В Золотице мы ловили и хариуса. Его нельзя спутать ни с каким другим представителем ихтиофауны из-за огромного спинного плавника, окрашенного в густой фиолетово-оливково-багряный цвет, испещренного темными пятнами и похожего на лепесток неведомого цветка тропиков. Хариус — рыба, ради которой стоит поехать за тридевять земель, десятки километров шагать от какого-нибудь железнодорожного полустанка до речушки, не обозначенной ни на одной карте. Вне всякого сомнения, он входит в первую десятку самых сильных, осторожных

и хитрых рыб наших водоемов. Ловля его — довольно трудное, но очень увлекательное занятие.

Из-за чрезмерной осторожности — хариус обычно боится даже тени человека и самого малейшего шума — на одном месте редко удастся поймать больше двух-трех штук. Поэтому ловля носит ходовой характер, нельзя применять поплавок, а грузило нужно класть на воду тихо, без всплеска. Рыболов должен уметь отлично забрасывать насадку и определять момент подсечки даже по малейшему изменению изгиба лески. Нередко берег бывает голым: ни травы, ни кустов, ни деревьев — спрятаться нигде. Тогда к воде надо ползти по-пластунски. Но чего не сделаешь, чтобы поймать хариуса!

Да и клюет хариус отменно: как живая молния выскочив из-за какого-нибудь валуна, он жадно и резко хватает насадку, в большинстве случаев заглатывает ее, только подсекать его надо с такой же быстротой, с какой он сам выскакивает из-за укрытия...

Когда я подбрасывал насадку к полузатопленной коряге или кроне свалившегося дерева, хариус клевал чаще: он стоял в таких местах. Потом набрел на несколько торчавших из воды валунов. Забросы выше их по течению, но с таким расчетом, чтобы насадка проплыла за ними, тоже приносили успех: и здесь хариус поджидал добычу и отдыхал. За одним из поворотов был участок метра полтора шириной и метров пять длиной, покрытый толстым слоем пены, прибитой течением. Первый же заброс в эту пену подтвердил мою догадку: под ней укрывались хариусы. Они не видели меня, и можно было подходить совсем близко. Выведенные из пены, они казались белыми, но стоило провести рукой по спине и бокам, как представляли во всей своей красе.

Хариуса бесполезно искать в заводях, старицах и вообще везде, где нет течения или оно слабое. Однако особенно сильного течения и водоворотов он тоже избегает, стоит не на главной струе, а около нее. Он не любит, чтобы дно было песчаное, глинистое или заиленное, ему нужно крупногалечное или каменистое, и чем больше камней, тем лучше. Кроме того, хариус любит, чтобы вода была холодной и чистой, — при малейшем загрязнении он уходит. Обычно он стоит у дна, однако хорошо видит, что делается на поверхности реки, и хватается все, проплывающее по ней...

После Верхней Золотицы мы, оставив часть вещей в доме мальчишки, с которым познакомились на рыбалке,

налегке таежной тропкой стали пробираться выше — туда, где водится кумжа — цель нашего путешествия.

Километрах в двадцати мы встретили охотничий домик: четыре бревенчатых стены, толстая крыша, два небольших окна, дверь, кирпичная печь, нары и земляной пол. Летом дом пустует, и нам разрешили провести в нем отпуск.

На том же берегу Золотицы, только в трех километрах выше, был еще один такой же домик. В нем жил инспектор рыбоохраны Максим Исаевич, невысокого роста пожилой человек с буйной шевелюрой и такой густой растительностью на лице, что виднелись только нос да внимательные, с хитрецей глаза. Он нам и дал адрес кумжи.

— Надо пройти глинистый обрыв, — напутствовал он, — за ним, километрах в двух, речка круто изгибается, после поворота пройдите еще с километр — до ели, упавшей в Золотицу. Здесь и начинаются стоянки кумжи.

Мы пошли по едва заметной тропке, которая вилась по берегу, то отступая от него, то возвращаясь. Ее часто перегораживали завалы из бурелома и такие заросли молодняка, что сквозь него очень трудно продрасться.

Крутой обрыв из серо-зеленой глины, о котором нам сказал Максим Исаевич, оказался скользким от множества родничков, и местами приходилось чуть ли не ползти на четвереньках.

Недалеко от обрыва встретились рощица удивительных осин — нам она показалась настоящим чудом. То, что это именно осины, мы поняли, подойдя лишь вплотную к ним. Деревья были прямыми и высокими, их стволы имели правильную цилиндрическую форму и поэтому очень походили на трубы, окрашенные в ярко-зеленый цвет. Такого цвета кору под Москвой можно увидеть разве что на годовалых побегах тальника.

— Очень похожи на бамбук, растущий в Батумском ботаническом саду, — сказал об осинах Антон Антонович.

И верно: как и у бамбука, у этих осин небольшие ветки виднеются лишь на самых верхушках словно отполированных высоких стволов. Мы на какие-то мгновения даже почувствовали, что находимся не у Полярного круга, а где-то на Черноморском побережье. Долго спорили о том, почему выросли такие осины, выдвигали различные предположения и сами же их отвергали.

Старую, умирающую ель, о которой напоминал Максим Исаевич, нашли легко. Вершиной она лежала в воде, вывороченные из земли корни засохли.

Здесь мы решили сделать привал. Когда отдохнули, Антон Антонович собрал удочку, чтобы ловить форель или хариусов у ели, а я со спиннингом отправился по берегу дальше.

Прошел уже час, как я хлестал леской воду, но без всяких результатов. Антон Антонович подошел ко мне, посочувствовал, советовал бросить охоту.

— Уха уже сварилась, — пустил он в ход еще один аргумент.

— Последний заброс, — наконец пообещал я, посылая блесну чуть дальше торчавшего из воды большого валуна, за которым тянулся пенистый бурун. Когда блесна миновала валун, я ощутил сильную и тупую потяжку и, не веря в удачу, подсек. Рыба тянула с большой силой, пришлось сдать десятка два метров лески.

Поединок продолжался минут десять. Кумжа сопротивлялась упорно: то выскакивала из воды и летела над ней, то рвалась в глубину, то, казалось, во что-то упиралась. Наконец я начал выводить ее на отмель заводи. Чем меньше становилась глубина заводи, тем больше затихала кумжа. Только когда я стал подходить, она слегка изогнулась, чуть подпрыгнула и окончательно замерла, видимо отдав все силы борьбе за жизнь. Замечательный трофей!

— Это тебе награда за терпение! — воскликнул Антон Антонович, забыв про уху.

В сотне метров из речки торчал другой валун с буруном. Я подошел сюда и снова послал блесну чуть дальше валуна по течению. Сильная потяжка последовала почти немедленно. Так нам открылся секрет кумжи: она стояла за валунами, где течение слабее, чтобы, как из засады, делать броски за добычей.

К этим валунам мы возвращались из своего домика еще несколько дней — очень уж хороша была рыбалка!

Затем мы попробовали ловить ниже двух островков, поросших кустарником. Кумжа, оказалось, стояла и здесь, как и около затонувших коряг, у валунов, лежащих на дне. Правда, ловля здесь потребовала большого расхода блесен, но разве при такой ценной добыче мы с Антоном Антоновичем могли их жалеть?!

Обнаружились и места, где кумжа не встречалась, —

в сужениях речки, в главной струе бурного течения, в заводях.

Так с легкой руки Максима Исаевича мы приобщились к ловле доселе незнакомой нам рыбы, присмотрелись к ее повадкам да и к ней самой.

Это настоящая красавица!

Тело кумжи покрыто золотистыми полосами и мелкими пятнами. Вверху они черные или темно-коричневые со светлыми ободками, внизу — оранжевые или темно-красные. Темные пятна с красным оттенком есть и на голове. Спинной плавник имеет светло-желтый цвет с крупными темными пятнами между лучей и еле заметную бледно-оранжевую кайму. Брюшные и грудные плавники окрашены одинаково: они темно-желтые с бледно-оранжевым оттенком, сгущающимся к концам.

Так кумжа выглядит в начале жизни. Повзрослев, она меняет наряд, расстаётся с яркими красками. Ее тело становится серебристым, а по нему, как черные бриллианты, разбросаны небольшие пятна и крестики. В таком наряде, словно невеста в фате, она уходит из реки в море, чтобы через несколько лет вернуться уже полностью сформировавшейся и отпраздновать свадьбу.

Любопытно, что долгое время ихтиологи спорили, есть ли такая рыба — кумжа, хотя она значится в системе Линнея, имеет свое ученое латинское название. Одни ученые утверждали, что есть, другие считали ее разновидностью обычной пресноводной форели, которая уходит в море. То, что форель при этом внешне изменяется, объясняли воздействием новых условий обитания. Потом пришли к общему мнению, что молодь кумжи до ската в море даже ученый не сможет отличить от молоди форели: это действительно одно и то же. Но поскольку кумжа, уйдя в море, становится не похожей на форель, ей дали свое название.

Конечно, на Золотице мы ловили и форель. Она считается особенно пугливой и осторожной рыбой, хотя ее ловят в горных реках всех континентов сотни тысяч рыбаков. Наверное, форель не пугливее, чем другие рыбы, но ручьи и речки, в которых она водится, обычно мелкие, с прозрачной водой. И на Золотице мы сразу же убедились, что во время ловли надо соблюдать максимальную осторожность — не шуметь, не мельтепять у воды, не топтать на берегу ногами.

Довольные рыбалкой, мы возвращались к Белому морю пешком. Шли неторопливо и любовались суровой,

своеобразной красотой тайги. Березы, осины только распускались, их кроны из небольших светло-зеленых листочков насквозь просвечивались. Цвел багульник. Его нежно-белые цветы издали походили на большие снежинки, упавшие на молодую, сочную траву. На болотах мы находили кочки, покрытые брусникой. Перезревшие, очень мягкие прошлогодние ягоды освежали рот. А сколько было радости, когда нашли полянку, где цвели дикие пионы. И это недалеко от Полярного круга!

Особенно хороши здесь купальницы. Они буйно цвели вдоль всей узкой прибрежной полосы по Золотице, на маленьких лужайках. Цветов так много, что их золотые головки сливаются в один сверкающий в солнечные дни ковер, щедро раскинутый у подножия елей. Говорят, золотые купальницы и дали название речке.

В вагоне поезда Архангельск — Москва у нас стояло два букета: один из золотистых купавок, другой из багровых пионов. Это были подарки «глухой, неведомой тайги». Мы везли их с большой осторожностью: ведь вместе с воспоминаниями о благородной кумже они были главной ценностью, которая досталась нам в этом интересном и богатом крае.

ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА С КУМЖЕЙ

— В Мурманске дожди! — объявила стюардесса, когда самолет пошел на посадку.

Снижался он долго. Тучи обволакивали его со всех сторон, и за иллюминатором виднелись лишь клубившиеся мрачные космы.

Но стоило самолету пробить тучи, как в иллюминаторах подо мной, насколько хватает глаз, засверкали голубые озера, озерки, речки и речушки. Между ними виднелись зеленые островки — должно быть, клочки леса, кустарников или лугов. Заметив, что я внимательно смотрю на землю, сосед — солидного вида и почтенного возраста человек, — словно по справочнику, выдал информацию:

— На Кольском полуострове разбросано около 110 тысяч озер. В это число входят лишь те, площадь которых более десяти гектаров. Реки же, речушки и ручьи трудно подсчитать — их несколько десятков тысяч. Общая протяженность рек превышает 50 тысяч километров. Это больше, чем у Енисея. Волги, Оби и Лены вместе взятых...

Дождь оказался кратковременным, и, когда мы сходили с самолета, уже сияло солнце, еще не успевшие высохнуть аэродромные плиты блестели.

Мурманск — украшение Арктики, столица суровой Похъялы — древней лопской земли, Лапландии, исходная база отечественного северного мореплавания, гавань атомоходов, центр северного морского рыболовства, оплот многих других важных дел. На его гербе щит, в верхней половине которого на голубом фоне — северное сияние и корабль, а внизу на золотом фоне — рыба. Город на многие километры тянется вдоль Кольского залива, где у причалов и на рейде стоят сотни судов самого различного назначения, тоннажа и окраски. Приписанные к его незамерзающему порту корабли можно встретить на всех морях и океанах.

Жители справедливо гордятся своим городом. Он действительно очень своеобразен, и, побывав в нем хоть раз, навсегда его запомнишь.

Улицы города, озелененные рябинами и березами, то поднимаются, то опускаются: они проложены по склонам сопек. Здесь только проспект Ленина тянется прямо. Это о нем Степан Щипачев написал такие строчки:

Далеко в северную синеву
Глядят дома. Проспект широк и прям:
Одним концом уходит на Москву,
Другим — на Ледовитый океан.

Мурманск — самый крупный за Полярным кругом город — совсем молод: 4 октября 1916 года на том месте, где сейчас высится Дворец культуры имени С. М. Кирова, была зарыта латунная пластинка в память основания города. Неподалеку от этого места тогда одиноко стояла избушка столетнего рыбака Семена Корнеева — потомка политических ссыльных.

Понятно, что здесь нет памятников старины. Благодарный город воздал должное лишь героям борьбы с фашистскими захватчиками. Установлен монумент в честь воинов шестой батареи 143-го артиллерийского полка. В сентябре 1941 года они вели бои на острие фашистского клина — на том участке фронта, который ближе всего был к городу. Во главе с лейтенантом Г. Лысенко и политруком Н. Васильевым они продержались целую неделю до подхода подразделений Полярной дивизии. Есть памятник Анатолию Бредову, командиру пулеметного расчета. Незадолго до войны он учился в местной

школе, затем работал на судовой верфи. В бою, когда вышли патроны, Анатолий взорвал себя гранатой, чтобы не попасть в плен.

Августовским полднем я осматривал центр Мурманска. Неожиданно ко мне подошел человек с рюкзаком за плечами и спиннингом в руках. Я подумал: воистину рыбак рыбака видит издалека. Но дело обернулось интереснее.

— Извините, пожалуйста, — сказал незнакомец, внимательно всматриваясь в меня. — Прошло столько лет, могу ошибиться...

— В претензии не буду, — шутливо отозвался я.

— На Северском Донце воевали?

— Довелось.

— Значит, вы тот самый капитан, который меня похоронил. Жена тогда даже извещение получила...

Я забыл о достопримечательностях Мурманска и сам стал бесцеремонно рассматривать встречного.

— Зайцев? Михаил Федорович?

— Так точно, товарищ капитан.

Мы стали обниматься, как водится, хлопать по плечу, тыкать кулаками под ребра. Прохожие поворачивались в нашу сторону, у рядом стоявшей цистерны продавщица перестала отпускать квас.

Немного успокоившись, я спросил Зайцева, куда он со спиннингом путь держит.

— Вот в тундру собрался, кумжу ловить. Ну, теперь побоку ее, пойдем ко мне. Ребят покажу. Жаль, жены сейчас нет — в санатории...

Зайцев жил в центре Мурманска, в четырехкомнатной квартире, которая становилась тесноватой, когда пятеро его детей стали приходить — кто с учебы, кто с работы. Это не мешало нам с хозяином просидеть до полуночи.

Как же получилось, что я «похоронил» Зайцева?

Зимой 1943 года на Северском Донце два танковых полка фашистов отсекали один из полков нашей стрелковой дивизии. Неравный бой продолжался два часа, а потом подошли «катюши», и на взгорке, по которому стали удирать фашисты, запылали десятки их танков.

А еще часа через два ко мне, тогда редактору дивизионной газеты, пришел начальник связи полка и сказал:

— Очень прошу, капитан, написать о героизме командира экипажа рации. Он исполнял свой долг буквально до последней секунды жизни.

По его словам, этот радист, сержант Зайцев, в начале прорыва вражеских танков находился на командном пункте полка. Он сразу передал в штаб дивизии донесение: где танки, сколько их, куда движутся. Потом стал отходить и метров через триста от командного пункта опять связался со штабом дивизии, сообщил, что видел, доложил, как от пулеметной очереди погиб второй радист.

— Его передача прервалась на полуслове, — заключил начальник связи. — Потом мы нашли радию — она гусеницей раздавлена. Радист похоронен.

Я узнал, где это произошло, сам сходил туда, видел раздавленную радию и кровь на земле. Уточнив еще кое-что, я написал статью. Свидетелей гибели Зайцева не нашлось, и в штабе полка посчитали мою статью основанием, чтобы написать похоронное извещение.

Через несколько дней, когда началось наше наступление, я зашел к командиру артиллерийского полка. Он был на своем наблюдательном пункте, который размещался на окраине городка в пустовавшей трансформаторной будке. Здесь стоял крохотный столик, табуретка и горелая кровать, куда меня усадил командир.

— Сегодня городок возьмем, и я устрою ИП по всем правилам, — словно оправдываясь, сказал он.

В это время радист, сидевший в углу на ящике из-под снарядов, кому-то доложил:

— Да, капитан Киселев у нас. — Он повернулся в мою сторону: — Вас вызывает начальник политотдела. Он сейчас находится на командном пункте саперного батальона.

Я закончил разговор с начальником политотдела, но радист не уходил в свой угол и с улыбкой доложил:

— Я сержант Зайцев.

— Зайцев? — я сразу же вспомнил недавний случай. — Ты же погиб?

— Как видите, нет. Замполит показывал мне еще в медсанбате вашу статью в газете. Там ошибка. Мою радию тогда повредило осколком, пришлось ее бросить и уходить, танк ее раздавил уже потом. Меня же тогда ранило в левую руку, в медсанбат сам пришел. И вот уже неделю служу здесь — у артиллеристов.

Вскоре я опубликовал статью, которая называлась так: «Сержант Михаил Зайцев снова в строю». Заканчивалась она фразой: «И на новом месте он служит отлично». Словом, я уже тогда реабилитировал себя перед

сержантом, и теперь мы всю историю вспоминали с шутками.

На следующий день автобусом мы отправились за кумжей.

Михаил оказался мастером на все руки: вообще-то он крановщик, но может работать слесарем, столяром, чинить телевизоры. Зато страсть у него одна, но пламенная — рыбалка. Посмотришь на него — кости да кожа, а вынослив, как в сержантские годы: пройти, скажем, десяток километров для него ничего не стоит.

Мы ехали на автобусе уже целый час, но никакого жилья еще не встретили.

— Скоро увидим, — отозвался на мое нетерпение Михаил. — Наше, рыбацкое жилье.

Действительно, за поворотом, на берегу большого озера, показался одинокий деревянный дом. Это была база членов местного охотничьего общества. Автобус подкатил к крыльцу и остановился. Водитель сказал, что поедем минут через пятнадцать, и все пассажиры вышли, чтобы поразмяться.

— Место удобное, слов нет: шоссе, рядом протока, соединяющая это озеро с соседним. Но вот беда — рыбы стало маловато, — пояснил Михаил. — Приходится уезжать дальше.

Озеро называлось Канентъявр. Это по-саамски: канепт — невидимое, скрывающееся, явр — озеро. Название показалось мне метким: целиком озеро видно лишь с сопки, а вблизи просматриваются только части его, потому что берега сильно изрезаны.

Уже за сотым километром Михаил попросил водителя остановить автобус, и мы сошли. Позади был Полярный круг, впереди — Баренцево море, а между ними — бесчисленные сопки и озера, в которых и водилась кумжа. Километров за полсотни от дороги нам предстояло разыскать домик оленеводов-саамов. Они сейчас откочевали, и домик пустовал.

Мой спутник быстро нашел едва заметную тропинку, которая начиналась около дороги и тянулась к северу. Шагать по ней легко — под ногами стлался ковер из бледно-голубого и бледно-зеленого ягеля — корма северных оленей, вороники — стелющегося ягодного кустарника с иголочками вместо листьев, черники и карликовой березки — листики у нее с ноготь, ствола нет, а ветки, растущие почти из одной точки, похожи на шпа-

гат. Я подумал, что и весь путь будет таким, но вскоре тропинка уперлась в ручей.

Переправа через ручей оказалась нелегкой. С тяжелыми рюкзаками на плечах мы прыгали с одного валуна на другой, вброд шагали по каменистому дну. Потом я очень удивился, что наши ноги оказались целыми — ведь в цирковой школе мы не учились.

За ручьем начиналась сопка с пологими скатами. Подъем на нее мне представлялся легким. Но вышло не так. Сопка была покрыта впадинами правильной круглой формы диаметром до десяти метров. Склоны и дно впадин плотно выстилали валуны величиной с арбуз, словно их аккуратно уложил тут какой-то человек. Зайцев объяснил мне происхождение «облицовки» впадин: во время таяния снега весенняя вода мелкие валуны уносила со скатов сопки вниз, покрупнее застревали во впадинах, а самые крупные, которые вода не могла сдвинуть, оставались на месте. Так повторялось из года в год, из века в век, и постепенно во впадинах подобрались валуны одинаковой величины. Все они покрылись каким-то темно-коричневым налетом, и даже травинки между ними не росли.

Вершина сопки представляла собой обширную площадку, заваленную разнокалиберными булыжниками и валунами диаметром в 3—5 метров. Около одного из самых больших мы сделали привал. Зайцев выбрал его не случайно: он показал мне, что валун-гигант стоит на трех каменных подставках. Из книг я уже знал, что это культовый саамский сейд.

Кольская тундра пустынна и мрачна, и все же люди начали селиться здесь давно — около девяти тысяч лет назад. Это подтверждают многочисленные стоянки, селища, петроглифы, другие памятники культуры. Они разбросаны по всему полуострову — есть и в лесотундре, и на морском побережье, и во внутренней части Саамедны, как саамы называют свою землю. Другие народы в те далекие времена здесь не жили, возникновение первых славянских поселений относится к XI—XII векам. От русских саамы заимствовали такие орудия труда, как сеть, лодка, позже — ружье, из продуктов — муку, чай, сахар, а также летнюю одежду из тканей.

До XVI века, до принятия христианства, саамы обожествляли деревья, животных, явления природы, горы. Видимо, в особом почете были валуны. Им поклонялись не только в Лапландии, но и по всей тундровой зоне

Евразии. Саамы считали, что в сейде обитает дух божества — покровителя их жилища, рыбной ловли, охоты. Жившие в тяжелейших природных условиях, они вымаливали у сейдов удачу на промысле, здоровье, помощь и защиту. Было поверье, что сейды могут летать, находя для себя лучшие места. Так сейды поступают в том случае, если их обидеть невниманием или скупой жертвой. Понятно, что сейды устанавливались не где попало, а на приметных местах — на сопках, около зарослей полярной березы, вблизи промыслов и стоянок.

Теперь все это в прошлом. Саамы сейчас объединены в колхозы, их семьи живут оседло, в нормальных домах. Давно ликвидирована неграмотность, у саамов появилась своя интеллигенция. Сейды потеряли всякое культовое значение, но привлекают к себе внимание как памятники старины.

В полусотне метров от валуна-гиганта я увидел еще пять-шесть валунов. Большой из них и один поменьше стояли тоже на подставках, остальные покоились прямо на сопке, но на них лежали булыжники.

Когда я осмотрел их, то подумал разное об этих сейдах. Возможно, маленькие сейды на подставках принадлежали какому-то малочисленному роду, а те, что с булыжниками наверху, всего лишь семьям. Семьи мало что могли сделать для своего божества — поднять несколько булыжников и положить на валун. А может, эти семьи чем-то провинились, их отлучили от рода, запретили поклоняться родовому сейду? Или сказалась культовая иерархия: одни боги заслужили большие сейды, другие — меньшие?

Зайцев был пытливым человеком и, исходя из этих мест, тоже задумывался над загадками сейдов. На мой недоуменный вопрос, как саамы подымали эти валуны на подставки, он ответил так:

— С полной уверенностью можно сказать, что никаких подъемных устройств саамы не имели, не знали, что такое рычаг. А ведь некоторые валуны весят тонн пять, шесть и больше. Как возводились пирамиды в древнем Египте, понять можно: на стройку сгоняли десятки тысяч рабов. А саамов было мало, к тому же сейд, наверно, принадлежал какому-нибудь одному роду, только он, а не все население полуострова, его и устанавливал. Думаю, под валуны подбивали клинья. Здесь растут пригодные для этого деревья. Но загадка в том, чем забивались клинья...

Зайцев знал и о той точке зрения, что сейды сотворены не саамами, а природой. В далекие времена по Кольскому полуострову, как огромнейший бульдозер, двигался ледник. На своем пути он сгребал все, что встречал. Когда же ледник растаял, в некоторых местах валуны легли на другие валуны — поменьше, из мягких горных пород. Нижние разрушались быстрее, со временем они стали подставками. Но так могло произойти чрезвычайно редко: ведь мягкопородных валунов для сейдов надо всегда три, к тому же они должны были разрушаться синхронно. А сейдов у саамов много.

Ученые Т. В. Лукьянченко и Ю. Б. Симченко в одной из своих работ писали: «На Крайнем Севере нет другого народа, историей и этнографией которого занимались бы столько же времени, сколько изучали происхождение и культуру саамов. Однако нет другого народа на Крайнем Севере, происхождение которого было бы так таинственно, как у саамов, хотя ученые и ломают голову над этой проблемой почти половину тысячелетия».

Сказано справедливо. Приходится сожалеть, что об истории и быте, скажем, жителей острова Пасхи, который находится за тридевять земель от нас, мы знаем куда больше, чем об истории и быте саамов — граждан нашей страны.

После первой сопки мы с Зайцевым преодолели еще десяток таких же возвышенностей.

На всем пути, главным образом вдоль ручьев, встречалась одна и та же растительность — иван-чай и хилые тальники. В низинах изредка росли березки, причем порой на валунах. Это кажется странным: растительности здесь очень мало, почему она обретает себе место на бочках и вершинах валунов? Зайцев представлял себе это так. Сначала на валун наползают, их охватывают тонкие длинные ветки вороники, одновременно с ней, или опережая ее, на валун тянутся плети стелющейся карликовой березки. Проходит несколько лет, и под ними образуется тонкий слой рыхлого перегноя. Со временем плети охватывают валун целиком, и если он не очень большой, то становится похожим на болотную кочку, а в низинах — даже на зеленый пушистый шар. Наступает время, и на вершине валуна появляется береза — не обычная, конечно, а местная — низкорослая и корявая. Она тоже обнимает валун, но уже не ветвями снизу вверх, а корнями сверху вниз. Такую березку ветер не пова-

лит — корни ее обхватили валун очень плотно, пробились и под его основание.

Кончались сутки, как мы занимались тем, что понимались и спускались с сопки, обходили озера и переправлялись через ручьи. Я уже давно потерял счет им. Очень устал, казалось, рюкзак постепенно набивался валунами: ведь кроме него у меня за плечами был седьмой десяток лет! Рыбалка еще не начиналась, а уже казалась мне самой трудной в жизни.

— Сейчас поднимемся еще на одну маленькую сопочку... — заговорил как-то Зайцев.

— Черт бы ее побрал, а заодно и все валуны, — ворчал я.

— С той сопки видно километров на десять вокруг...

— Еще десять тащиться?

— Нет, меньше, но ты пойдешь один, и надо знать, как идти...

— Один? К Баренцеву морю я выйду, а вот найти какой-то домик...

— Конечно, он несколько меньше моря, но ты и его найдешь, — утешал меня Михаил.

— А мне, грешнику, думается, что я вообще никуда не дойду, а останусь под каким-нибудь валуном вместе со вторым инфарктом.

— Я пойду вперед. По дороге в ручье наловлю форели, а когда ты придешь, уха уже сварится...

— Уху тебе придется есть одному, а я, брошенный в тундре, буду съеден комарами и мошками...

Тут я рассмеялся. Рюкзак, годы, инфаркт — это, конечно, так, но ведь, черт возьми, за плечами у меня есть и «фронтальная академия»!

— Вперед, сержант, вперед! — подавляя усталость, успокоил я Зайцева.

Когда поднялись на вершину очередной сопки, с нее действительно все просматривалось очень далеко.

— Заметил рыжую сопку? — спросил Михаил. — А левее — сопку с острой вершиной? Дальше еще сопка — с двумя вершинами. Теперь внимательно посмотри между первой и второй. Видишь домик? Ну вот, поторачивайся.

Угнаться за ним, человеком тренированным, я не пытался.

Уха ждала уже давно, когда я наконец дотащился до домика. Отдать ей должное в полной мере я уже не мог

и, кое-как раздевшись, повалился на нары. А когда проснулся, Михаил сидел около печки и стругал лучину.

Я приподнялся на локте и осмотрел домик. В углу — печка из толстого листового железа, вдоль стен — нары, покрытые оленьими шкурами, деревянный пол, три окна, около одного из них столик, стены — из плах.

На столе была разложена карта, Зайцев позвал меня к ней.

На карте почти все сопки безымянные, около них стояли лишь отметки высоты: 232, 305, 107, 220, 115... Но для Михаила каждая из них имела какую-нибудь примечательность: одна, скажем, крутая, другая — голая, третья — седая... Про любое озеро, про любой, даже самый тощий ручеек он готов был долго рассказывать: и какого размера кумжа в нем водится, и где там самые добычливые места, какие к ним подходы...

— В этом озере кумжа водится, притом всех размеров, — уверял меня Михаил. — В соседнем на отмелях клюет кумжа весом 300—350 граммов, а на глубине — 500—600 граммов. А в это озеро, как видишь, впадает большой ручей. В нем — мелочь. Вот озеро, в котором я видел очень большую кумжу — весом в несколько килограммов, но она не клевала. Соседнее озеро тоже богато, оно протокой соединено с озером, которое лежит чуть ли не на вершине соседней сопки. Однажды я поймал здесь несколько килограммовых кумж...

Пришлось прервать напарника: такую массу сведений мне не к чему запоминать, раз рядом со мной был такой знаток места.

Первое озеро, на которое мы пришли, имело форму сильно вытянутого овала длиной с километр и шириной сотни две метров. Берега его завалены мелкими валунами, кругом мрачно и пустынно, нет никакой растительности. В одном месте возвышалось нагромождение из пяти огромных валунов. Глубина озера, видимо, не превышала двух-трех метров.

Собрав спиннинги и привязав продолговатые вращающиеся блесны, у которых одна сторона светлая, а другая — темная, мы зашагали по берегу в разные стороны. Каждые десять шагов делали забросы. Когда встретились, Михаил сказал:

— Почин есть, с килограмм потянет.

А я и поклевки не видел.

То же случилось и во второй обход озера, потому я было потребовал сменить место ловли.

В этот момент, положив спиннинг, я прислонился к одному из валунов, нависших над берегом, и, к своему удивлению, почувствовал, что он качается. Посмотрел под ноги: каменная стена обрывом уходила под воду, что говорило о большой глубине. Значит, кумжа и могла быть здесь, у моих ног. Почему? На Кольском полуострове в то лето стояла небывалая жара. На мелких местах вода прогрелась, и кумжа, холодолюбивая лососевая рыба, должна была уйти на глубину — туда, где прохладно и больше кислорода.

Взяв спиннинг, я осторожно, стараясь не поскользнуться, бросил блесну метров за двадцать и дал ей утонуть. Она достигла дна, когда леска заняла чуть ли не отвесное положение. Так и есть — глубина отличная! В других местах озера такой нет. Я опять метнул блесну, теперь уже подальше, дал ей хорошенько заглубиться и начал подматывать леску. Прошло всего несколько секунд, и руки почувствовали долгожданный рывок.

Что только ни делала кумжа, чтобы освободиться от блесны! Она то стремилась уйти от берега и со всей силой натягивала леску, то делала свечу — высоко вылетала из воды, то крутилась волчком у поверхности озера. Но килограммовый трофей достался мне, я взял кумжу в руки, снял с блесны и бросил в сторону Михаила. Убедившись в правильности своей догадки, сказал ему: — Заходи сбоку от моего валуна и старайся забросить свою блесну туда, где падает моя.

Через несколько забросов дело у него пошло.

Нас, однако, привлекала не величина улова, а больше спортивный интерес: хотелось почувствовать повадки местной кумжи. Поймав несколько крупных рыб, мы решили сменить место.

В двух километрах встретилось озеро, показавшееся мне примечательным. Оно имело форму правильного круга диаметром с километр. Вдоль его берега тянулась желтая песчаная полоса метра два шириной, затем, дальше от воды, такой же ширины полоса мелких валунов, а за ними — заросли кривых-прекривых березок.

— Красиво! — восхитился я. — Как озеро называется?

— У него нет названия.

— Давай назовем Красивым.

— Не возражаю, но вот беда — ни одну кумжу я рапыше в нем не поймал. Здесь мелко.

И верно: когда показалось солнце, всюду через кристально прозрачную воду озера просвечивался донный песок. Может, где-то посередине озера и есть ямы, но кумжа оттуда не выйдет.

Мы пошли дальше...

Две недели продолжалось наше общение с удивительной природой этих мест. Для меня оно стало незабываемым.

ЯРКАЯ БАБОЧКА НЯЛЪЯВРА

Обычно наши знакомства завязываются на рыбалках: около костра, в каком-нибудь доме прибрежной деревни, на спортивной базе. А я с мурманчанином Александром Яковлевичем Нестеровым познакомился заочно. Лет пять мы в письмах рассказывали друг другу о нашем общем увлечении. Потом он пригласил меня половить гольца. Антон Антонович тогда болел, поехать не мог, другие знакомые тоже не рискнули составить мне компанию:

— Кольский полуостров? Там и летом стоит холодище! А комары?

И я поехал без спутника.

На одном из голубых вагонов фирменного поезда «Арктика» есть табличка «Москва — Никель». В этом вагоне я должен был доехать до разъезда Нял, где назначалась встреча с Нестеровым — это за Полярным кругом, где-то между Мурманском и городом кольских металлургов Никелем.

«Нял» на языке саамов значит песец. Около разъезда, как писал Нестеров, есть озеро, богатое гольцом, называется оно Нялъявр, то есть Песцовое озеро. В саамском названии Нялъявр мне слышалось что-то древнее, языческое, таинственное.

После Мурманска поезд шел медленно, извиваясь среди каменных сопок, кое-где поросших низенькой растительностью. Чем дальше он уходил на север, тем больше хотелось конца поездки. И вот он наступил: около вагона стоял Нестеров. В руках у этого невысокого человека с внимательными глазами уже была связка большущих колен удилища, а за спиной висел огромный рюкзак. Он поздравил меня с приездом и весело показал:

— Вот магазин!

Единственная на весь магазин продавщица предлагала все, что нужно рыболову-туристу: хлеб, соль, сахар, масло, консервы. Когда вышли из магазина, Александр Яковлевич снова махнул рукой:

— Вот база.

Признаться, я не ожидал, что все здесь располагается так компактно, близко.

И в домике базы тоже было все что нужно: уютная спальня, чистая столовая и удобная кухня. Этот одноэтажный дом своими силами построили рыболовы Мурманской железной дороги.

После размещения на базе Нестеров отвел меня на берег речки — для этого пришлось пройти всего каких-то две сотни метров.

Речка небольшая, извилистые берега ее живописно завалены валунами, поросли иван-чаем.

А еще через несколько минут мой спутник снова произнес:

— Вот озеро!

Оно начинается совсем недалеко от разъезда, тянется восемнадцать километров, имеет в ширину один-два километра, а местами и меньше.

Мы медленно шагали по берегу, поросшему скрученной и перекрученной березой и ее младшей сестрой — стелющейся березкой. Ноги утопали в мягкой подстилке из какой-то низкорослой травы и ягеля. Вдруг мурманчанин остановился:

— Вот грибы!

Я огляделся. Оказывается, здесь растут даже белые. Сбирать их, видно, очень просто: ведь опавших листьев нет и прятаться грибам не под чем.

Но Нестеров словно нарочно дразнил меня богатствами края:

— Вот морошка! — воскликнул он через несколько минут.

И это удивило: спелая, нежно-желтая морошка возвышается над зеленью и будто сама приглашает собирать себя.

Оставалось дожидаться, когда Нестеров покажет на главное:

— Вот голец!

Но этого пока не случилось.

На остром мыске озера мы встретили местного рыболова. Удочки у него были в чехле, а рюкзак завязан.

Я спросил, почему он так рано собрался домой.

— Зачем домой? Гонец сейчас не клюет, но он еще покажет себя. Посмотрите на Нялъявр.

Я посмотрел, но ничего не понял: озеро блестело, как в зеркале, в нем отражалось ясное-ясное небо, значит,

ухудшения погоды не предвиделось. О приближении темноты говорить тоже не приходилось: стояли белые ночи.

Нестеров разъяснил:

— Голец очень пуглив и осторожен. Когда ветра нет и поверхность воды ровная, он ходит далеко от берега, до него не добросишь не только насадку поплавочной удочки, но и блесну спиннинга. Сейчас же вообще ни одного всплеска не видно — значит, он и не кормится. Между тем комаров, как видишь, уйма.

Рыболов, утвердительно кивая, соглашался с Нестеровым.

В ожидании начала клева мы с ним разговорились. Оказалось, он был полковником в отставке, воевавшим с фашистами в этих местах.

— О заполярной кавалерии слышали? — спросил меня ветеран.

Я признался, что совсем ничего не знаю о таком роде войск.

— Она действовала здесь успешно, без нее воевать было бы куда труднее.

И ветеран, участник защиты этих самых северных наших земель, вспомнил былое.

...Линия обороны нашей 14-й армии проходила среди голых каменных сопок и глубоких снегов. Перед ней стояли отборные, специально подготовленные вражеские части. Бои шли тяжелые, а снабжение наших войск боеприпасами было исключительно сложным. Жестокие морозы дополнялись почти непрерывными метелями. Автомшины вставали, и даже опытные водители ничего сделать не могли. Привезли лошадей, но они быстро выбивались из сил, к тому же им нужны были конюшни и фураж.

Выдержал испытание лишь олень. Ему не нужна дорога среди снегов, он не боится любого мороза. Корм же он сам себе добывает. Поэтому поздней осенью 1941 года командование нашей армии сформировало три транспорта — в каждом по 1015 оленей. Ими управляли 77 солдат из оленеводов. Транспорты сразу же стали доставлять на передний край все, что требовалось: боеприпасы, продовольствие, медикаменты, топливо, строительные материалы, минометы, легкую артиллерию, а на обратном пути вывозили раненых. Оленьи упряжки использовали во время своих рейдов заполярные партизаны и разведчики. Порой в тыл врага направлялось до тысячи упряжек. Олени участвовали даже в десанте на мыс Пикшуев:

часть их везли на шлюпках, а остальные плыли за судами по воде, нарты же связали в длинную цепь и отбуксировали на мыс.

Наш собеседник сам во всем этом тогда участвовал. Мне стало понятно, почему он, окончив военную службу, приехал сюда, за Полярный круг, на постоянное жительство.

Ветеран неожиданно прервал рассказ. Он вскочил, стремительно подошел к воде, обрадованно произнес:

— Полный порядок: и рябь есть, и круги!

Я бы сказал, что это были не круги, а кружочки. Удивительно: там, где голец берет с поверхности воды насекомое, появляется крохотный кружочек. Неужели есть еще какая-нибудь рыба, которая может брать букашку так аккуратно?

Нестеров быстро собрал свою длинную удочку, насадил на крючок червя. Я не стал ловить, решил приглядеться к мастерам.

— Видишь, от крючка до поплавка всего семьдесят сантиметров, — давал пояснения Александр Яковлевич. — Больше не надо: летом голец всегда вверху держится. Если ловить на блесну, то и ее надо вести неглубоко.

Я заметил ему, что дует встречный ветер и забрасывать насадку будет трудно.

— Большой беды нет, даже, может, это хорошо. Ведь упавших на воду насекомых волны прибивают к берегу, и голец подходит ближе.

Вскоре поплавок удочки резко пошел в сторону, одновременно заглубляясь. Нестеров подсек, и в воздухе, как огромная яркая бабочка, замелькал оранжево-голубой голец.

Впрочем, описать окраску этой рыбы очень трудно. Когда я смотрел на гольца, лежавшего среди мелких камней, то вспомнил стихи английского поэта Рупрета Брука, которым я после войны увлекался:

Багровый — в сердце розы — цвет,
В беззвездном небе сипий свет,
И золотом блеснувший взор,
И зелень моря, пурпур гор —
От полной тьмы до полной тьмы
Найдем миллион оттенков мы.

Столько же оттенков было и в окраске только что пойманной рыбы. Казалось, мелкая, на глаз почти неза-

метная чешуя гольца пропускала все это удивительное сочетание цветов откуда-то изнутри...

Когда Нестеров в третий раз добыл гольца, я не утерпел и взялся за спиннинг. Полковник посоветовал мне блесну класть на воду совсем тихо, без всплеска, иначе голец ее не возьмет. Выяснилось и другое: хотя блесну голец берет жадно, подчас глубоко заглатывает, но с крупной справиться не может — рот у него маленький. И еще: на блесну берет более крупный голец, чем на червя или мушку. Сопrotивляется он яростно, до последней секунды борется за жизнь.

Тех гольцов, которые лишь слегка цеплялись за тройник блесны, я отпускал. То же делал и Нестеров.

Активность гольца продолжалась недолго: часа через два ветер стих, поверхность Нялъявра опять стала зеркальной, и поклевки прекратились.

Нестеров продолжал рассказывать мне интересные подробности о гольцах.

Нерестится голец, как и все лососевые, поздней осенью и в начале зимы. На участке, покрытом мелкой галькой, самка устраивает «гнездо» — ямку и закапывает в нее икру. Самец же, оттопырив плавники и устрашающе разинув рот, набрасывается на всех, кто появляется около его «гнезда».

Хищник довольно крупный, не брезгающий ни бентосом, ни мелкой рыбой, голец большое пристрастие питает к комарам и мошкам.

— Дело тут в том, что в этих каменных чашах, наполненных прозрачной водой, — говорил Александр Яковлевич, показывая рукой на притихший Нялъявр, — рыба ничего найти не может. Вот летом голец и кормится насекомыми, падающими на поверхность озер. В некоторых речках и озерах Кольского полуострова голец только и водится, их так и называют — гольцовыми...

На каменных берегах Нялъявра мы пробыли несколько дней.

Когда я вернулся домой, то первым делом посочувствовал тем, кто не отважился со мной поехать:

— Как видите, комары и мошки меня не съели, морозы не тронули. И мне жалко вас — в Москве не удастся увидеть тех больших и ярких бабочек, которые порхают над озерами и реками Кольского полуострова.

Они, наверно, и сейчас думают, что я действительно имел в виду бабочек. Ну и пусть думают!

ДОМИК В ТУНДРЕ

Из Мурманска автобус выбрался около полудня. Как только улицы кончились, к дороге подступила тундра. Шел август, все вокруг окрашивали вездесущий зелено-голубой ягель, позолотившиеся чахлые березки в низинах и красно-фиолетовые вершинки иван-чая, росшего на гараях. Дорога то поднималась, как коридор врубленная в каменные сопки, то спускалась на длинные насыпи из песка и гравия.

Моим спутником и на этот раз был Александр Яковлевич Нестеров. Он-то и уговорил меня совершить новый поход по недавно опробованному им пути до домика саамов — мол, предстояло преодолеть всего каких-то двадцать километров. Однако если знать, что каждый километр здесь по трудности равен, наверно, десятку километров, скажем в Подмосковье, то можно понять, почему я согласился не сразу. Но согласился.

Когда мы проехали автобусом почти полторы сотни километров, впереди показалась высокая сопка.

— Это Туманная. Она возвышается над другими сопками вплоть до побережья Баренцева моря, которое не так уж далеко — всего десятка три километров, — просвещал меня Нестеров. — Так названа и речка, огибающая эту сопку, и озеро, из которого она вытекает. Неудивительно, что поселок тоже называли Туманным.

В Туманном был конец автобусного маршрута. Мы увидели в поселке современные здания магазина, школы и поликлиники, пятиэтажные, как в большом городе, дома. Около них посажены низкорослые тундровые березки с перекрученными стволами.

Отсюда несколько километров мы ехали на попутной автомашине — она довезла нас до опустевшего поселка Падун. Здесь еще недавно жили строители Серебрянской ГЭС. Когда же ее пустили, они уехали. Хорошие домики вертолетами перебросили на речку Тереберку, где начались работы еще на одной ГЭС. Но много домиков и каких-то конторок осталось на волю времени. Большого водопада Падуна, давшего поселку название, на стремительной и порожистой реке Вороньей тоже уже нет: она теперь течет по новому руслу, а здесь сквозь огромную россыпь острых камней струится лишь маленький ручеек.

После Падуна началась самая трудная часть пути. По осклизлым валунам, опираясь на спиннинги, переходили ручьи. То и дело поднимались на сопки и спуска-

лись с них. Две слишком крутые сопки пришлось обходить.

С середины пути на нас обозлилась и погода — небо заволокла хмарь, кругом стало серо, будто сверху посыпался пепел. Потом полил холодный дождь. Поверх телогреек мы натянули плащи, но они не помогли, и вскоре на нас не было ни одной сухой нитки.

Наконец с какой-то сопки мы увидели Сейдозеро. Оно названо так в честь сейда. Такое название носит не одно озеро края. В честь сейдов названы также сопки, мысы, острова, ручьи: сейдоуляренч — озерко Сейдова острова или сейдуайвенч — сейдова вершинка...

Около Сейдозера и стоял саамский домик — конечная цель нашего путешествия. Он притулился между этим озером и озером Круглым на берегу соединяющей их протоки. С трех сторон домик от ветров защищают сопки.

Нестеров опасался, что в домике не окажется дров, — это было бы настоящим бедствием: под дождем собирать сырые сучья березок мы уже не были способны. Но опасения, к счастью, не подтвердились.

Печку мы растопили, дровишки запылали, и набрякшая одежда была развешена под низким потолком.

Дошла очередь и до чая. После двух сладких и крепких кружек жизнь показалась лучше: что же еще нужно человеку в тундре?

Оказалось, что до нас здесь находили приют трое рыболовов из Туманного. Это они оставили нам дров. На полке в углу лежал небольшой запас соли, сахара, сухарей и две свечи. А на подоконнике в стеклянной банке я увидел коробок спичек, катушку толстых ниток, иглу, моток лески и несколько крючков. Рядом, в пузырьке, — диметилфталат: верное средство от комаров. Все это у нас было. Радовало же и трогало, что закон тундры не нарушен, что те трое, кто побывал тут, думали и о нас.

Высушив одежду, начали укладываться спать. Опять помянули добрым словом наших предшественников: видеть, рыбаки из Туманного по последнему льду ловили очень успешно и, чтобы облегчить себе обратный путь, оставили часть вещей в домике. Под нарами лежали три пары валенок, ватные штаны и куртки, все оказалось очень кстати: на ночь я надел валенки, ватные штаны и, не сняв телогрейку, накрылся плащом.

И все же разбудил меня холод — часа через три ветер выдул из домика все тепло. Откуда-то доносился грохот.

Проснулся и Нестеров.

— Встаем?

Вместо ответа я спросил:

— Что за грохот?

— Ты только сейчас услышал? — удивился Нестеров. — Вчера, видать, ветер от нас дул. Это ручей Гремящий, он в наше озеро впадает.

— Далеко?

— С километр отсюда. Надо бы печку расшевелить. Головешки, может, еще теплятся.

Значит, и он, привыкший к суровости заполярной погоды, основательно замерз.

Утренняя ловля спиннингом на Сейдозере ничего не принесла, хотя в прошлые годы мой спутник брал здесь отличных кумж. Щук он всегда отпускал — они его не интересуют.

— Тронемся на Гремящий за форелью, — решил Нестеров.

Мы переправились через протоку и зашагали среди огромных валунов, то и дело теряя из вида друг друга.

Гремящий проложил себе русло в узкой ложбине по склону сопки. В нескольких местах он падает с каменных уступов и весь превращается в пену и брызги. А там, где ручей почти горизонтально мчится по небольшим валунам, берега его заросли иван-чаем и низкорослым тальником. Только на таких местах и можно здесь ловить. Они небольшие — длиной всего три — пять метров, но здесь чуть ли не на каждом шагу стоит форель. Поплавок плывет две-три секунды, затем выскакивает форель, и видно, как она под водой стремительно тянет его, — глубина здесь полметра. Забрасывать приходилось то из-за какого-нибудь валуна, то приподнявшись на цыпочки: мешал иван-чай.

Признаться, такая ловля мне вскоре надоела. Нестеров предложил подняться вверх по сопке к озеру, из которого вытекает Гремящий. Собственно, это не озеро, а болото, заросшее осокой и хвощом, с очень топкими берегами. О форели, значит, нечего и думать.

— Возвратимся? — спросил я.

— Нет, половим.

Я усмехнулся, но ничего не сказал. Правда, Нестеров хорошо знает все озера в радиусе сотни километров, но форель в болоте?!

Шли у самой воды. Кругом — маленькие валуны, покрытые травкой, отчего они похожи на кочки. Когда спутник остановился, я подумал, что место он выбрал

самое неподходящее — невдалеке у поверхности воды тянулась полоса какой-то бурой травы. Он послал насадку к ее краю и тут же поймал черную форель. Потом — вторую, третью. Когда из-за травы вылетела четвертая, я был в полном недоумении. В болоте, с одного места ловить форель? Ведь в любой книге об этой рыбе говорится, что она обитает в горных ручьях и речках, вода которых — чистая, холодная и богата кислородом. К тому же форель очень пуглива.

Я торопливо собрал удочку и вскоре сам поймал пять штук. Потом поклевки прекратились: форель все-таки напугалась. Мы перешли метров двадцать левее, и все повторилось.

— Хватит! — решил Нестеров. — Домой эту рыбу не довезешь, а на две хороших ухи вполне достаточно.

На обратном пути я спросил, встречал ли он еще такие вот заболоченные мелкие озера, кишящие форелью.

— Встречал.

— Они же должны промерзнуть до дна?

— Конечно! Да ты за форель не беспокойся: с приближением морозов она по ручьям и протокам уходит в глубокие и чистые озера.

Ночью снова полил дождь, такой же мелкий и нудный, как и накануне. Мы уснули под его шуршание и завывание ветра. Проснулись, а ненастье продолжалось, и конца ему не было видно. Чего только не делали, чтобы время шло быстрее! Несколько раз перестраивали снасти, отчего они, конечно, лучше не стали. Рассказывали рыбацкие анекдоты. Строили планы: где станем ловить, когда дождь хоть немножко утихнет. Вспоминали прошлые рыбалки и здесь, и за тридевять земель отсюда. А дождь все шел и шел.

Утром третьего дня он все же утих, и мы пошли на Прогонистое озеро, где Нестеров не раз удачно ловил. Три часа мы безрезультатно метали блесны, еще два часа сидели около поплавочных удочек. Затем Александр Яковлевич предложил:

— Ты оставайся здесь, а я пойду на соседнее озеро. Если через три часа не вернусь, отправляйся туда и ты: значит, или клюет хорошо, или со мной что-нибудь случилось.

Серое низкое небо давило так, что казалось, это ощущали плечи. Повсюду — покрытые лишайниками валуны, а между ними — ягель. Проходили тысячелетия, расцветали и гибли цивилизации, заявляли о себе и уходили в небытие народы, человек расщепил атомное ядро и полетел

в космос, а здесь все, кажется, осталось без перемен. Все те же камни, лишайники и ягель.

С жалобным и тоскливым криком прилетел одинокий гусь. Я видел его уже несколько раз. Наводя грусть, в поисках подруги он с таким криком летал и по другим ближним озерам...

Наверное, тогда можно было дойти до мысли, что па свете есть только это заброшенное в тундре озеро, и больше ничего! И все потому, что кумжа не клевала.

Едва ли прошло больше часа одиночества, а я уже подумал: надо идти за Александром Яковлевичем. Если и у него не клюет, так хоть поговорим. Уже начал собираться, когда услышал протяжное:

— Эге-е-е-ей!

Я поднял голову и увидел его. Нестеров стоял на противоположном берегу и разводил руками: значит, и на соседнем озере кумжа бастовала.

Я все же решил уходить и посмотрел вниз, где между валунами было закреплено удище моей удочки. Недалеко от берега ударила рыба, и в тот же момент удище согнулось дугой. Дорог был буквально каждый миг, и я прыгнул прямо на камни, лишь выставив вперед левую руку. Упал плашмя у самой воды, схватив удище, не поднимаясь, стал выводить рыбу. Однако она так рванула, что верхнее колено удища надломилось и я еле успел подтянуть его к себе. Леска была прочная, и я, все еще лежа на камнях, выбросил рыбу на песчаный пятачок.

— Есть! — в это время раздалось на том берегу.

Подняв голову, я увидел, что и Нестеров выбросил рыбу далеко за спину: прибрежная гряда валунов мешала ему плавно вывести добычу.

Потом было еще несколько таких же бешеных поклевов, следовавших без перерыва. Видимо, наголодавшись за ненастные дни, кумжа вышла на кормежку.

В Туманный мы возвращались налегке, так как оставили часть продуктов на полке в домике. «Пустой» поход? Нет, он был богат впечатлениями, а без них даже при хорошем улове рыбалка — не рыбалка.

СЕВЕРНАЯ ЦАРЕВНА

— Как говорили в старину, чем могу быть полезен? — спросил человек, сидевший в просторном кабинете за маленьким столом.

Голос у него оказался тихим, с лица не сходила добрая улыбка, движения рук были мягкими. Словом, хозяин кабинета совсем не походил на грозу браконьеров и отравителей вод, о котором нам так много рассказывали в Мурманске.

Антон Антонович кивнул на большую фотографию. На ней семга, выскочив из пенной, бурлящей реки, в прыжке стремилась преодолеть водопад. Фотография висела на стене кабинета и бросалась в глаза каждому, кто сюда входил.

— Хотите ее половить? Где именно — на Титовке или Вороньей?

В междуречье Вороньей и Териберки мы с Антоном Антоновичем уже побывали — там, в речках и озерах, разбросанных среди каменистых сопок и голубовато-белесых ковров ягеля, охотились на кумжу, форель, хариуса.

— На Титовке, — дружно заявили мы.

— Условия ловли вам известны?

— Да.

В тот день отсюда в направлении Печенги выезжал микроавтобус. Он вез двух инспекторов: государственного, вызванного на поиски какого-то беглого преступника, промышлявшего семгу, и в помощь ему общественного — тралмейстера, чей сейнер стоял на ремонте. С ними мы и отправились.

Сначала машина катила по шоссе, но часа через два свернула и запетляла там, где в годы Великой Отечественной войны шли ожесточенные бои с немецко-фашистскими захватчиками. Медленно объезжая огромные валуны, автобусик пробирался между сопками. Они обрывистые и совсем голые. Лишь у подножья их мы иной раз замечали полосы зелени — кустарник, траву, низкорослые деревца. И уж совсем редко, там, где сопки отлогие, зелень тянулась к их вершинам. Порой колеса шуршали по плоской гранитной тверди, а порой мягко катились по ягелю. Видимо, мы ехали по дну древнего залива Баренцева моря — оно давным-давно отсюда отступило, оставив только ручьи да озера.

Около одного из ручьев автобус сделал остановку. Мы вышли, обогнули валуны и только тогда увидели ручей, шум которого слышался уже давно. Ручей круто падал с лежащих уступами огромных каменных плит и потому не журчал, а басовито заявлял о себе. И валуны, и плиты покрывал темный налет. Я никак не мог вымыть руки в

этом ручье: все казалось, что они намылены. Антон Антонович понаблюдал за мной, засмеялся и сказал:

— Не выйдет — такая вода.

Ручей, довольно широкий, соединял два озера, одно из которых было выше другого по крайней мере на полсотни метров. Мы спустились на нижнее озеро, поймали кумжу, сварили уху и только после этого отправились дальше. Через километр один из инспекторов буркнул:

— Фашистская работа! — и кивнул на стену, сложенную из огромных валунов, скрепленных цементом.

Мы вышли из машины и стали рассматривать развалины сооружения, у которого стены толщиной в метр, а перекрытие — из нескольких слоев рельсов, положенных крест-накрест. Но удержаться в этой крепости врагу не удалось. Судя по всему, перекрытие пробила наша бомба, в одну из амбразур угодил снаряд, и разорвались они внутри сооружения. Кругом еще валялись проржавевшие каски, развороченная арматура.

Следы боев, которые кипели здесь осенью 1944 года, встречались и дальше. Ничто тогда не помогло гитлеровцам — ни сталь, ни бетон, ни дикий камень. В ходе Петсамо-Киркенесской операции войска Карельского фронта во взаимодействии с моряками Северного флота вышвырнули отсюда захватчиков.

Под вечер, достигнув какого-то ущелья, машина остановилась среди кустов около сборного домика, и водитель сказал:

— Приехали! Можете считать себя в гостях у северной царевны.

Да, в старину русские люди называли семгу царевной северных рыб или северной царевной. Но водилась она не только в бассейнах Баренцева, Белого и в небольшом количестве Балтийского морей, как сейчас. В делах Тайного приказа царя Алексея Михайловича есть такая запись: «По сказке полковника и головы Московских стрельцов Аврама Лопухина рыбные ловли: в Муромском уезде река Ушна, река Колпь, рыба в них лосось большая. Владеют ими помещики Матвей Опраксин и иные. В Володимерском уезде государева дворцового села Любецкий Рожок речка, а в ней рыба лосось же...»

А теперь, чтобы половить семгу, нас вон куда занесло!

Из домика вышел худощавый человек в форменной фуражке и подчеркнуто вежливо попросил лицензии. Зарегистрировав их в толстой книге, он, будто извиняясь, сказал:

— Обязан папомнить правила ловли. Лицензия действительна в течение суток. На реке есть указатель — ловить можно лишь выше его, а установлен он в 250 метрах от водопада. Ниже его ловить нельзя: семга идет вверх по течению, около водопада обязательно остановится, чтобы отдохнуть перед тем, как преодолеть его, — это требует от нее больших усилий. Поймать можно лишь одну семгу вне зависимости от веса, затем ловлю следует прекратить. В Баренцевом море успешно акклиматизировалась горбуша — дальневосточный лосось. Он тоже заходит в Титовку, его стало много, и на одну лицензию можно поймать две штуки. Разрешенные здесь снасти — спиннинг и нахлыст.

— А не подорвет ли такая ловля запасы семги? — поинтересовался Антон Антонович.

— Нет, — объяснил инспектор. — Она поставлена на научную основу: ихтиологи определили не только районы, где можно ловить, но и какое количество лицензийпустимо продать. В нынешнем году, например, лимит — четыреста семг. Учет ведем строго и, как только исчерпаем его, продажу лицензий прекратим.

Около домика инспектора стояли три палатки, сложенный из досок стол и скамейки, на которых сидели рыболовы. Видать, они только что поужинали. Один из них, румяный и добродушный толстяк, представился инженером и, к моему удивлению, добавил:

— С Новой Земли.

Двое других оказались из мест поближе: слесарь из Колы, научный работник из Апатитов, моряк из Североморска, крановщик из Мурманска и врач из Минска.

Стояли белые ночи, и отдых был коротким — все проснулись через четыре часа.

Завтракали вместе как старые знакомые, выложив на стол все припасы: кто что хотел, то и ел. По берегу пошли гуськом: впереди — новоземелец, за ним — слесарь из Колы, потом — Антон Антонович, за ним — я, дальше — все остальные.

Титовка протекает всего в нескольких шагах от домика инспектора. Впрочем, ее называют и по-другому: Китовка, Китовская, Валеисьёк («валес» на языке саами — кит). К тому же Титовок несколько: Малая, Большая и Средняя. Невдалеке от советско-финской границы они сливаются, а затем единым потоком впадают в Мотовскую губу Баренцева моря. Это та самая река, на которой утром 7 октября 1944 года войска нашей 14-й ар-

мии прорвали главную полосу «лапландского вала» гитлеровцев и развернули решительное наступление.

Берега у Титовки завалены мелкими валунами и осколками скал. Идти по такому маршруту трудно, надо быть очень внимательным — беда, если нога подвернется.

Какими блеснами старались соблазнить семгу? Самыми различными — ныряющими и вращающимися, но не теми, которые еще недавно назывались семужьими. Впрочем, как и везде, успех зависел не от устройства блесны, а от умения вести ее. Нам с Антоном Антоновичем вскоре стало ясно, что блесна должна идти у самого дна и обязательно за валунами: за ними — затишье, и семга любит здесь останавливаться, чтобы отдохнуть, постоять в засаде, из которой можно броситься на проплывающую невдалеке рыбешку. Ни разу семга не позарилась на блесну вблизи берега.

После десятого или двенадцатого заброса Антон Антонович подсек и не то себе, не то мне скомандовал:

— Внимание!

Я подбежал к нему и спросил:

— Багор?

— Нет!

Я про себя упрекнул друга: вдруг семга сойдет? Не так-то просто ее взять даже при всей сноровке Антона Антоновича.

Лишь минут через пятнадцать из воды выскочила серебряная торпеда. Она несколько метров пронеслась по воздуху и шлепнулась в огромном снопе брызг. Затем повторила прыжок, потом — еще раз. Через несколько секунд она выскочила вертикально, изогнулась и неслышно упала головой в воду. Порой она медленно всплывала к самой поверхности реки и била хвостом. При этом поднимала такую массу брызг, что ее невозможно было увидеть.

Постепенно прыжки становились короче, удары хвостом слабее. Наконец семга, казалось, покорно легла на береговую гальку. Но через две или три секунды стала круто изгибаться и высоко подпрыгивать, галька из-под нее полетела во все стороны. И я опять забеспокоился: сойдет с блесны — и поминай как звали. Но Антон Антонович оттащил ее от воды. Вскоре она перестала бороться за жизнь: сильная и упорная в воде, семга быстро успокаивается на берегу.

Мы присели рядом и залюбовались. С чем сравнить цвет ее тела? Со старым серебром или потемневшей

сталью? Такие у нее бока, а спина — темно-голубая, плавники — темно-серые. Сверху она густо покрыта черными пятнышками, палочками и крестиками, и оттого кажется, что на нее наброшено черное кружево. Красавица, каких поискать!

Конечно, ловля семги — не дешевое удовольствие, но зато какое!

СОЛОВКИ

Под крылом Ил-14 больше часа тянулось море, застывшее в штиле. Потом вспыхнуло огромное зеленое пятно, покрытое бесчисленными голубыми пятнами поменьше — озерами. В ту же минуту самолетик стал снижаться. Он сел на короткую полосу, проложенную среди валунов и корявых низкорослых березок. Неподалеку виднелась башня кремля. Соловки!

Что мы знали о Соловках? Как и многие, только то, что это архипелаг из нескольких островов и множества островков, раскинувшийся где-то на краю света — у входа в Онежскую губу Белого моря.

Теперь мы здесь, в Соловецком кремле. Предъявив путевки, получили на турбазе двухместную келью и отправились осматривать достопримечательности.

А они были таковы, что первое время мы с Антоном Антоновичем и не помнили, что приехали сюда, подчиняясь единственной своей страсти — и здесь испытать счастье в рыбалке. День проходил за днем, но ни я, ни он об этом не заговаривали.

Зато представления наши о Соловках, этом чуде Севера, обогащались, становились конкретными, красочными. Как мы хвалили себя, что отважились, пусть в пенсионном возрасте, навестить этот уголок Родины!

Соловки знамениты своим монастырем, начало которому положено в первой половине XV века. Он вошел заметной вехой в историю нашего государства. Здесь побывали Степан Разин, Петр I, Ломоносов, многие писатели, в том числе Горький, Есенин, Пришвин, художники Верещагин, Нестеров. Каждый из них потом говорил, что испытал одно из самых сильных впечатлений за всю жизнь.

Стены кремля начали возводить в 1584 году. Руководил работами архитектор-самородок, крестьянин из погоста Ненокса, при пострижении в монахи получивший имя Трифон. Строительство велось десять лет, а когда

окончилось, Россия обогатилась величественным сооружением — крупной пограничной крепостью. Она не раз выдерживала осаду и отражала нападения захватчиков, чаще — псевдов. В 1854 году, во время Крымской войны, в кремле было всего пять артиллеристов и восемь орудий. Английское командование направило к Соловкам три корвета с 57 орудиями. Командир эскадры потребовал безоговорочной капитуляции. Получив отказ, англичане под прикрытием артиллерийского огня высадили десант, но захватить остров им не удалось — нападение было отражено огнем артиллерии с кремлевских стен. Корабли вели огонь девять часов, после чего вынуждены были с позором уйти восвояси. Причинить большого вреда они не могли — ядра отскакивали от каменных стен. Весть об этом долетела до Крыма, победа на далеком Севере придала новые силы защитникам Севастополя.

А за двести лет до этого, в конце XVII века, монастырь выступил против царя. Началось с бунта в защиту старой веры, против церковных реформ патриарха Никона, а закончилось антикрепостническим вооруженным восстанием. Восемь лет — с 1668 по 1676 год — царские войска осаждали монастырь, много раз пытались взять его штурмом, но не смогли. За это время сменилось трое воевод. Лишь после предательства одного из монахов, показавшего тайный ход, стрельцам удалось наконец ворваться в кремль.

Стойкость крепости объяснялась не только упорством защитников, но и ее отменными качествами, опередившими фортификационное искусство XVI—XVII веков. Стены кремля протянулись более чем на километр, высота их 9 м, а ширина 5—6 м. Они сложены из многотонных валунов, скрепленных между собой известью, замешанной на яйцах. Башни и бойницы расположены так, что можно простреливать каждый вершок широкой полосы перед ними.

И внутренние постройки кремля подчинялись главной цели — неуязвимости. Так, Преображенский собор больше похож на крепость в крепости, чем на божий храм. В трудное время он мог не только сам защищаться, но и предоставить убежище для поморского населения.

Вместе с тем Соловецкий архитектурный ансамбль, который складывался несколько столетий, изумляет своей красотой, смелостью зодческих решений. Ошеломляет, скажем, трапезная палата: это колоссальный зал, всего на 13 квадратных метров меньший Георгиевского зала

Московского Кремля. А ведь его свод опирается лишь на один-единственный столб!

Из ворот кремля по всему острову расходятся дороги, соединяющие его с горой Секирной, древними Исаковским и Савватиевским скитами, с островом Муксалмой, поселком Реболда, откуда через пролив попадают на остров Аязер. Возраст дорог — несколько веков. Строительство их на сильно пересеченной местности, заваленной огромными валунами, требовало больших инженерных знаний, неимоверных трудов. Построенные добротно, они и сейчас служат людям.

Одна из дорог, самая древняя, ведет к еще одному чуду, которым восторгаются все, кто забирается на Соловки. Здесь между двух сопок и трех озер раскинулся сад — уникальнейшее явление в этом угрюмом приполярном крае. Волшебный растительный мир начинается с аллеи из величественных лиственниц, поднимающихся по отлогому холму, вдоль которой растет еще бадьян — растение с большими мясистыми листьями. Вблизи от аллеи царственно расположились кедры. У них прямые стволы высотой более 20 метров, пышные кроны. Во всем мире нет кедров, так далеко шагнувших на север да к тому же еще и плодоносящих! На большой площади распространилась венгерская сирень. Ее тонкий аромат сливается с непередаваемым ароматом тысяч гималайских роз.

Перечислю еще лишь некоторые из деревьев и кустарников, которые здесь растут: яблоня Палласа, липа, пенсильванская черемуха, клен, курильский чай, боярышник, вишня, жимолость, орешник, бальзамический тополь, туя, желтая акация... Большинство собранных в саду растений на широте Соловков больше нигде не растут или растут, но не плодоносят. Конечно, не все они достигают таких размеров, как в южных местах. Так, липа и клен похожи на высокий кустарник.

Когда-то местность, занятая садом, называлась Макарьева пустынь, сюда на лето из монастыря уединялись «монашествующие на безмолвие». С начала прошлого века здесь начали выращивать растения, привезенные с материка. Затем коллекцию пополняли за счет семян, подаренных богомольцами. Наконец сложилось растениеводческое хозяйство, стали планомерно проводиться работы по акклиматизации лесных и садовых культур. Продолжаются эти работы и в наши дни.

Еще одна дорога, которая считается самой красивой, ведет на гору Секирную. Стоит сделать шаг в сторону от нее, и ноги утопают в толстом ковре из мха. Вдоль дороги растут морошка, голубика, черника, брусника, можно встретить малину, черную и красную смородину. На вершине горы белеет церковь, над куполом которой устроен маяк. Путь кораблям он указывает уже более века. Маяк будто поднимается из леса к небу, тянется к нему из зеленого моря. У его подножья устроена площадка, с которой открывается замечательный вид: голубые озера перемежаются задумчивыми лесами, вдали виднеется Белое море...

Поразила нас дамба, соединяющая кремль с островом Большая Муксалма. Построенная из валунов более двух веков назад, она широкой двухкилометровой змеей уходит в море.

Незабываемым оказалось путешествие на Анзер — второй после Соловецкого по величине остров в архипелаге. Прежде чем на него попасть и подняться там на самую высокую точку Соловков — гору Голгофу, мы стали свидетелями забавного случая.

От кремля этот остров отделен проливом шириной семь километров. Но моторная лодка, на которой нам разрешили идти, должна была зайти еще в несколько мест, так что предстояло преодолеть примерно полсотни километров. Лодка прошла половину этого пути, когда на море навалился густой и тяжелый туман, видимость упала до трех—пяти метров. Решили, что плыть дальше опасно: можно было потерять ориентировку и попасть в открытое море с его высокой волной.

Моторист, местный парень, бросил якорь и надежно зацепился. Не прошло и пяти минут, как у правого борта, всего в нескольких метрах, из воды высунулась маленькая мохнатая мордочка с черными глазками и потешно торчащими усами. Мордочка смотрела на нас удивленно, и казалось, начинала смеяться. Мы предположили, что это тюлень, но моторист уточнил:

— Морской заяц.

Сразу же еще ближе, всего в двух метрах от лодки, уже с левого борта, из моря высунулась еще одна такая же мордочка. И этот заяц тоже с минуту смотрел на нас и, видимо оставшись довольным знакомством, поднял брызги и нырнул в глубину.

— Они очень любопытны, — просвещал нас моторист. — И всегда вот так рассматривают людей.

Зайцев становилось все больше. Они появлялись теперь уже кругом, показывая то темную спину, то светлое брюхо. Одни уходили в воду с шумом и брызгами, другие тихо и плавно. Некоторые высовывались высоко, чтобы заглянуть в лодку. Складывалось впечатление, что они приглашали нас вылезти из лодки и поиграть.

Правда, это зрелище было мимическим — зайцы ни единого звука так и не произнесли. Мы уже научились их различать и давали им клички: «малыш», «папаша», «смельчак», «хитрован»... Словом, весело было и «артистам», и нам.

Через час ветер унес туман в сторону открытого моря. Мотор заработал, и в тот же момент все «артисты» ушли в глубину.

В книгах мы узнали, что морской заяц, или лахтак, относится к семейству тюленей и достигает двух с половиной метров в длину и четверти тонны по весу. Ничего себе заяц!

На той же моторке мы обошли и еще некоторые острова и проливы. Не все, конечно, вызвало наши восторги.

На Большом Заяцком острове, голом и пустынном, лишь кое-где росла хилая трава да малыми кучками в низинах толпились низкорослые березки — кругом простиралась тундра. Даже птиц не было слышно: видать, им здесь неуютно. Церковь, возведенная по указу Петра I, другие постройки обветшали, увы, не столько от времени, сколько от нерадения людей.

Однажды мы отправились знакомиться с трудом добычником ламинарии — морской капустой, полезнейшего для человека растения. Она незаменима при изготовлении многих медикаментов, клёв, в кондитерской промышленности, служит отличным кормом для скота, превосходным удобрением.

И как водоросль ламинария очень своеобразна: длинный, до пяти метров, волнистый лист с ногой-стволом, который надежно прикрепляется к любому лежащему на дне предмету, главным образом к валунам. С глубины до пяти метров ее добывают просто — укрепленной на шесте косою, к обушку которой приварены зубья, образующие грабли. Для добычи с большой глубины применяется драга — огромная лодка с мощным мотором. На ней укреплена металлическая дуга, с углов которой в воду, слева и справа, на тросах уходят устройства, похожие на огромные стальные челюсти, захватывающие целый воз ламинарии.

На Соловках ламинария растет всюду — и совсем не-
вдалеке от берега, и в сотнях метров от него. Вода здесь
прозрачная, и если с лодки посмотреть на дно, то можно
увидеть, как течение медленно и плавно колышет ее ог-
ромные стелющиеся листья. Местами дно бывает ею пол-
ностью закрыто.

Наша моторка подошла к одной из драг как раз в то
время, когда та поднимала с морского дна на баржу свой
груз, источавший резкий запах йода.

На наших глазах из гущи ламинарии выскользнул и
шлепнулся в баржу темный предмет. Один из добытчи-
ков ламинарии отыскал его, и мы увидели в его руках
короткую толстую рыбу черного цвета. Это был знако-
мый нам с Антоном Антоновичем по путешествию на Зо-
лотицу пинагор — рыба промысловая, которая встречает-
ся и в море, и в сильно опресненной воде.

У рыболовов-любителей, живущих на Севере, пинагор
не такая уж редкая добыча. Ловят его на насадку жи-
вотного происхождения донками, если нет течения — по-
плавочными удочками, реже — на небольшую блесну.
Сам по себе он нас не привлекал, но ведь это рыба, а
равнодушно смотреть на нее мы не могли.

От добытчиков ламинарии мы вернулись поздним ве-
чером, когда на Соловки уже легла белесая пелена.

Антон Антонович словно бы шуткой промолвил:

— Есть такое мнение — начать рыбалку.

Пожалуйста, не подумайте, что я стал возражать. На-
оборот, я ждал таких слов приятеля.

В первую очередь нам предстояло найти какого-ника-
кого местного рыболова — ведь только он мог рассказать
о том, где и как следует ловить. Один добрый человек
посоветовал нам сходить к Александре Мартыновне —
бывшей директрисе турбазы.

Александра Мартыновна жила в мрачном доме, пост-
роенном еще во времена, когда на Соловках богом, царем
и воинским начальником был архимандрит. Я постучал
в дверь, долго никто не отвечал, хотел еще раз постучать,
но тут подбежала огромная рыжая кошка, громко мяук-
нула, и дверь в то же мгновение открылась. В дверном
проеме стояла женщина невысокого роста, немного пол-
ная, со строгим взглядом.

— Мы из Москвы... — начал было Антон Антонович.
Глядя в сторону, женщина перебила его:

— К нам из Москвы многие приезжают.

— Просим вас...

— Наверно, все москвичи прихоят с просьбой, — так же недружелюбно отрезала женщина.

Не ожидая ничего хорошего, я все же решил продолжить знакомство:

— Мы рыболовы...

Женщина неожиданно поятилась, ее лицо расплылось в широченной улыбке, а рука сама собой задвигалась в пригласительном жесте. Мы сделали три шага вперед и оказались в небольшой уютной передней.

— Рыболовы? — произнесла женщина, рассматривая нас, как диковину. — Что же вы сразу не сказали! Садитесь, пожалуйста.

Объяснить такую метаморфозу в поведении хозяйки мы не могли и подумывали даже о подвохе.

— Просьба такая: нам нужно встретиться с самым заядлым рыболовом, — робко продолжил я.

— Батюшки мои! — всплеснув руками, воскликнула Александра Мартыновна. — Так это я и есть! Заядлее меня на Соловках никого нет!

Наступила тишина. К такому повороту разговора мы совершенно не были готовы.

— Не верите? — спросила Александра Мартыновна. — Сейчас!

Она куда-то стремительно ушла, но тут же вернулась с огромной кастрюлей. Торопливо поставив ее на стол, сняла крышку и сказала:

— Пожалуйста! Вчера наловила.

Мы заглянули в кастрюлю и увидели отварных окуней, но пока это нас ни в чем не убедило.

В это время мне на колени вскочила та рыжая кошечка, благодаря которой, по всей видимости, мы проникли в комнату. Она изогнула спину, подняла хвост трубой и взглянула мне в глаза, даже замурлыкала и стала тереться о руку. Хозяйка это заметила и подала команду:

— Лизочка, на место!

Кошка тут же прыгнула и куда-то исчезла. Вышла и хозяйка, а вернулась с бамбуковой удочкой, выдавшей виды. Кончик был отломлен, во многих местах ее обвивала изоляция.

— Плохая? — ревниво спросила Александра Мартыновна. — Однако лучше ни у кого нет. Здесь ведь Соловки, а не Москва: снастями не торгуют.

— Одна? — спросил Антон Антонович.

— Кто — я или удочка?

— Удочка.

— Одна, но больше и не нужно. Бывает, что и с одной-то еле-еле управляешься. Здесь ведь Соловки, а не Москва.

Вид удочки нас не утешил, и мы продолжали молчать.

— Нечего вам думать! Еще раз говорю: я самая заядлая удильщица Соловков, — категорично заявила Александра Мартыновна. — Об этом здесь все знают. Вот, скажем, Иван Терентьевич, знатный человек — директор агарового завода. Или Петр Ильич — главный бухгалтер продмага. Да и начальник почты Сергей Николаевич знает. Председатель островного Совета товарищ Громов тоже может подтвердить. Скажет и лучший добытчик ламинарии — о нем даже в газетах писали. Он и живет рядом.

Она постучала в стену соседней квартиры, и вскоре в комнату вошел здоровяк лет тридцати. Александра Мартыновна спросила его:

— Скажи, Миша, ты меня хоть раз облавливал?

Парень нехотя ответил:

— Ладно, когда-нибудь обловлю.

Он ушел, а хозяйка сказала:

— Вы, мужики, ведь как чуть дождичек накрапывать станет, так тут же домой. А я ловлю и в такую погоду, когда хорошая жена не выпустит из дома не только мужа, но и собаку.

Ее доводы становились все более вескими, и мы начали сдаваться, но на всякий случай я спросил:

— А где червей копаете?

Почувствовав, что мы начали верить, Александра Мартыновна повеселела. Стремительно подойдя к окну, она указала рукой на темнеющий вдаль сарай:

— За ним слева навозников полным-полно, справа земляные водятся, а если чуть подальше пройти, можно и подлистников набрать.

Компетентность была налицо, и мы капитулировали. Сообщить об этом выпало на мою долю:

— Завтра утром едем?

— Хоть сейчас! — воскликнула Александра Мартыновна, накидывая на плечи клетчатый платок. — Пойду червей копать.

Еще чего не хватало — дама будет дарить нам навозников или подлистников! Мы решительно заявили, что копать их станем сами.

Ранним утром следующего дня мы опять стояли около двери Александры Мартыновны. На этот раз она вышла, хотя я не успел постучать. За плечами у нее был рюкзак, в одной руке — удочка, в другой — хозяйственная сумка, из которой выглядывала мордашка рыжей Лизочки. Мы с Антоном Антоновичем переглянулись, что не ускользнуло от внимания нашего будущего гида. Тихо, с ехидной улыбкой, она сказала:

— Ей хочется посмотреть, как ловят столичные рыбаки.

Оставалось прояснить один вопрос: почему она вчера так недружелюбно встретила нас?

В ответ мы слышали такое объяснение:

— Экскурсоводы часто ссылаются на меня, как на какой-то непререкаемый авторитет. И вот туристы идут смотреть на меня, как на соловецкую достопримечательность. А их ведь за лето здесь перебывают тысячи. Я и сторонюсь их.

Мест для рыбалки было великое множество. Реки или хотя бы речушки на Соловецком острове нет. Зато больших и малых озер, разбросанных среди густых лиственных-хвойных лесов, говорят, более пятисот. Более семи десятков из них соединены каналами — то широкими, и тогда надо грести веслами, то узкими, и тогда годится шест.

Каналы начали строить в середине XVI века. Первоначально у них было одно назначение — снабжать питьевой водой монастырь. Потом озера стали подавать ее на мельницу и в прачечную. Сооружение каналов — по грандиозности работ и по их значению — несомненно стоит на втором месте после сооружения кремля.

Наш путь начался невдалеке от кремля, на озере Большой Перт. Лодка пересекла его и вошла в канал, берега которого густо заросли деревьями и кустами. Их ветви свисали над водой, и без Александры Мартыновны мы, конечно, не нашли бы его. Пройдя канал, попали в озеро Круглое Орлово. Я встал, чтобы лучше оглядеться. В этот момент Лизочка выскочила из сумки, когтями вцепилась в мои штаны, быстро взобралась на плечо и замурлыкала.

— Вот негодница, влюбилась в вас! — хохотнула Александра Мартыновна. — Посадите ее на нос лодки.

Я сделал это, а хозяйка, как сенбернару или овчарке, подала Лизочке команду:

— Сидеть на месте.

Через все кавалы и озера мы так и плыли: на носу лодки — рыжая «впередсмотрящая», на корме — Александра Мартыновна, а посередине я и Антон Антонович.

Из озера Круглое Орлово мы попали в огромное Щучье, за ним в Валдай. Он соединен с небольшим Котлованным, а выходящий из него канал привел в озеро Красное.

Здесь и остановились. Конечно, выбор не был случайным: озеро Красное большое — площадь его около трех квадратных километров, самое глубокое, а вода в нем очень прозрачная. Его можно считать и самым красивым. Вдоль берегов озера тянется полоса берез, многие из них подступили к самой воде и даже наклонились над ней. За ними тянется темная полоса елей. В ряды елей и берез кое-где втиснулись сосны и ольхи. Лес настолько густой, что ходить по нему довольно трудно. Животный мир тут непуганый: охота на Соловках искони категорически запрещена. Всего в нескольких метрах от лодки, то слева, то справа, проплывали утки с выводками, утрянки с пучками сена в зубах. Порой из прибрежных кустов появлялся заяц и смотрел с укоризной: зачем, мол, нарушили покой?

Здесь многое действует на человека лучше любого лекарства. Хорошо об этом сказал Михаил Пришвин: «В будущем доктора не станут посылать всех на южные воды и виноград, а в ту природу, в ту среду, где человеку все понятно, близко и мило. Вот тогда-то Соловки и сделаются любимым островом здоровья для всего Севера».

По знаку Александры Мартыновны Антон Антонович оставовил лодку около одного из островков, я опустил якорь Лизочка и в самом деле не сводя глаз стала наблюдать за нами, вела себя скромно и тихо. Однажды она даже помогла мне: сорвавшийся с крючка окунь упал около нее, был готов выскочить в воду, но Лизочка его удержала.

Вначале у нас с Антоном Антоновичем было по несколько обрывов. Мы думали, этим занимается плотва, настолько крупная, что после ее рывка леска не выдерживала. Когда же мы перешли на лески диаметром 0,3 мм, то оказалось, что так здесь клюет окунь. Сопротивлялся он, как и всюду, упорно и сильно.

Мы ловили не только поплавочными удочками, но и на мормышку и на блесну. Поклевки учащались, как только задувал ветерок: поверхность воды покрывалась рябью, окуни переставали нас видеть, становились храб-

рее. Клев продолжался утром и вечером, точнее сказать, круглые сутки: стояли белые ночи, темнело лишь на какой-то часик.

Наши поездки под водительством Александры Мартыновны продолжались и в последующие дни, и всякий раз с нами в лодке путешествовала Лизочка.

Однажды возвращались довольно поздно, лодка плыла в каком-то сером мареве — предрассветная мгла сливалась с утренним туманом. Когда пересекали Щучье озеро, Александра Мартыновна заметила:

— Так оно названо не случайно. Щуки здесь порядочно, есть и крупная.

И Антон Антонович, и я поняли намек, но окуни нам нравились больше щук, да и Красное успели полюбить. От добра добра не ищут.

Через несколько минут Александра Мартыновна опять стала нас агитировать:

— А на озере Плотвином водится крупная сорога. И места там красивые: кругом лес, в нем морошка с брусникой, а рядом — Сосновая губа Белого моря.

Но и это на нас не подействовало, мы оставались верными Красному озеру.

— Форели, правда, у нас маловато, но я знаю места, где...

Антон Антонович не дал ей договорить:

— Нет, Александра Мартыновна, не поедем мы и за форелью. Кстати, на карте есть два Кумужьих озера, бывали на них?

— Озера такие есть, а вот насчет кумжи...

Мы улыбнулись, а она рассмеялась и раскрыла секрет своей настойчивости: ей хотелось рыбалку совместить со сбором ягод. Женщина остается женщиной, если она и рыболов.

Заговорили о названиях озер, о том, что по ним можно изучать природу Соловков: Журавлиное, Лебединое, Гагачье, Куликово — какие тут птицы. Песчаное, Каменное, Торфяное — какие почвы. Не забыт и рельеф местности: Поднебесное расположено в самом высоком месте архипелага, Низкое — в ложбине. О топографии говорят десятки названий: Круглое, Долгое, Кривое, Козий Рог...

Уже сколько веков человек живет на Соловецких островах, но до последнего времени никто точно не знал, сколько на них озер. Лишь аэрофотосъемкой наконец установили, что на архипелаге раскинулось 562 озера. Это почти на сотню больше, чем предполагалось раньше.

С сожалением мы завершали свое пребывание в этом удивительном мире.

Уезжали под вечер на лайнере «Татария». Стоя на палубе, я смотрел, как удалялась огромная зеленая лента, над которой возвышаются колокольни. Когда все скрылось в мареве — Белое море и небо слились, я еще долго не уходил в каюту.

РЕЧНОЙ ТИГР

Из Хабаровска Антон Антонович возвращался самолетом. Я встречал его в аэропорту. Накрапывал дождь, и бетонное поле потемнело. Приятеля, загорелого, уверенно шагавшего, я заметил издалека. В руке он нес большую корзину, за плечами висел огромный рюкзак — видимо, с дарами края. Крепко обняв меня и передавая корзину, он коротко сказал:

— Для тебя!

Первым делом я справился, как ему погостилось у дочери, понравился ли зять. А мой главный вопрос Антон Антонович упредил:

— О рыбалке дома расскажу.

Когда приехали к нему на Таганку, он велел открыть корзину. По шуршанию травы в ней я догадывался, что там лежит живая рыба, разумеется, та, которой нет в Подмосковье, — может, верхогляд, может, косатка-скрипун, ауха, конь-губарь, желтощек? Перебирая в памяти дальневосточных рыб, я отвязал крышку, а когда приподнял ее, то невольно отпрянул: из мокрой травы выглядывала совсем не рыба голова. Лишь когда приятель вывалил содержимое корзины на стол, я все-таки убедился, что это рыба.

Голова у нее сплющена, покрыта толстыми чешуйками и потому похожа на змеиную. За глазами тянутся две длинных узких полоски темного цвета. Тело сильно вытянуто, на боках есть бурые пятна неправильной формы. Если добавить, что, переползая по столу, эта рыба извивалась, то невольно напрашивалось сравнение ее только со змеей.

Антон Антонович тем временем натянул на стену простыню, зашторил окна и установил кинопроектор. И вот я увидел своего приятеля со спиннингом на плече, шагающим по берегу какой-то реки. Вот он остановился на поросшем травой мысу. Блесна полетела параллельно

берегу. Когда она обратно прошла полпути, недалеко от стенки камыша вода забурлила. Борьба продолжалась недолго — через минуту на берегу извивалась крупная рыба — такая, какая лежала сейчас на столе.

— На Амуре многие называют ее «угрем», — пояснил Антон Антонович. — Это, конечно, неверно: ты видишь змееголова. Его любимые места — хорошо прогреваемые и тихие заводи, заливы и протоки с илистым дном. Особенно он любит озера с берегами, заросшими камышом. Если на дне есть коряги или валуны, он обязательно заберется под них. Быстрого течения избегает, ведет оседлый образ жизни. Кормится главным образом днем, ночью — редко...

— Ловят спиннингом? — прервал я приятеля.

— Чаще донкой — в ямах или поплавочной удочкой — среди растительности. Лучшая насадка — лягушонки. Рассказывали, что в погоне за лягушонком змееголов даже выползает на берег. Из рыб ему больше нравится, видимо, ротан, которого в дальневосточных водоемах так много, но он охотно пожирает всякую водяную живность: жуков, личинок... По силе сопротивления не уступает таким силачам, как кумжа, сазан и марена. После подсечки мечется из стороны в сторону, делает резкие рывки и выбрасывается из воды. — Закладывая в проектор новую пленку, Антон Антонович продолжал просвещать меня: — При кормежке змееголов занимает место, где его трудно заметить, но откуда сам он хорошо видит. В стремительном броске он легко пронизывает густые заросли, за что его даже называют речным тигром... Ихтиологи и рыболовы наблюдали «коллективную» охоту змееголовов, хотя эта рыба не относится к стайным видам. Утверждают, что при этом змееголовы выстраиваются в цепь, без суеты ждут добычу и никогда ее не вырывают друг у друга.

— Как тебе удалось привезти это чудище живым? — спросил я.

— Тут нет ничего удивительного. Если прохладно, змееголов может прожить четверо суток вне воды. У него есть орган, чтобы вдыхать кислород воздуха. Больше того, жить без кислорода воздуха он не может и, чтобы глотнуть его, время от времени высовывает голову из воды. Случись озеру пересохнуть, змееголов в росистую ночь выползает на берег и переползает по траве в ближайший водоем. Осенью, с похолоданием воды, змееголовы перекочевывают в ямы и впадают в спячку.

Весь вечер Антон Антонович рассказывал мне об этой примечательной рыбе. Видно, он змееголовом так заинтересовался, что успел уже не мало прочитать о нем.

Я узнал, что змееголов вырастает длиной до метра, а весом до восьми килограммов. Еще недавно он обитал лишь в озере Ханка, на среднем и нижнем Амуре, в бассейне Уссури, где нет быстрого течения. В начале шестидесятых годов два миллиона мальков выпустили в пруды рыбоводческих хозяйств Узбекистана, паводок занес их в Сырдарью. В ее протоках, поймах и старицах, а потом в каналах и арыках змееголов хорошо прижился, начал размножаться. Сначала поимку там этой рыбы считали большим событием, а теперь она стала промысловой. Стали разводить ее и в более северных местах на западе страны.

Змееголов относится к тем немногим рыбам, которые устраивают «гнездо». Антону Антоновичу удалось заснять одно из них. Это был большой, с метр в диаметре, не совсем правильной формы круг, очищенный от мертвых водорослей. В «гнезде» плавали мальки, а вокруг него — взрослый змееголов. Когда мальки отплывали от «гнезда», он, сужая круги, начинал загонять их обратно. Все живое, что приближалось, попадало в пасть заботливого родителя.

Из всех дальневосточных пресноводных хищников змееголова следует признать самым сильным и наиболее жизнеспособным. Доказать это не трудно. В Уссурийском крае много изолированных озер-старич. В них когда-то водились сом, щука, косатка, а ныне безраздельно господствует змееголов: он выжил всех хищников.

Пока приятель перечислял мне другие достоинства этой рыбы, его супруга приготовила нам жаркое из змееголова. Блюдо оказалось довольно вкусным, и таким образом я благодаря Антону Антоновичу познакомился с «речным тигром» не только, так сказать, теоретически. Пришла пора прощаться.

Но на заключение беседы Антон Антонович оставил еще кое-что.

— На той протоке, в которой ловил этого тигра, я жил недолго, а затем меня перевезли на Малышевскую, где... — он с улыбкой помедлил, — где водится белый толстолобик.

— Ты его ловил?!

— Конечно!

После такой новости мне осталось сделать лишь одно — снять шляпу, плащ и опять сесть на стул: ведь эту рыбу я нечасто видел лишь на кухне, когда жене удавалось купить ее в рыбном магазине!

Антон Антонович начал издаലെка:

— Представь такую картину. Моторка прошла по протоке, берега которой густо заросли деревьями и кустами. Через несколько часов она причалила в каком-то сельце. Мы оставили здесь моторку, а дальше стали добираться на весельной лодке. Было нас трое: старик и парень из того сельца, оба заядлые рыбаки, и я. Сначала все шло хорошо. Потом под вечер в лодку, а точнее — к моим ногам, шлепнулась какая-то рыба. Парень засмеялся, старик на него цыкнул, а я стал ее рассматривать. В это время прямо на голову парня упала еще одна рыбина. Я посмотрел вокруг и увидел в воздухе еще несколько рыб.

Я не совсем уверенно спросил:

— Толстолобик?

— Да, белый толстолобик, — отозвался старик. — Ты ведь, паря, на Дальнем Востоке.

Не все они падали в лодку — больше так: взметнутся над водой и, описав дугу, шлепнутся в воду. Нас обдавало брызгами, и мы смеялись, как дети, — даже старик, за свою жизнь видевший такие картины сотни раз. Лодка плыла, вокруг нее справа и слева прыгали сразу несколько толстолобиков. Я убедился, что амурского толстолобика можно считать летучей рыбой — ведь он может взлететь над водой на три метра и больше. Это при весе-то до восьми килограммов!..

Понятно, что Антон Антонович спросил, чем вызвана такая подвижность толстолобика. Но у аборигенов не было на этот счет единодушия.

Старик считал, что это со страху, его внук уверял, что из-за любопытства. В подтверждение парень ссылался на то, что прыжок толстолобика почти всегда направлен в сторону источника шума, а не в противоположную, куда рыба устремляется от испуга.

Ловили они на листочки какой-то травы, которую старик находил на берегу, и на кусочки капустных листьев, захваченных парнем из дома. Неплохо считалось, если за время ловли добыча составляла два-три толстолобика: корма у этой рыбы много, а находить зеленые насадки среди массы водорослей ей, видимо, не так легко.

Антон Антонович и на этот раз дополнил сообщение

о своих дальневосточных наблюдениях над толстолобиком и способами его ловли солидными извлечениями из литературных источников.

Так мне стало известно, что кишечник толстолобика раз в пятнадцать длиннее его самого. Благодаря этому увеличилась всасывающая поверхность пищеварительного тракта, что очень важно — ведь корм толстолобика имеет невеликую калорийность. Тело толстолобика довольно высокое, покрыто мелкой чешуей, рот направлен вверх, глаза находятся в нижней части широкой головы. Спина окрашена в серовато-зеленоватый цвет, бока — серебристые, плавники частью желтоватые, частью — светло-серые.

Толстолобик относится к карповым рыбам, его мясо жирное, нежное, не костлявое. Распространен в бассейне нижнего и среднего Амура, за последние годы акклиматизировался в лиманах Кубани, в бассейне Амударьи и других водоемах. Часто его разводят вместе с карпом.

Поначалу работники прудовых хозяйств, где культивировался толстолобик, мучились из-за его пристрастия к прыжкам: попробуй сохрани его живым в чанах при перевозке! Пришли на помощь ихтиологи, скрестив белого толстолобика с пестрым. Гибриды оказались жизнестойкими, не потеряли любви к фитопланктону, а главное — отучились прыгать.

Когда Антон Антонович закончил рассказ, шел двенадцатый час ночи. Я взялся за шляпу.

СПИТ ЛИ ЗИМОЙ КАРАСЬ?

Спасаясь от жары, мы забрались под раскидистую бузину. На темно-зеленом фоне ее листы багровели пятнами ягод. Бузина одиноко росла на голом берегу большого пруда. Сколько предстояло сидеть, мы не знали, но готовы были оставаться здесь хоть до утра: надо было завершить важное дело в интересах всего нашего рыболовного коллектива.

За коллективом закрепили наконец лесное озеро Тихое и обязали зарыбить, предупредив, что если мы этого не сделаем, то водоем у нас отберут. Но возникли непреодолимые трудности с мальком, и все шло к тому, что коллектив останется без своего водоема.

Выручил нас Тимофей Тимофеевич, который сейчас тоже сидел вместе с нами под бузиной. Это худощавый и

невысокий, тихий и скромный старичок, который его коллегам — ихтиологам хорошо известен и как рационализатор, а рыболовы знают его по многим статьям, посвященным экологии рыб.

Вот к этому-то ученому человеку и обратился от имени и по поручению коллектива Анатолий Евгеньевич, профессор биологии. Разговор был по телефону, и профессор долго нахваливал коллектив — и фронтовики, мол, и военные, и известный артист, и передовики производства...

— Хорошо, хорошо, молодой человек, — деликатно остановил его Тимофей Тимофеевич: так он обращался ко всем. — Полуторка будет?

— Найдется...

— А большой брезент, чтобы выстлать дно и борта машины?

Анатолий Евгеньевич не знал, найдется ли такой брезент, но ответил утвердительно, рассчитывая на то, что шофер его персональной машины Алеша проблему эту решит.

— А пяток марлевых бредешков сделаете?

— Можете быть спокойны.

— Тогда, молодой человек, считайте, что карасики уже плавают в вашем озере. Когда все будет готово, позвоните.

Анатолий Евгеньевич повел было речь об оплате, но Тимофей Тимофеевич не дал договорить и категорически заявил:

— Никаких денег не надо, а вот когда караси подрастут, буду рад, если пригласите на свое озеро.

Его план оказался простым. Обычно рыбхозы не вылавливают из нерестовых прудов всех мальков: ведь дно их — не паркетный пол, в его неровностях остается немало карасиков. И вот директор рыбхоза, в котором Тимофей Тимофеевич когда-то работал, разрешил ему выловить оставшихся мальков. Когда Анатолий Евгеньевич узнал о таком плане, то даже разочаровался — все так просто! Он, разумеется, не имел представления, что за этой «простотой» стояло, — сколько разных, больших и малых, услуг по старой памяти Тимофей Тимофеевич продолжал оказывать рыбхозу.

И вот мы сидим под бузиной, ждем Алешу, который должен приехать на полуторке. Чтобы скоротать время, слушаем рассказы друг друга о рыбах, о которых удалось вычитать в газетах, журналах и научно-популярных кни-

гах. В тот раз персонажами рассказов были и самая большая в мире рыба — акула гигантская, мало уступающая киту, и самая маленькая рыба — бычок пандока: в длину он имеет всего восемь миллиметров. Кто-то узнал, что есть рыба, умеющая стоять на хвосте, а другая стреляет водой в порхающих насекомых и таким способом добывает себе корм...

Антон Антонович заметил, что лучше изучать не тропических рыб, а тех, которых мы ловим.

— Они давным-давно изучены, к тому же интересных среди них нет, — произнес кто-то.

Тимофей Тимофеевич с этим не согласился и подкинул вопрос:

— Вот вы собираетесь карася разводить, а скажите, можно ли ловить его зимой?

Мы дружно отвергли такую возможность, ведь карась — рыба теплолюбивая, с похолоданием кормиться перестает, зарывается в ил и цепенеет.

Тимофей Тимофеевич, будто извиняясь, застенчиво улыбнулся.

— У вас устаревшие сведения: карась и зимой клюет. Могу привести десятки фактов. Скажем, в Черкасской области ловля этой рыбы со льда — обычное явление, клюет главным образом золотой карась. Несколько лет тому назад краснодарские удильщики начали зимнюю ловлю карася в запрудах речки Пануры, протекающей около станицы Ново-Титаровской...

По словам Тимофея Тимофеевича, жизнь карася, как это ни странно, изучена еще плохо. Мало кто из промысловиков знает, что стоит потревожить эту рыбу, находящуюся зимой в недостаточно глубоком оцепенении, как она начнет кормиться, особенно если за лето не успела накопить жира. А в водоемах, где бьют теплые ключи, рыба может вообще не впадать в оцепенение.

Тимофей Тимофеевич не соглашался и с тем, что карась зарывается в ил:

— Зачем же ему, жителю и без того бедных кислородом стоячих вод, лезть в ил, где этого газа еще меньше или даже совсем нет? Наоборот, из заиленных районов он уходит туда, где кислорода больше, например к родникам...

— Вот так и получается, что, удивляясь повадкам каких-нибудь тарпанов, барракуд, прототерпусов, мы своего родного карася не знаем, — поддержал ихтиолога Антон Антонович.

Мы вылезли из-под бузины и посмотрели во все стороны. Кругом тянулась пожухлая от жары низкорослая трава, вдали белели домики рыбхоза, а правее на фоне светло-голубого неба темнели зубцы елового бора. Автомашина пока еще не показывалась.

— Вести активную жизнь подо льдом — это что, — продолжил Тимофей Тимофеевич. — Карась может жить и под землей. Невероятно, правда? Но это доказывают факты. Уже описан случай, когда на окраине Архангельска, неподалеку от северодвинской протоки Кузнечихи, экскаваторщик вместе с торфом зачерпнул ковшем и карасей. Зачерпнул еще раз, опорожнил ковш на ровном месте — и опять засеребрились караси. Специалисты установили, что когда-то на том месте было озеро, оно постепенно заросло, превратилось в заиленное болото, затем стало пропадать, караси же приспособились к необычным условиям жизни. В Казахстане экскаваторщик вынул ковш земли с глубины двух метров и тоже увидел живых карасей. Они обитали там в давно засыпанном котловане, куда просачивалась вода из водопроводной трубы. Да мало ли таких случаев!

Тимофею Тимофеевичу верили, и разговор о подземной жизни карася завершился.

Антон Антонович, у которого еще не изгладились впечатления от недавней поездки на Дальний Восток, начал рассказывать, как он ловил там карасей, используя мормышку. Это сообщение сразу вызвало вопросы: какой величины и формы она была? Какого цвета? Из чего сделана?.. Как всегда, стали высказываться разные мнения, особенно насчет цвета мормышки.

И опять дискуссию своим тихим, ненастойчивым голосом завершил Тимофей Тимофеевич:

— Определенно можно сказать только одно: для ловли в светлой воде лучше темная мормышка из свинца, а в темной воде — светлая оловянная. Так она становится виднее. Все ухищрения, когда мормышке придают чуть ли не все цвета радуги, бесполезны, если не вредны: ведь водные насекомые, которыми питаются рыбы, имеют темную, а не яркую окраску. К тому же у рыбы слабое зрение. Она подходит к мормышке из-за ее колебаний, которые воспринимает боковой линией, и только вблизи может ее увидеть. Яркая, необычная по цвету мормышка скорее всего отпугнет рыбу.

В это время послышался шум мотора, и вскоре Алеша

остановил машину около бузины. В брезентовом ложе кузова уже плескалась вода.

Потребовался какой-то час, чтобы давно подготовленными бредешками мы наловили достаточное количество карасиков. Потом Алеша в сопровождении Тимофея Тимофеевича отправился с ними в неблизкую дорогу.

Озеро Тихое с того дня стало рыбным.

РЫБАЛКА КРАСНА НЕ ОДНИМ УЛОВОМ

Почти семь часов автобус дальнего следования, в котором половину пассажиров составляли члены нашей команды, мчался на северо-запад от столицы. По уговору он должен был остановиться на одной развилке, где мы должны были пересесть на рафик.

Приближался час ночи. Изредка, чуть сбавляя скорость, «икарус» проходил сквозь какой-нибудь городок или деревню. Большая же часть его пути пролежала между двумя стенами темного леса, подступавшего к шоссе.

Освещение в «икарусе» отключили. Бодрствовали только мы, остальные пассажиры давно спали — к этому хорошо располагают мягкие кресла. Наконец водитель повернулся к нам:

— Рыболовам приготовиться! — И, улыбаясь, добавил: — Ну, рыба, берегись!

Из автобуса выбрались быстро, с шутками и прибаутками. Как раз в это время на луну надвинулась туча и стало совсем темно, из-за чего мы рафика не увидели. О шутках разом забыли: каждый забеспокоился, как бы не застрять на морозе надолго. Но тут раздался прерывистый сигнал. Оказалось, машина стоит на той стороне дороги, под лесом.

Водитель рафика не вышел навстречу и прямо из кабины пригласил нас занять места.

По проселочной полузанесенной снегом дороге нам предстояло преодолеть еще полсотни километров. Рафик шел на третьей скорости, а нам так хотелось попасть в тепло, напиться чаю и лечь спать.

— А вы не можете ехать быстрее? — слышался чей-то нетерпеливый вопрос.

— Не могу, — ответил шофер.

— Среди нас есть водители первого класса. Может, передадите управление?

— Не передам!

Антон Антонович, сидевший рядом, наклонился ко мне:

— Вроде бы голос знакомый, — и он кивнул в сторону шофера, — но вспомнить человека не могу.

Как ни медленно ехали, конец пути все же настал. На крыльце нас встретила невысокого роста круглолицая подвижная женщина, назвавшаяся Серафимой Власовной.

— С благополучным прибытием, товарищи москвичи, — приветствовала она. — Все целы, здоровы?

Мы, улыбаясь, поблагодарили: какие могут быть происшествия, если едешь на третьей скорости?

Серафима Власовна показала отведенные нам комнаты и обрадовала сообщением, что на кухне кипит самовар. После чая она пожелала нам получше отдохнуть до выхода на лед.

Под утро в комнатах стало холодно, и в пять часов мы уже рассаживались в небольшой, но уютной столовой. Завтрак еще не начался, когда в дверях встала Серафима Власовна. Она не смогла скрыть смущения:

— Извините, пожалуйста, что холодно. Больше этого не повторится.

— А кто виноват? — спросил Аркадий Петрович — наш старший в том выезде.

— Я, конечно.

— Вы что же — и горничная, и истопник?

Серафима Власовна выглядела еще более растерянной.

— Истопник-то хворает, вот уже вторую неделю в больнице лежит. Однако за него не я, а сам Борис Сергеевич, но все равно считайте, что я виновата.

— А где этот Борис Сергеевич?

— Как где? Дома, спит он.

— Проспал, значит? — думая успокоить женщину, вступил в разговор Антон Антонович. — Вовремя дров под котел не положил?

— Так-то оно так, но виновата все-таки я, — повторяла Серафима Власовна. — Не разбудила его.

— И это входит в ваши обязанности?

— Можете считать, что так.

— А где начальник базы? Он же должен был встретить нас, — допытывался Аркадий Петрович.

— Так я уже доложила: он спит сейчас. Но он вас встретил. Еще там, на развилке...

— Это он вел машину?

— Он, он. Водителя-то отпустил на свадьбу дочери, пришлось самому ехать за вами, а как вернулся, долго

уснуть не мог. У него нога разболелась, ее к перемене погоды всегда ужасно ломит, — словно о своей боли, сообщала Серафима Власовна. — Ну а я, как всегда, растирала ее, ногу-то, вот и проспала. Известно ведь, хоть и жена, а за все в ответе...

Мы дружно стали успокаивать и благодарить эту скромную и заботливую женщину. Когда отправлялись на лед, она стояла у двери и всем желала успехов. Последним выходил Антон Антонович. Он спросил:

— Фамилия вашего мужа Коньков?

— Да-да, Коньков, — ответила Серафима Власовна. — Вы моего Бореньку знаете?

— Служили вместе.

Больше Антон Антонович ничего ей не сказал, боясь ошибиться, а догнав меня, обрадованно бросил:

— Кажется, нашел своего ординарца. Смелый, порядочный человек!

От базы между высоченных сосен тянулась тропа. На ближнем берегу она разделилась на множество малозаметных тропинок. Мы, как всегда, здесь не остановились, а зашагали к противоположному берегу.

Через час-другой стало совершенно ясно, что успеха нам не дожждаться. Обойдя всех, Аркадий Петрович подсчитал: на уху не хватит. Ничего не поделаешь, даже в самой далекой, нецуганой глуши на рыбу действует изменение атмосферного давления! Этим нам часто приходится утешаться.

Смотав удочки, мы с Антоном Антоновичем вернулись на берег, что был ближе к базе, и по утопанной тропке поднялись к лесу.

Шедший впереди Антон Антонович неожиданно обернулся и прошептал:

— Тише!

Из леса долетал птичий гомон. Мы медленно сделали несколько шагов, и гомон послышался отчетливее. Казалось, сюда слетелись птицы со всех окрестных лесов. Мы прошли еще несколько метров и увидели кем-то поставленный тут высокий столик с бортиками. По нему прыгали синицы, чечетки, чижы, поползни. Они часто взлетали, но тут же садились. На ближних ветках сидели синицы, свиристели и щеглы.

— Ближе подходить нельзя, — забеспокоился Антон Антонович, — разлетятся...

— Все же попробуем. Интересно, насколько подпустят.

Мы подошли к столику, и птицы почти не испугались. Красавцы щеглы, правда, перелетели на другие ветки — лишь чуть подальше. Важные снегири и медлительные свиристели последовали их примеру. Чечетки, как большие серые стрекозы, запорхали над столиком. А несколько непосед синиц даже сели нам на шапки и старались в них что-то найти, а потом спрыгнули на плечи.

— Как же добр человек, с которым дружит эта пернатая братия! — восхитился Антон Антонович.

— Ближайшая деревня находится, наверно, в десятке километров. Значит, этим занимается кто-то из работников базы, — предположил я.

Не знаю почему, на душе у меня стало как-то лучше — яснее, что ли, светлее или спокойнее.

В лесу было тихо, снега меньше, чем на льду, и пахло еловой смолой.

На крайних к берегу деревьях всюду были развешаны домики и кормушки для птиц, сделанные заботливой рукой из обрезков досок, дуплистых поленьев, картона. Мы с километр прошли в одну сторону — до крайней березы с домиком, затем столько же в другую сторону — до поля, на краю которого росла последняя ель с дуплянкой. Когда же вернулись к друзьям, то узнали, что рыба начала клевать.

И на противоположном берегу мы увидели на деревьях птичьи домики, здесь тоже летало много птиц, видно, давно привеченных человеком.

В середине короткого зимнего дня мы не без улова возвращались на базу. Наш старший — Аркадий Петрович был теперь спокоен: уха к обеду будет добрая.

И тут мы увидели, как от одной из крайних елей отделился человек. Ковыляющей походкой, то и дело пытаясь бежать, он устремился к Антону Антоновичу. Они долго хлопали друг друга по плечам и спинам, а потом молча кулаками стирали скупые слезы.

На этот раз мой приятель обедал отдельно — Борис Сергеевич увел его в свою комнату. Конечно, у них сразу же начался разговор о военной поре.

— Под Кировоградом есть какая-то деревушка, около которой фашисты на правом фланге прорвали оборону нашего батальона... — вспоминал Борис Сергеевич.

— Как не помнить? Тогда пришлось бежать, да не в тыл, а на самую передовую. Еще немного, и танки мой КП бы проутюжили, — дополнял его Антон Антонович.

— Вот-вот! А как со мной тогда получилось? Прибе-

жал на КП кто-то из полковых интендантов и сказал, что невдалеке машина с патронами стоит — шофер погиб, а сам он не умеет править. Ну ты разрешил, вместе с интендантом я побежал к той машине и сел за баранку. До КП всего сотня метров и осталась, когда справа танки показались, а левее, по ходу сообщения, ты вместе с телефонистом бежал. Тогда я тебя в последний раз видел. Тут меня и ранило: очередь крупнокалиберного пулемета, видать, шла снизу вверх: сначала, сволочи, левую стопу раздробили, а потом тут же левую кисть. Но баранку из правой руки не выпустил. Знал я, что впереди балочка есть, там наша Катя санвзвод держала. Подъехал к той балочке, чуть-чуть спустился, нажал рукой на тормоза да юзом до самого низа и соскользнул. Тут двое Катиных девах подбежали и давай перевязывать: одна — руку, другая — ногу. А сам думаю: это я раненый, а машина-то цела. Велел раненых в кузов, на патронные ящики, погрузить, а в кабину со мной какую побойчее санитарку посадить. Вот с ней и дотянули до медсанбата...

Ветераны — старый комбат и его ординарец — долго молчали, вспоминая тот страшный день. Борис Сергеевич заканчивал рассказ о себе, когда вошла Серафима Власовна, чтобы пригласить их к столу:

— Из медсанбата я попал в госпиталь. Кисть отняли, ногу по щиколотку тоже. Остались, как видишь, одни култышки. Ничего — живу, работаю. Правда, нога вот порой так разболится, что хоть вой. Особенно когда погода меняется. Трое ребят у меня: один в армии, другой в институте, а малыш — в интернате: от нас до ближайшей школы десять километров. Про жену вот скажу...

— Не надо, Боренька, — попросила Серафима Власовна и вышла из комнаты.

Борис Сергеевич продолжал:

— Жен, конечно, не принято хвалить, но я скажу. В госпитале тяжело было: кому нужны култышки? То и дело перевязки, бинты отдирать станут — в глазах синие круги заворачиваются. Сима сестрой в нашей палате служила. Ну сестра как сестра, но есть у нее то, чего нет у других, а мне очень нужно: веселая она, никогда не унывает, песни хорошие поет. Вскоре замечать стал: вроде бы мне больше внимания уделяет — то рассказывает о себе, то обо мне спрашивает. Однако боялся заводить с ней главный разговор. Когда выписывался, она сама подошла, такая грустная, и спрашивает:

— Уезжаешь, значит?

— Как видишь.

— И нечего мне сказать?

— Сказал бы, да ведь, Симушка, култышки у меня...

— Ну а если бы целым уезжал?

— То посчитал бы большим счастьем иметь тебя в женах.

О чем тогда с ней не переговорили — и где жить станем, и на какую работу мне устроиться, да мало ли о чем! Симушка одно твердила: все хорошо будет, все устроится. Так вот оно и получилось.

— Машиной, значит, теперь править не можешь? — спросил Антон Антонович.

— Выходит, не могу. Вот что получается: как только переключу на первую скорость, так хочется свернуть направо. Много лет прошло, а вот хоть убей, не могу совладать с собой. Сколько раз пытался избавиться, не выходит.

— А кормушки в лесу твои?

— Мои.

— Мы сейчас пойдем рыбу ловить, а когда вернемся — заходи в столовую и подробно расскажи...

— О чем?

— О птицах, конечно. Они, знаешь, как всех заинтересовали!

— Да что сейчас, Антон Антонович, рассказывать-то? Вот если бы вы весной приехали, то таких концертов наслушались, каких в городах сроду не бывает. Как поют! Поверишь ли, и ногу перестает ломить!

После обеда клев заметно улучшился, мы успешно ловили и на мормышку, и на блесну.

Перед самым концом ужина в столовую пришел Борис Сергеевич. Антон Антонович напомнил, что мы ждем его рассказа. Ветеран пошутил, что не может не выполнить приказ своего комбата, и начал издалека:

— Демобилизовался я весной сорок третьего года, как вы догадываетесь, после госпиталя. В свой городок приехали вместе с Серафимой Власовной. От родного дома только фундамент остался, все имущество сгорело. Подхожу к пепелищу, навстречу отец идет, горько улыбается и на скворечник показывает. Сам-то в погребке живет, а вот скворцу дом построил. Поселился в нем какой-то храбрец — то ли раньше тут был, то ли из жалости к отцу, кто его знает. Пел скворец в ту весну на совесть, утешая нас, да ничем больному отцу, горячему любителю птиц, помочь уже не мог. Вот в память об отце и я не забывал помогать птицам.

Здесь, на базе, я сначала вахтером работал. Первое время, правда, было трудно — досок на домишки птицам не хватало. Потом коллектив какого-то деревообрабатывающего комбината соревнование здесь проводил. Оттуда мне вскорости чуть ли не целую полуторку обрезков прислали — все равно на дрова бы пошли. Дело-то это оказалось не таким уж простым. Скажем, если домик сделан из свежей доски, пичуга в нем может и не поселиться. Значит, доска обязательно должна быть старой — почерневшей или окрашенной. Прикрепить к дереву домик тоже надо умеючи: прямо или с наклоном вперед, а если наклонить назад — пустовать станет. Размеры этих домиков выверяются до сантиметра. Если превысить размеры, при заморозках самка не сможет собрать всех птенцов под себя, расползаться станут, погибнут. Вот, кажется, и все.

— Какие же птицы в таких домиках селятся? — интересовались мы.

— Мухоловки, горихвостки, поползни, вертишейки, трясогузки и еще какие-то — всех не упомнишь, а некоторых и не знаю, как называть.

— А почему на той стороне залива домиков больше, чем около базы?

— Лес там тянется узкой полосой, за ним — колхозный сад: яблони, вишни, смородина, крыжовник. Между прочим, колхоз каждый год высокие урожаи собирает.

— А сыновья-то ловят птиц? — спросил Аркадий Петрович.

— Нет, они только слушают их.

— Это когда в гости приезжают?

— Нет, когда они здесь гостят, то записывают птичьи песни на магнитофон, а потом целый год слушают их да соседей ими угощают.

Нечего и говорить, что время на рыбалку уже со следующего утра у нас было укорочено: все надолго застре-вали в лесу.

Не один Антон Антонович, а каждый из нас через несколько дней расставался с Борисом Сергеевичем и Серафимой Власовой как с друзьями.

ПЛАВАЮЩИЕ ОСТРОВА

Совсем рядом с домом стеной поднимаются березы, отчего веранда, густо окрашенная в голубой цвет, кажется белоснежной — такой оттенок ей придают лучи солн-

ца, отраженные от стволов берез. Потому-то на веранде куда светлее, чем за ее стенами. В этот будний день рыболовов приехало мало, и веранда пустует. А на море ходят волны с бурыми гребнями, и выезжать на вечернюю зорьку не имело смысла.

Анатолий Евгеньевич положил мне на колени книжку небольшого формата — сборник рыбацких побывальщин, выпущенный в Свердловске еще до войны.

— Прочитай-ка первый абзац на сотой странице.

И я прочитал: «Сплывень — это плавучий торфяной остров, под которым не менее 2—3 метров воды. В жаркие летние дни ерш уходит в прохладную темноту под этим островом. Рыболовы заметили это, пробили в нем, как во льду, лунки и не ошиблись. В этих лунках в жаркую летнюю пору, в особенности утром и вечером, бывает прекрасный ершовый клев. Изредка клюют окунь и даже чебак».

— Что же тебе тут не понравилось?

— Думаю, выдумка это. Если под тем островом и есть что, так только грязная жижа.

Мне пришлось рассказать уважаемому профессору биологии кое-что из собственной практики.

Однажды я ловил на Сенеже, лодка стояла невдалеке от зеленой дачи. С утра хорошо клевала плотва, но часов около девяти подул, а потом и разгулялся ветер. Ловить стало неудобно: поклевки нельзя было заметить, волна сносила или топила поплавки.

Пришлось поднять якоря. Вблизи того места, всего в нескольких метрах, слегка покачивались несколько островков, поросших камышом. К одному из них, имевшему форму подковы, я и подъехал. Лодка вперед кормой вошла в эту зеленую подкову, волны сюда не доходили, не было даже ряби. Камыши длинными и прочными корнями держали островок на месте, среди них уже пробивался молодой тальничок. А сколько разных цветов росло здесь!

Все вместе эти растения образовали над водой плотный и толстый слой. Под ним — мелко, меньше двух метров, и растения сумели укорениться, сделали островок неуязвимым для сенежских волн. Мои два поплавка стояли около кормы. Время от времени, но редко, они слегка вздрагивали или чуть-чуть уходили в воду — это клевала плотва. Часа через три я решил все же сменить место и вывел лодку из зеленой подковы. Неподалеку на воде возвышался небольшой камышовый островок, который был мне знаком: минувшей зимой я забрался в середину его,

просверлил лунку и на мормышку ловил окуней. Может, и сейчас повезет? В середине островка я заметил совсем небольшое зеркальце — диаметром с метр. Привязав лодку к камышу, опустил удочку в это зеркальце. Едва поплавок встал, как тут же нырнул. Через секунду в моих руках бился окунь. Потом — второй, третий...

— Ну что ж, может, как-нибудь съездим на те острова? — прервал меня Анатолий Евгеньевич.

— Поздно! — с сожалением ответил я. — В начале лета над Сенежем прошел сильный ураган. Он сорвал острова, протащил их до дамбы и выбросил на нее. Но не отчаивайся, плавающие острова — не редкость.

И верно, я читал, что невдалеке от латвийского города Цесисса есть озеро Унгурс, а на нем два плавающих острова. На одном растет даже березовая рощица, а на другом — несколько старых ольх. Корни этих деревьев, поднявшихся над водой на несколько метров, укрепили поверхностный слой из перегнившего торфа, образовали надежный каркас островов. Под действием ветра острова плавают то к одному берегу озера, то к другому. Вместе с ними путешествуют и облюбовавшие их удильщики — жители ближайших хуторов.

В Карелии есть поселок Эльмус. Удильщики убедились, что рыба хорошо клюет... под землей. Берега местного озера густо покрыты растительностью. Сильный ветер отрывает от берегов большие куски, гоняет их по озеру. Таких островков в заливах скапливается так много, что они образуют сплошной земляной настил, по которому вполне можно ходить. Рыбаки делают в нем лунки и ловят рыбу.

...Через год я получил письмо от Анатолия Евгеньевича из Свердловска. Отправляясь туда в командировку, он, конечно, захватил с собой кое-что из снастей и теперь сообщал: «В первое же воскресенье я отправился на Верхисетский пруд. Берега у него сырые, подходы к воде тропинками через болото, но торфяной грунт вполне выдерживает человека. Клевало плохо: до двух часов поймал лишь пяток подлещиков. Что делать? Отправляться в гостиницу? Посмотрел на местных удильщиков. Они сидели вдали от берега, как зимой, на рыболовных ящиках и что-то вытаскивали. К одной группе я подошел и что же увидел? Они коротенькими удочками ловили на мормышку окуня... из лунок. Мне дали удочку и показали на лопату. Мягкий торфяной грунт оказался толщиной сантиметров шестьдесят, а под ним — метра полтора

воды. Когда она немного отстоялась, я опустил мормышку».

Письмо заканчивалось словами: «Ты помнишь наш прошлогодний разговор на берегу Московского моря? Вот и мне довелось половить рыбу «из-под земли», чему я тогда не очень верил. Воистину: век учись...»

ОКУНЕВОЕ САЛЬДО

Карпа Васильевича Плотникова я знаю много лет, еще по фронту: он был начфином одного из полков нашей дивизии. Война не щадила и начфинов. С автоматом в руках Плотников, кадровый офицер, участвовал в отражении атаки гитлеровцев, был тяжело ранен и после длительного лечения уволен из армии еще в сорок третьем году.

Едва поправившись, Карп Васильевич поступил бухгалтером на завод. Ему предлагали возглавить бухгалтерию, но большая нагрузка была не по его здоровью. И без того оно требовало постоянного подспорья, которое Карп Васильевич нашел в одном — в рыбалке.

Карпа Васильевича хорошо знают все столичные рыболовы, его советы высоко ценят даже гроссмейстеры ужения. Недаром друзья почтительно именуют его то «главным рыболовом», то «обер-мастером ужения».

В большом ходу среди нас афоризмы Плотникова. Их даже записывают, используют в споре как веские доказательства. Некоторые записал и я: «Я ловлю, значит, существую», «На рыбу надейся, да сам не плошай», «Кто ищет рыбу, тот всегда найдет», «Не подкормишь, не поймаешь», «Семь раз подумай, один — подсеки...»

В самом конце летнего сезона у Плотникова появился новый начальник: главным бухгалтером завода назначили Поликарпа Спиридоновича Столярова, человека уже в годах. Слухи о нем ходили на заводе разные. Например, говорили, что он большой мастер розыгрыша и заядлый удильщик. Первому его качеству заводские рыболовы не придали значения, а второе поручили проверить Плотникову.

Как? Можно было пригласить нового главбуха на рыбалку, создать ему там наилучшие условия. Но подхалимаж Плотников считал самым большим грехом и от такого плана отказался. Оставалось по крохам собирать данные об увлечениях главбуха.

Выяснилось, что членом «великого племени» Столяров стал, когда ему исполнилось пятьдесят лет. Он снимал в то лето дачу в деревне, раскинувшейся на берегу речки. Первоначально он стыдился своего увлечения, даже удочку прятал в кустах неподалеку от дома.

Однажды Столяров удочки не нашел. Зато нашел внука: тот ловил пескарей, но без единого слова отдал удочку деду.

— Бабушка знает? — спросил он внука.

— О чем?

— О том, что у нас завелась удочка?

— Конечно! — с удивлением ответил внук.

— И мать с отцом?

— Они и показали, где ты удочку прячешь.

Так окончился первый, тайный этап увлечения Столярова. С того утра они стали ходить на речку не таясь, внуку была куплена удочка. Возвращались они всегда со смехотворными уловами, но радостные:

— Рыбы наловили пропасть: тройку ершей да штук пять пескарей...

Жена несколько раз говорила Столярову, что надо поучиться у других рыболовов, снимавших дачи в той же деревне. Но он никого слушать не желал, книгам не верил, все делал по своему разумению, за что даже внук звал его кустарем-одиночкой.

Этот, второй период увлечения окончился в тот воскресный день, когда произошел невероятный случай: Столяров поймал щуку! Событие это жена назвала несчастьем — с тех пор ее степенный муж стал заядлым рыбаком. В пятницу вечером он стал на два дня уезжать невесть куда с вдруг появившимися друзьями. В первые вояжи его провожали все домочадцы, надо думать, со словами укора:

— Нас на рыбу променял!

О щуке, сыгравшей роковую роль в жизни Столярова, стало широко известно по его же собственным рассказам, начавшимся еще в электричке, которой он возвращался с дачи после того воскресенья. На работе он приставал с ней к каждому встречному-поперечному: как щука схватила именно его крючок и повела поплавок, как она была мастерски подсечена и выведена на берег...

Понятно, что, находясь на этом, третьем, настоящем этапе постижения тайны рыбалки, главбух Столяров сначала не шел на контакты с заводскими удильщиками. Лишь через месяц, уже в конце марта, наслышавшись

рассказов об их успехах, он в обеденный перерыв подошел к Плотникову.

— Я на Таганке познакомился с человеком, который живет в деревне Кулишки, что на берегу Угличского моря. Он действительно приглашал к себе, обещал хорошую рыбалку. Поедем на оба выходных дня?

— Зачем он на Таганку приходил?

— Рыбу продавать.

— А фамилию его записали?

— Да, Матвей Миронов, но он почему-то больше на прозвище свое напирал — Рыжий: мол, по нему легче его найти.

Карп Васильевич не любил людей, торгующих рыбой: это, как правило, браконьеры. Однако он помнил наказ друзей и согласился.

Поздним вечером они приехали на Савеловский вокзал. Главбух попросил молоденькую проводницу разбудить его перед разездом Кулишки. На узенький листок бумажки она записала номер места, а он заранее поблагодарил ее.

Карп Васильевич не очень доверяет проводницам, да и себя знает хорошо — уснуть в поезде ему еще никогда не удавалось. Так получилось и на этот раз. До четырех часов ночи он ворочался с боку на бок, а потом встал: забеспокоился, что поезд долго стоит.

— Что это за станция? — спросил он у проводницы.

— Калязин.

— А почему так долго стоим?

— Совсем не долго — всего двадцать семь минут. Говорят, тут он и по часу **стоит**.

Посмотрев на узенький листок бумаги, она успокоила:

— Ваша остановка четвертая.

Через час поезд стал сбавлять ход, потом остановился. Держа в одной руке ледобур, в другой — снятый с плеч рюкзак, Столяров прыгнул, за ним — Плотников. Поезд через минуту лязгнул буферами и пошел дальше.

Когда промелькнул последний вагон, приехавшие осмотрелись. Они стояли по колено в снегу. В сотне метров впереди на столбе висел фонарь, освещающий ветхое здание. Это и был разезд Кулишки. За ним сквозь темноту угадывалась деревня, куда и зашагали наши рыболовы.

Деревня спала, лишь в одном доме светились три окна. Решили туда постучаться.

Дверь открыла пожилая женщина. Войдя в горницу, Плотников и Столяров увидели большую компанию, сидев-

шую за столом. Она уже готовилась уезжать с первым поездом. Рыбалкой все остались довольны, на вопросы, где надо ловить, отвечали подробно, но в незнакомых местах такая информация мало что дает.

Один из сидевших за столом пообещал:

— Дед Панкрат останется и все места покажет.

Но дед стал возражать:

— Продукты у меня окончились. Чем кормиться стану?

Общими усилиями деда все-таки уговорили. После этого Столяров спросил хозяйку:

— Где живет Матвей Миронов?

— У нас такого нет. Я здесь родилась, всю жизнь прожила.

— Он еще Рыжим себя называл...

— И Рыжего не знаю.

Решили на розыски Рыжего времени не терять. Оставили у хозяйки большую часть вещей и отправились на легке на лед. Впереди шагал дед Панкрат. Вел он сначала по заснеженному заливу, потом тропка пересекла камышовую чащобу, поднялась на берег и запетляла среди невысокого леса. Километра через два добрались до заброшенной насыпи, за которой тропка свернула вправо, снова спустилась к берегу большого залива.

— Угличское море, — сказал дед Панкрат. — Здесь и ловите, а я пойду на тот берег. Там есть магазин, кое-что из продуктов куплю.

К этому времени совсем рассвело. Подул ветерок, но было тепло. Вскоре над головой послышалась песня жаворонка. Видимо, где-то неподалеку, с южного ската какого-нибудь бугра, уже сошел снег, и жаворонок нашел корм. Он летал надо льдом, как над полем, все выше поднимаясь в голубое небо. Когда скрылся, в небе появился второй жаворонок.

Глубина в заливе оказалась порядочной — семь метров. Карп Васильевич менял мормышки, по-разному играл ими, но ни одной поклевки долгое время не видел. Потом, уже вытаскивая мормышку, он заметил, что кивок резко согнулся. Окунь клюнул на глубине трех с половиной метров.

По совету Плотникова главбук стал опускать мормышку на эту глубину, но результата не добился.

Расстроенный, он подошел к Плотникову, когда у того около лунки уже лежало почти два десятка золотистых окуней.

— Как дела? — спросил шефа Карп Васильевич.

— Из-за тебя — пустой.

— Как это из-за меня?

— Сказал, что надо ловить на глубине трех с половиной метров, вот я и ловил... А ты, вижу, прямо из-под льда таскаешь.

Верно, Карп Васильевич, как всякий опытный удильщик, постепенно укорачивал леску, пока не поднял окуневую стаю к самому льду.

— Так это сейчас, а первого окуня я с полводы поймал.

— Сейчас, полчаса назад... — проворчал Столяров и отошел от лунки.

Сел он метрах в двадцати. Здесь окунь тоже не клевал. Карп Васильевич просверлил лунку совсем недалеко от него. Глубина здесь оказалась всего метра два, и он хотел было уходить, но вытащил увесистого окуня, через минуту — второго. Когда их набралось пяток, он опять высказал совет шефу:

— Садись здесь. Наверно, коряга лежит — около нее окуни любят стоять.

Однако Столяров и здесь не увидел ни единой поклевки, порывисто встал:

— Забирай свою лунку!

Ловить на этой лунке значило бы совсем унизить Столярова, и Карп Васильевич отошел подальше.

Неожиданно здесь оказалась яма — глубомер показывал десять метров. Прекрасное место!

Плотников опустил мормышку, но ловить не стал, позвал главбуха:

— Отдаю тебе лунку вместе с удочкой и мормышкой. Сначала у дна полови.

Через полчаса он подошел к нему и поинтересовался:

— Как дела?

— Какие могут быть дела! Ты уступил место, где сам не поймал ни одного окуня.

Карп Васильевич вытащил мормышку и удивился: леска короткая — всего метр.

— У дна пробовал удить?

— Пробовал.

— А повыше?

Главбух ответил что-то невнятное. Карп Васильевич удлинил леску до пяти метров и тут же поймал окуня. Потом второго, третьего, четвертого.

— Главбух ты хороший, а вот удильщик из тебя, вижу, как из моего валенка крючок.

Что неудачнику было возразить на это?

В это время туча закрыла солнце, с севера подул ветер. Куда-то улетели жаворонки.

Главбух успел поймать только одного окуня. Поклевки прекратились и в других лунках.

Тут пришел дед Панкрат. Бесшумно прилетела чайка и стала поблизости делать круги.

— Она зимует здесь, — сказал дед. — Кормится мелочью, которую мы около лунок оставляем.

Он отобрал на льду двух самых маленьких окуней и бросил их в сторону чайки. Одного она схватила на лету, второго разыскала в снегу.

— Дорогу вы без меня найдете. Ловите, а я пойду, — решил Панкрат.

Поклевок больше не было ни в одной лунке. Готовясь возвращаться в деревню, Плотников вывалил улов на умятый снег.

— Считаешь, значит? — ехидно спросил главбух.

— А почему бы и нет? Ведь учет, как тебе, Спиридоныч, известно, служит орудием планового руководства хозяйством, — поддевал начальника Карп Васильевич. — А сальдо не в твою пользу: я поймал больше тебя в 82 раза!

— Терпеть не могу, когда на рыбалке разводят бухгалтерию! — назидательно огрызнулся главбух.

Без сопровождающего возвращались они долго, стало темнеть. Над головами с одного берега залива на другой с мрачным карканьем перелетали вороны. Какие у них заботы в такой поздний час?

— Отдохнем! — скорее приказал, чем предложил Столяров, когда они добрались до околицы деревни.

Карп Васильевич молча снял чемодан с плеча, сел, а ледобур положил на колени. С минуту молчали, затем главбух официальным тоном спросил:

— Вы сколько лет на заводе работаете? Тридцать? К сожалению, когда вернемся в Москву, вам первым делом предстоит подать заявление...

— О чем?

— То есть как о чем? Неужели вы не понимаете?

— А если у меня нет желания?

— Должно быть! Надо понимать, что подчиненный должен укреплять авторитет начальника, а не подрывать...

— Я подрываю? Это каким же способом?

— Вот, скажем, обловили меня, руководителя. Хозяйка смеяться станет. На заводе всем расскажете, тоже смеяться будут. Какой же тут авторитет?

Простодушный Карп Васильевич так и не понял, всерьез с ним говорит главбух или шутит. Но о поручении коллектива проверить рыболовецкую сноровку главбуха он в этот момент начисто забыл. Он даже встал, поднял ящик, собираясь идти.

Встал и главбух. Сдерживая смех, он положил ветерану руки на плечи, сказал:

— Нет-нет, друг, настаиваю: на месте ты действительно не усидишь — придется перейти в пустующий кабинет моего заместителя. Здоровье твое уже давно в полном порядке. Вон как по льду бегаешь — разве можно догнать! Я заморюсь, а тебе хоть бы что...

— Так ведь это рыбалка помогла.

— На заводе так и говорят. В общем, приказ о твоём назначении директор уже подписал. В столе у тебя этот приказ лежит.

— А если я не соглашусь?

— Сначала великодушно попросим, а потом обяжем.

На следующий день главбуху повезло: первую же лунку он просверлил на окуневой тропе. Что это такое? У каждой рыбы, в том числе, конечно, и у окуня, есть тропы, по которым они с мест стоянок идут на кормежку. Окуни у него клевали дружно, и главбух позвал своего заместителя. Однако тот не подошел — зачем мешать руководству?

Перед уходом со льда они подбили итог: он оказался все же в пользу Плотникова.

НА ПЛЕЩЕЕВОМ ОЗЕРЕ

Это было уже давно, когда Аркадий Петрович как артист только еще приобретал известность.

Однажды он остановился у края тротуара и стал поджидать такси. Через минуту, посмотрев на часы, он понял, что опаздывает, и, как всегда в таких случаях, начал снимать и надевать шляпу. Мимо проносились автобусы, троллейбусы, разноцветные легковушки, грузовики с контейнерами и железобетонными конструкциями, крытые автомашины спешили с булками, тканями и многим-многом другим, что нужно большому городу.

Но вот из-за угла появилась салатового цвета «Волга» с полоской черных квадратиков. Аркадий Петрович поднял руку, и такси свернуло к тротуару.

— В центр! — бросил он водителю, торопливо плюхаясь на заднее сиденье.

Послышался слабый треск, и Аркадий Петрович почувствовал под собой что-то жесткое и колючее. Шофер, не оборачиваясь, потребовал:

— Выходите, не поеду!

— Я опаздываю на концерт! — воскликнул Аркадий Петрович и приподнялся, чтобы увидеть, на что он сел. — Поехали! И как можно быстрее!

Машина и после этого не тронулась, а на сиденье обнаружили обломки пенопластовых ручек и винипластовых хлыстиков.

— Зачем вы их сюда бросили?! — с искренним возмущением спросил Аркадий Петрович. — Такие удочки!

— И вы еще спрашиваете? — сокрушался шофер. — Выходите!

Аркадий Петрович, забыв о концерте, взял в руки обломки, стал их с сожалением рассматривать:

— Конструкция полковника Слепухина. Таких в продаже нет!

— Сделал точно по чертежу в журнале, — сбавив строгость, в тон ему произнес таксист.

— Значит, вы мастер ловли на мормышку без мотыля?

— Как вам сказать... — замялся водитель. — Вы сами-то ловите?

— Ловлю. Мне хоть одну сделаете?

— Придется опять мастерить, что же делать! Сам виноват — не надо класть где попало. Куда вас точнее-то — ведь опаздываете?

Аркадий Петрович протянул листок из блокнота — на нем был его домашний адрес — и добавил:

— Завтра приезжайте — у меня весь день свободен. Обязательно!

— Может, научите меня ловить? Врачи посоветовали...

— За этим дело не станет. Ловлю я неплохо, а вот делать удочки совсем не умею.

Так познакомились два этих человека.

Через неделю Аркадий Петрович представил нам своего нового товарища. Уроженец латышского городка Резекне, а по национальности белорус, Михаил Иванович

Старченко был невысокого роста, очень худым человеком с буйной, уже седеющей шевелюрой и большими грустными глазами. На левой руке у него не хватало трех пальцев.

— Это ерунда, — сказал Михаил Иванович, заметив, что мы смотрели на его искалеченную кисть. — Правая рука порой хуже болит. Она вроде барометра — как заломит, так, значит, скоро погода изменится.

Он был ранен при прорыве вражеской обороны на реке Молочной. Снайпер прошил ему обе руки, когда Старченко, находясь рядом с немецкими окопами, наводил ракетами наши самолеты на цель. Кроме этого, Михаил Иванович сообщил, что давно готовился к своему первому выезду на рыбалку, сам сделал массу удочек, какие рекомендовались в литературе.

— Врачи пишут, — смущенно объяснял он, — что люди, увлеченные чем-нибудь полезным, меньше болеют... У меня ведь не только руки ранены, вообще здоровье подорвано. Вот я и решил рыбалкой лечиться...

— И правильно сделали! — похвалил его Доктор. — Еще в древней Ассирии на каменной плите было высечено изречение, что время, проведенное на рыбалке, боги не засчитывают людям в срок их жизни.

В то апрельское утро на Плещеево озеро нас согласился доставить на своих «Жигулях» наш давний компаньон Леонид Павлович. Рядом с ним сел Аркадий Петрович, а Михаил Иванович втиснулся между Доктором и мною на заднее сиденье.

Всю дальнюю дорогу в машине было не повернуться, и мы опасались, что такая теснота отобьет у таксиста охоту к коллективным поездкам на рыбалку. На нашу беду, лед на озере уже был отделен от берега порядочной закраиной, пришлось переправляться на него с помощью досок, а это операция не из легких.

— Не рассказывайте жене об этом форсировании водной преграды, — шутливо посоветовал новичку Аркадий Петрович. — В следующий раз может не пустить...

День стоял чудесный: теплый и ясный, легкие порывы ветерка доносили с берега аромат хвои. Во всей красе перед нами открывалось знаменитое Плещеево озеро. Вот только рыбе до этого не было никакого дела: клевать она не желала.

Все утро мы старались поймать хоть что-нибудь, в десятках мест просверлили сырой и вязкий лед, меняли снасти, но все оказалось напрасным.

Мы-то не унывали, с нами это случается нередко, но каково было новичку? Сначала он старательно повторял все, что делал Аркадий Петрович, и часто его о чем-то расспрашивал. Потом стал ловить нехотя, а под конец сидел около своего наставника и молча глядел на его удочку.

Стало ясно: надо возвращаться к «Жигулям».

Закраина перед берегом стала более широкой, и нам стоило труда соорудить переправу через нее.

Ехать домой в такой ранний час было грешно. Все расселись около машины и поначалу молча разглядывали нежно-белые облачка, проплывавшие на огромной высоте. Но вот мало-помалу начались обычные разговоры о рыбе и погоде.

Михаил Иванович в них не участвовал. Мы истолковали это так, что больше он в нашей компании не появится. Надо было принимать какие-то сильно действующие меры, чтобы не дать увянуть его увлечению.

— Расскажи-ка ему про академика, — наедине попросил меня Аркадий Петрович, словно это было последним средством обращения неустойчивого неопита в правоверного удильщика.

И я завел разговор о Николае Петровиче Дубинине, знаменитом генетике и страстном рыболове. Мне посчастливилось быть с ним в личном знакомстве, вот Аркадий Петрович и решил это использовать. Начал я с того, что будущий академик Дубинин любил рыбалку еще пятилетним мальчиком, когда с набережной Кронштадта ловил ершей.

— А к чему вы мне это сообщаете? — безучастно спросил Михаил Иванович.

— Хочу, чтобы поняли, что прелесть и ценность рыбалки не в рыбе, а в здоровье. Я был у Николая Петровича совсем недавно, несмотря на огромную занятость, он нашел время, чтобы встретиться: ведь предстоял разговор о рыбалке. Он считает, что влияние рыбалки на здоровье человека очень благотворно и велико и начинается задолго до выезда на водоем. Это хлопотное увлечение требует времени, чтобы добыть насадку, побывать на собрании рыболовного коллектива, наметить маршрут очередной поездки. А сколько забот со снастями: их надо ремонтировать, пополнять, переделывать!.. Когда же рыболов выходит из дома и садится в автобус или на поезд, чтобы ехать на какую-нибудь заветную речушку, он подвергается воздействию особо сильных положитель-

ных эмоций, которые снимают усталость, придают бодрости, улучшают самочувствие.

С намерением «лечиться рыбалкой» к нам пришел и сам Михаил Иванович, но он совсем не так представлял себе свой первый выезд, каким он сегодня оказался. Причастность знаменитого академика к «племени рыболовов», его суждения о пользе рыбалки, видно, опять подняли настроение новичка. Заметив, что он слушает меня внимательно, я привел ему еще одну мысль ученого:

— Николай Петрович говорил, что даже простое пребывание вблизи водоема, где влажность воздуха выше, а его запыленность и температура ниже, действует на человека благотворно: уменьшаются частота дыхания и количество ударов сердца в минуту, повышается вентиляция легких. Полезны даже однодневные выезды. Дальние же рыбалки во время отпуска не только укрепляют здоровье, но и способствуют познанию Родины, ее богатой и прекрасной природы.

— Вот почему, даже вернувшись без улова, как сегодня, настоящие удильщики не огорчаются, — добавил от себя Аркадий Петрович.

— А на этом-то озере вы раньше бывали? — с надеждой спросил Михаил Иванович, глядя на нас.

— Бывали! — воскликнул Аркадий Петрович. — И плотву здесь ловили, и налима, и леща. Значит, в следующий раз поедете?

— Конечно! Куда вы — туда и я.

Через час вишневые «Жигули» отправились домой.

КАКОЕ МОРЕ ЛУЧШЕ?

«БЫЧКИ! БЫЧКИ!»

За западной окраиной Одессы начинается курорт Черноморка. Здесь кругом, куда ни взглянешь, тянутся виноградники и плантации грецкого ореха. Они подступают к Сухому лиману, между берегами которого днем и ночью снует катер. Он доставляет пассажиров в Ильичевск — молодой город и один из самых крупных портов нашей страны. На левом берегу лимана, если встать лицом к Черному морю, выстроился длинный ряд беленьких домиков, или, как их здесь называют, куреней. Они совсем маленькие — умещаются лишь две койки да столик. В домиках чисто, у входа растут по-южному пышные и яркие цветы, вьются широко разросшиеся лозы винограда. В нескольких метрах от домиков на воде покачиваются лодки. Они большие — на четыре, пять, шесть человек, имеют стационарные моторы, а многие и мачту с парусом.

Это — причал рыболовов Ильичевска, центр жизни большого коллектива, во главе которого стоит выбранный совет. Вместе с Антоном Антоновичем мы познакомились здесь с морской рыбалкой, узнали, как она интересна и трудна.

Владелец лодки, он же старшой команды, должен отлично знать мотор, правила судовождения, уметь управлять парусом.

Морская волна — грозная штука, к тому же в море нет ориентиров, чтобы, скажем, найти хорошее место лов-

ли. И видимо, прав один из одесситов, сказавший мне, что ужение в реке — детская забава в сравнении с морской ловлей. Не случайно выходить в море может лишь та лодка, в которой не меньше двух человек, и обязательно в паре с другой лодкой — в море всякое может случиться.

Получив свой курень, мы несколько дней вынуждены были ко всему присматриваться, поджидая председателя совета причала Воронича, уезжавшего в Одессу. Мы многое слышали об этом достойном человеке. Он — старый моряк, капитан дальнего плавания. В годы Отечественной войны командовал здесь же, на Черном море, минным тральщиком. В коллективе любителей рыбалки он прослыл отличным организатором, вел также большую военно-патриотическую работу в совете ветеранов.

Когда Воронич зашел к нам в курень, мы порадовались, что это еще очень сильный и подвижный человек.

Он сел на табуретку и предупредил:

— Завтра уйду в море.

— А нас возьмете?

Воронич помолчал, улыбнулся и только после этого ответил:

— Так я затем и пришел. В пять быть у моей «Баллады».

Так же просто решился вопрос и со снастями. Воронич вышел из домика и показал на два прислоненных к стене жестких удилица метра два длиной. Затем дал несколько «ставок» — метровых отрезков лески с двумя крючками и тяжелым грузилом на каждом.

Мы встали очень рано, когда светать еще не начинало. Около вахтерки — помещения, где у дежурного надо отметиться о выходе в море, — было ужелюдно и шумно. Спрашивали, где найти то «Сережу» или «Лиду», а то и самого «Ермака».

Мы еще накануне видели у въезда на причал список названий лодок — здесь были не только «Лида», но и «Лидочка», «Саша» и «Сашок», «Катюша», «Наташа», «Нюра», «Галочка»... — так рыболовы окрестили свои лодки в честь жен, детей и внуков. Не было недостатка и в громких названиях: «Гангут», «Диана», «Ермак», «Аскольд», «Очаков»...

Кто-то кричал:

— На банку! Кого на банку?

Это было непонятно, и Воронич пояснил:

— Команду набирает. Днестровская банка далеко,

бензина нужно много, а при полной команде расходы меньше.

Потом кто-то закричал в сторону лимана:

— Петро! Пистолеты взял?

Оказалось, что «пистолетами» называются те донные снасти, которыми Воронич снабдил и нас.

Сборы заняли немало времени — ведь нельзя ничего забыть, все в лодке надо уложить так, чтобы в море было легко найти. Потом оказалось, что вдоль берега тянулась полоса густых водорослей. Пройти их на моторе нельзя — намотаются на винт. И вот метров четыреста мы гребли огромными и тяжелыми веслами. Когда началась чистая вода, мотор «Баллады» заработал, и она вышла из Сухого лимана.

Наконец мы в море! Переваливаясь с одной небольшой волны на другую, лодка взяла курс на банку, которая узкой и длинной каменистой полосой тянется в нескольких километрах от дельты Днестра. Здесь, по словам Воронича, огромное скопление бычков всех видов.

Банку нелегко найти даже опытному моряку: сотня метров — расстояние, о котором не говорят, а ошибешься, и банка вместе с бычками окажется где-то в стороне.

Когда Санджейский маяк остался далеко позади, наш старшой подал команду:

— Приготовить кодол!

Для нас уже не было тайной, что кодол — это просто-напросто якорная веревка (от всех прочих веревок она отличается лишь тем, что очень длинная) и что команда «Трави кодол» означает «отдай» или «отпусти» эту самую веревку. Старшой подавал и другие сугубо морские команды. Мы их понимали, потому что не зря несколько дней крутились на причале.

Спуск якоря был доверен мне. Кодол хранился в носу лодки, под люком. Я открыл люк, поднял якорь и стал выбирать кодол. Когда покончил с этим, Воронич выключил мотор и скомандовал:

— Отдать якорь!

Якорь пошел в прозрачную воду, за что-то крепко зацепился, и кодол натянулся: течение сильное, оно быстро сносит лодку. Без промедления за борт пошли уже давно приготовленные «пистолеты», на крючках которых были насажены креветки. Грузила легли на дно, лески натянулись.

— Вы дно грузилами чувствуете? — спросил Воронич.

Мы ответили, что наши грузила стучат о что-то жесткое. Оказалось, это — хороший сигнал. Значит, под нами камни, что очень важно: одесситы даже говорят — были бы камни, а бычки найдутся.

И вот на кончик моего удилица передалось два резких рывка. Я подсек и подвел к борту черного бычка — головастого, ошетилившегося. К моему удивлению, он — не как наш ерш — оказался мягким, будто плюшевым. Это был бычок-кругляк, который за свои вкусовые качества ценится выше других местных разновидностей бычка — кнута, ширмана, песочника.

За первыми поклевками последовали новые, и мы с Антоном Антоновичем свои книжные знания о бычках быстро дополнили прямыми наблюдениями за этой распространенной промысловой рыбой.

Бычки имеют характерный признак: брюшные плавники у них срослись, образуя присоску, с помощью которой им легче удерживаться в среде обитания — на дне в прибрежной зоне.

Ловят бычков большей частью на донную удочку, применяя в качестве насадки креветку, кусочки рыбьего мяса, морского червя. Крючок обязательно должен иметь длинное цевье: бычки берут насадку энергично, глубоко ее заглатывают, отчего извлекать короткий крючок затруднительно.

— Насадка у нас хорошая, — приговаривал Воронич, чаще, чем мы, отцепляя добычу. — Вообще запомните, ребята: каков рачок, таков и бычок. Другими словами: свежий ему нравится, а если начал портиться, его возьмет только голодный бычок...

Все же клев ему показался слабым, и через часок он дал команду:

— Трави кодол. Пять метров.

Я сделал это, и лодка тут же сдвинулась течением на новое место, где клев улучшился, но ненадолго.

Так мы продолжали передвигаться пятиметровыми — в длину лодки — «шагами» до края банки, а потом я стал укорачивать кодол на такую же длину, и «Баллада» проделала обратный путь. Такое двойное облавливание места, где на дне стоит бычок, показалось нам, москвичам, довольно эффективным. Но, когда мы сказали об этом Вороничу, он только улыбнулся, дав понять, что видел кое-что и поинтереснее.

Как бы там ни было, мы были искренне благодарны

ветерану за удачу на своей первой морской рыбалке, оказавшейся для нас очень памятной.

С бычками в Одессе мы встретились еще раз — на Привозе, главном рынке огромного города. Здесь — богатый выбор овощей и фруктов, но, пожалуй, больше всего рыбы. Всякой — свежей, соленой, вяленой, копченой, скумбрии, пеламиды, луфаря, калкана... Особенно оживленно в углу, где торгуют бычками. Если здесь постоять и послушать, то можно подумать, что бычок — главная рыба если не в Черном море, то во всяком случае на столе одесситов. Несколько десятков человек, на руках которых висят связки разномастных ширманов, кругляков, кнутов, на все голоса кричат:

— Бычки! Бычки! Бычки!

ЛУФАРЬ

Море притихло, за бортом «Баллады» плескались совсем маленькие волны. Уже час мы шли в район, где можно было встретиться с луфарем.

— Сбавить обороты! — наконец скомандовал Воронич. — Снасти за борт!

Как и в первый выезд, наш старшой сидел на корме, у руля, Антон Антонович — на носу, а я — с правого борта.

Мы начали медленно поднимать и опускать концы мощных спиннингов. Когда прошли сотни две метров, Антон Антонович быстро заработал рукояткой катушки и извещил:

— Рыба!

Значит, «Баллада» все-таки встретила со стаей. И верно: на крючках поднятого Антоном Антоновичем самодура трепыхалась пара ставридок. Вскоре и моя леска передала несильные толчки ставриды, косяк которой шел на глубине более сорока метров. Я снимал добычу, когда Воронич крикнул:

— Подбурок!

Еще не понимая в чем дело, я схватил багор и приготовился помочь. Конец удилища у Воронича вело то в одну сторону, то в другую, но рыбы в этот раз мы не дождались — она сошла.

Потом Антон Антонович, держа в вытянутой руке самодур, на котором болталось несколько головок от ставриды, недоумевал:

— Это почему же?

Старшой посмотрел на него и сказал, что это проделки луфарей, ворвавшихся в стаю ставриды, и велел поставить ставку с более толстой леской.

Я тотчас же убедился, как он прав: вслед за сильным толчком моя рука, державшая удилище, резко ощутила легкость, значит, рыба ушла вместе с грузилом. Дело было в том, что на моей ставке стояла леска для ловли ставриды, а не луфаря.

Снасти были мгновенно сменены. «Баллада» на малых оборотах кружилась все там же.

— Багор! — закричал на этот раз Антон Антонович.

Через минуту он подвел к борту полуметровую рыбину с зеленовато-синей спиной, серебристым брюхом и мощной, выдвинутой вперед челюстью, усеянной редкими зубами, среди которых виднелись клыки. У основания грудных плавников темнело по пятну. Это и был луфарь. Я помог приятелю — подбагрил его. Потом луфаря поймал и старшой.

На крючки наших самодуров иногда еще попадались ставриды, но то и дело кто-нибудь просил помочь багориком. Ставрида старалась спастись в глубине, но хищники тоже опускались все ближе ко дну.

Луфарь не обходит своим вниманием и других рыб — скумбрию, сельдь, сардину, хамсу, саргана. Выбор зависит от величины самих луфарей в стае — чем они крупнее, тем крупнее и жертва. Порой бывает так: за стайей хамсы охотится ставрида, а за ней — луфарь. Он крайне прожорлив, считают даже, что губит рыбы больше, чем съедает. Может быть, за это да за клыки луфаря называют морским волком.

Тело луфаря удлиненное, несколько сжатое с боков, чем он похож на судака, с двумя спинными плавниками. Он достигает более метра в длину, а по весу до 15 килограммов. Это стайная рыба, обычно держится у поверхности моря, большей частью в прибрежных районах. В нашей стране водится в Черном море, встречается в Азовском море и является промысловой рыбой.

Обычно мы возвращались с моря поздно вечером. Тогда в нашем улове была ставрида, скумбрия или бычки. А в день, когда так повезло с луфарями, вернулись рано. На причале, кроме вахтера, никого не оказалось, и, признаться, мы пожалели об этом: как же в коллективе узнают о нашем улове?

Впрочем, что наш успех! В те же дни в одной из центральных газет мы прочитали заметку о том, как уди-

ли луфаря любители-рыболовы из экипажа океанского траулера: «Когда раскаленное тропическое солнце спешило окунуться в ленивые волны океана, на судне поднимался веселый переполох. Все свободные от вахты моряки готовились к ловле луфаря на крючки. А штурмапы вели судно к отмели, где обычно держится эта рыба. Ночью в Центральной Атлантике тралом много не наловишь. Поэтому суда становятся на якорь или ложатся в дрейф. Этим и пользуются страстные рыболовы. Рассыпавшись по бортам, они с нетерпением ждут остановки траулера. Кто первый вытащит сине-зеленого хищника из океана? Нанизав на крючок ставриду, рыболовы ждут. В зеленовато-мутной воде на наживку нападают 6—7-килограммовые красавцы. С большим уловом всегда были не только мастера ужения, но и те, кто брал удочку в руки лишь за компанию».

После ухи, на которую пошел самый большой наш луфарь, мы разлеглись на маленьком пляже, тянувшемся около причала, — хотелось отдохнуть, понежиться на теплом песке. Воронич делился своим опытом охоты на луфаря:

— В Атлантике этого хищника ловить не доводилось, а вот спиннингом прямо с берега брал. Если на море штиль, а где-нибудь в одном месте — рябь, значит, туда надо спешить. Эта рябь всегда верный признак косяка хамсы, которую снизу бьют луфары. Такое место видно издалека: к нему слетается масса чаек, они хватают выпрыгивающую рыбу. Какая блесна нужна? Продолговатая, светлая, ныряющая. Вести ее надо поверху: ведь, даже схватив блесну, луфарь у берега не уходит на дно. Поклевку рука воспринимает как сильный удар, блесну он хватает жадно, будто вечно голоден. У него костистая пасть, поэтому подсечку надо делать довольно энергично. Это для спиннингиста завидная добыча: луфарь очень ловок, плавает быстро, а попав на блесну, упорно сопротивляется. Обязательно нужен стальной поводок — у луфаря острые зубы, и он часто перекусывает леску. Стая луфарей на месте никогда не стоит: она подходит, учиняет разгром, а затем преследует жертвы. Если море спокойно, а вода прозрачная, поймать луфаря трудно — он идет за блесной до берега, но не берет...

— В каких местах его надо искать, если ловить с берега? — спросил Антон Антонович.

Воронич улыбнулся: он понял, что москвич собирается побродить со спиннингом.

— Видишь ли, луфарь — бродяга. Нереститься уходит в Мраморное море, молодь возвращается к нам, в Черное море, и растет, как говорится, у нас на глазах. Влечет луфаря к устьям рек, впадающих в море, здесь скапливается мелочь, ему есть на что поохотиться. Доводилось ловить и с пирсов, правда, в течение всего пескольных минут: стоя мелочи уходит, а вместе с ней уходит и луфарь...

Антон Анатонович слушал все это внимательно, многое переспрашивал.

Отдых получился затяжной, после него пришлось поторапливаться с выходом на ловлю креветки для завтрашней рыбалки.

ЗА СТАВРИДОЙ

Пошла вторая неделя нашего пребывания в беленьком домике на берегу Сухого лимана. Вечером Воронич, как всегда, объявил «расписание» на утро:

— Уходим в море за ставридой.

Найти эту рыбу в море трудно — она мигрирует на большие расстояния. Однако мы надеялись на большой опыт старшего и были уверены, что с пустыми руками не вернемся.

Отправились, как всегда, до восхода солнца. Через час впереди и чуть правее курса «Баллады» показались два баркаса. Посмотрев в бинокль, Воронич предположил:

— Рыбаки из колхоза. Видать, мотор отказал.

Когда мы подошли ближе к баркасам, то увидели, что один из них сильно накренился — бригада тянула на борт сеть с какой-то мелкой серебристой рыбой. На втором баркасе стояли два человека и выжидающе смотрели на нас.

— Отбуксировать? — спросил их Воронич.

Рыбаки обрадовались и бросили конец кодола. Кто-то из тех, кто тянул сеть, крикнул:

— Добрый человек! Отведешь наших, подойди сюда.

Когда мы вернулись, сеть уже вытянули и кряжистый человек, перепачканный чешуей от сапог до кепки, улыбаясь, подал мне ведро с рыбой. Это был живой, подпрыгивающий анчоус, или, как его еще зовут, хамса. Я передал ведро Вороничу, а кряжистый сказал:

— Держи!

И передал еще одно ведро анчоуса.

Когда «Баллада» легла на свой курс, старшой открыл пачку соли и пересыпал рыбу.

— Через полчаса можно есть.

И действительно, через полчаса мы ели мягких, будто таявших во рту анчоусов. Часть рыбы из второго ведра мы раздали командам других лодок, шедших невдалеке, а часть оставили для насадки.

Анчоус — прибрежная рыба, кормится мельчайшими организмами, плавающими в толще воды. Живет стаями, является основной добычей многих хищных рыб, а также дельфинов, птиц и крупных моллюсков. Осенью, во время выхода из Азовского моря в Черное, чтобы зимовать на его глубине, около Керченского пролива собираются огромные стаи скумбрии, саргана и других хищников. Они приходят сюда, чтобы вдоволь покормиться анчоусами.

Растут анчоусы быстро и уже на первом году нерестятся, но живут всего три года, нагуливая 22—28 процентов жира. Высокие качества мяса анчоуса делают его ценной промысловой рыбой. Однако, чтобы анчоус был вкусным, его нужно уметь приготовить. Иначе это будет та самая ржавая рыбешка, которую на прилавках гастрономов порой никто не покупает.

Воронич, не отводя глаз от бинокля, бросил Антону Антоновичу:

— Прибавить ходу! Чайки на косяк хамсы напали, а снизу за ним ставрида охотится.

Мотор «Баллады» взревел, и мы издали увидели массу чаек. Они, охотясь за хамсой, вились над одним местом, то падая на море, то взлетая.

Однако, когда лодка подошла к этому месту, чайки уже не летали. Сытые, отяжелевшие, они, как маленькие белые кораблики, покачивались на волнах.

— Ушла хамса, а с ней и ставрида, — досадовал Воронич. — Но милях в трех отсюда есть вежа. Ставрида любит ходить вокруг нее, как и вокруг других предметов, которые стоят или плавают в воде.

«Баллада» резко развернулась в сторону солнца. На море стали вспыхивать большие и яркие блики, словно кто-то на мгновение включал электролампы. Вот и вежа — огромный металлический буй с трехметровым штырем, на вершине которого вечером загорается свет. Антон Антонович перевел мотор на самые малые обороты. За борт пошли три самодура. «Баллада» обошла вокруг

буя один раз, второй, третий, а поклевок мы так и не ощутили. Старшой приказал бросить якорь.

Опуская за борт «пистолет», я увидел плывущую медузу ризостому. Она куда-то спешила по своим неотложным делам, а рядом, то подплывая под ее купол, то выбираясь из-под него, плыл пяток ставридок с бирюзовыми спинками. Неподалеку и чуть дальше плыло еще несколько ризостом, и каждая со своими трех-четыре-сантиметровыми ставридками.

Медуза, этот студенистый полупрозрачный кусок бледного цвета, хотя и простейшее, но все-таки животное. С ее купола свисают щупальца, в центре которых есть хоботок, а на конце его — ротовое отверстие. По краям купола расположены органы чувств. Плышет она реактивным способом — сокращая купол и выталкивая из себя воду.

Ризостома — хищница, кормится микроскопическими организмами и небольшими рыбками, которых ловит своим способом: в пойманную щупальцами рыбешку множество ее «крапивных» клеток впрыскивают ядовитую жидкость, парализуя жертву. Эти клетки тянутся только по краю щупалец, сам же купол безопасен. Ставридки научились ловко увертываться от обжигающих клеток и разве лишь случайно могут попасть в объятия щупалец ризостомы. Заходят же рыбешки под купол ризостомы, чтобы спастись от хищника, а если удастся, то кое-что и урвать со стола хозяйки.

К лодке подплывали все новые и новые медузы. Купола некоторых из них были повреждены: это взрослые ставриды отрывают от них кусочки. Такова, выходит, их благодарность за спасение от хищников, за помощь в кормежке!

Какая-то серенькая птичка со светлым брюшком бесстрашно села на кончик моего удилища. Я присмотрелся: мухоловка. Наверное, она устала и вот отдыхает. Вибрирующее удилище ей, видимо, показалось неудобным местом, и она перелетела на вершину мачты. Потом вокруг моей головы взвился пузатый шмель. Когда он куда-то улетел, появились оса и бабочка. Что их занесло сюда, в такую даль от берега?

Наконец я почувствовал толчки, а удилище стало тяжелее. Начал подматывать леску, и в зеленоватой воде заблестела одна ставрида, вторая, третья... Когда самодур оказался на борту, я насчитал в гирлянде девять штук — только один крючок вышел из моря пустым. Та-

кие же живые гирлянды вытащили и Воронич с Антоном Антоновичем.

Самодуры по второму разу ушли в море, и все повторилось. Так мы ловили, пока наш старшой не распорядился:

— Суши снасти!

На обратном пути, прислонившись к борту, я отдыхал, рассматривал улов, вспоминал, что читал о ставриде раньше.

Ставрида — стайная рыба, хищница. Ее корм составляют мелкие рыбы, ракообразные, медузы. Зимой она почти не кормится, только к апрелю поднимается к поверхности моря и начинает активную жизнь.

Выловленные нами рыбки казались одинаковыми: глаза на удивление большие, длинное, до 25 сантиметров, тело у хвоста резко сужается, верх его синевато-зеленый, а низ — серебристый, хвостовой плавник широкий.

Охота ставриды на хамсу — дело обычное, однако не всегда успешное для хищника. Завидя опасность, хамса сбивается в плотное скопление, и, пока ставриде не удастся разбить его, она не может поживиться. У ставриды тоже есть враги — на нее охотятся более крупные хищники: пелагида, луфарь, скумбрия, и ей самой приходится сбиваться в стаю. Таково одно из проявлений защитного значения стаи.

...Впереди по курсу «Баллады» резко обозначался Ильичевский маяк. Около него мы входим в Сухой лиман.

КОЛЬЧАТЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ

К концу второй недели забушевал шторм. О рыбалке нельзя было и думать: лодкам запретили выходить в море. По утрам в те дни одна половина жителей Черноморки, как всегда, спешила на виноградники и огороды, другая медленно шагала на процедуры, а потом к пляжу.

В ожидании погоды курортники часами простаивали на берегу, наблюдая, как волны валились на чистый, влажный и потому темный песок, гладко уложенный и полого уходивший в воду. Отходя, волна облизывала его и уступала место другой волне.

На третий день нам с Антоном Антоновичем надоело ждать у моря погоды, и мы связались с начальником причала:

— В лимане можно рыбу ловить?

— Можно, конечно: бычков, ставриду, даже кефаль.

Антон Антонович загорелся:

— Это про нее Марк Бернес пел: «Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил»?

— Про нее, — ответил начальник причала, почему-то вздохнув.

Он посоветовал ловить с мостков коротенькой поплавочной удочкой на нереиса. Выслушав еще с десяток наставлений, мы успокоились: может, даже хорошо, что бушует шторм, — половим кефаль.

Однако сначала из ила дальнего угла лимана предстояло извлечь нереисов. Ученые называют их иначе — кольчатыми червями из класса многощетинковых, но сходятся с удильщиками в том, что нереис — деликатес для любого вида морской рыбы.

Мы отправились за ним, захватив лопату и ведро. Зайдя в воду по колено, лопатой следовало черпать ил и вываливать его в ведро, а потом нести к берегу и тонким слоем располагать на ровном месте. Не появив, как вести себя в новой обстановке, нереисы станут энергично изгибаться, видимо в надежде удрать, чем и обнаружат себя. Тут их надо хватать и класть в банку. Просто? Да, мы с Антоном Антоновичем тоже подумали, что это просто.

Я вызвался первым зайти в воду... Илистое дно началось только через несколько десятков метров, сплошь усеянных острыми камнями. Подцепив первую лопату, я стал поднимать ее на поверхность. Однако эта простейшая операция не удалась — весь ил соскользнул в воду. Правда, удалось определить его цвет, очень черный, и запах, очень противный. Я сделал еще с десяток попыток донести ил до ведра и каждый раз терпел неудачу: лопата появлялась над водой совершенно чистой.

На память пришел Сизиф. Конечно, поднимать в гору огромный камень тоже дело не легкое. Но ведь у камня не было того противного запаха, который шел от ила, так полюбившегося представителю многощетинковых. К тому же Сизиф страдал за какую-то провинность, а я ни в чем не виноват...

— Двумя руками надо работать, — подал с берега совет Антон Антонович.

Я последовал совету: прикрепив ведро к резинке трусов, взял лопату двумя руками и еще раз попытался зачерпнуть ил. И опять потерпел поражение.

— Черпай горстями! — вновь крикнул Антон Антонович.

Я опять послушался, но ничего не добился: ил ловко проскальзывал между пальцев. Зловоние стало гуще: его выпускала уже вода, вокруг меня она стала почти такой же черной, как ил.

Окончательно разозлившись, я уже сам скомандовал Антону Антоновичу:

— Найди консервную банку!

Любой берег этим добром богат, и через минуту я ловко поймал жестянку с наклейкой «Бычки в томате». Дело, казалось, продвинулось, ведро до половины я наполнил, но из него на берегу набралось лишь пяток нерейсов.

— Теперь твоя очередь, — попытался я всучить приятелю ведро и консервную банку.

— Давай сначала попробуем ловить на эти твои драгоценности, — ответил он, пытаясь таким способом уклониться от неприятной процедуры.

— Ни одной штуки не получишь!

— Ну и бог с ними, а заодно и с кефальями. Помнишь, Цицерон сказал: «Жить надо не ради рыбалки, а рыбачить ради жизни».

— Древнеримский оратор сказал это не о рыбалке, а о еде, — возразил я. — К тому же ты сам говорил в Москве, что кефаль — твоя голубая мечта... Как хочешь, я приступаю к делу.

Глубина под мостками три метра, дно сильно захламлено. Выполняя инструкции начальника причала, с трудом я расстелил на нем половинку попавшей под руку газеты. На нее выплеснул выклянченные у незнакомого рыболова остатки ухи и бросил несколько вдрызг раздавленных бычков. Это была прикормка.

Затем я растянулся на мостках и стал наблюдать. Удочка — верхнее колено длиной метра полтора — лежала около головы, рядом стояла банка с любителями противного ила. Долго ничего не появлялось, и мои наблюдения сводились к разглядыванию валявшихся на дне битых бутылок и ржавых банок. Потом пришла стайка атерин — рыбок длиной всего в несколько сантиметров. Хорошо, что они кормятся планктоном и не могут клюнуть: вытащи такую, и Антон Антонович, загоравший неподалеку от мостков, совсем бы меня просмеял.

Лежать надо было не шевелясь и тихо, словно йогу.

Это походило на новое наказание, тем более неприятное, что продолжалось оно больше часа.

Тем временем атерин становилось все больше. Они сновали над газетным листом и подбирали остатки ухи. Наконец появились большие рыбы с темными спинами. Пытаясь получше рассмотреть их, я навис над мостками, неосторожно повернулся и в тот же момент плюхнулся в воду. Занемевшие руки и ноги не сразу заработали, и я опустился на дно. Вынырнув, увидел подскочившего Антона Антоновича.

— Не мучь себя, — потребовал он, за руки подтягивая меня на мостки. — Может, кефали тут и нет совсем.

Демонстративно пропустив эти слова мимо ушей и думая об увиденных крупных рыбах, я насадил на крючок самого энергичного нерейса, осторожно опустил его и опять вытянулся вдоль мостков. Поплавок встал в какой-нибудь четверти от моего носа.

Вскоре он нырнул, и в моих руках затрепетала кефаль, переливаясь серебром.

После этого поплавок несколько минут стоял неподвижно. Потом под мостками опять начали мелькать темные спины, и поплавок нырнул. Так продолжалось с полчаса, но тут, войдя в азарт, я смахнул с мостков банку с оставшимися нерейсами. Рыбалка кончилась, и мне оставалось осмотреть свой улов.

Известный английский писатель Джеймс Олдридж в одной из своих книг указывает, что кефаль «встречается почти всегда стаями, преимущественно в местах с песчаным дном, а также там, где есть редкие водоросли... Питаются стаи этой рыбы на дне, ближе к берегу. Они плавно и грациозно ныряют на песок в поисках пищи, заглатывают то, что находят, и вновь поднимаются над дном. Вся стая беспрестанно находится в движении, как бы перекатывается по дну... Вы непременно заметите, что вся рыба, следуя за своим вожаком, придерживается своеобразной групповой тактики, и пока одна рыба заглатывает пищу, уткнувшись носом в дно, другая, сопутствующая ей, держится в эту секунду настороже, как бы охраняя первую, занимающуюся едой».

Я, конечно, не успел заметить всего, о чем пишет Олдридж, но теперь уже мог сказать, что знаю кефаль не понаслышке.

Тело кефали окрашено в серебристый цвет. Голова небольшая, но широкая, рот — маленький. Есть характерный признак — первый спинной плавник имеет лишь

четыре луча, соединены они тонкой перепонкой. В морях нашей страны водится четыре вида этой рыбы: в Черном и Азовском — лобан, сингиль и остронос, а в Японском — пиленгас. В Каспийском море советские специалисты успешно акклиматизировали сингиля и остроноса. Здесь они чувствуют себя даже лучше, чем на родине, и достигают большего веса.

Все кефали — ценные виды рыбы. Из дошедших до наших времен греческих и римских сочинений видно, что они ценились еще много веков назад, за ними тщательно наблюдали. Наверно, не случайно слово «кефаль» в некоторых странах было даже названием денежной единицы.

Утром следующего дня я пришел к мосткам один — Антон Антонович попросился в чем-то помочь Вороничу — и увидел здесь незнакомого рыболова. Мне очень хотелось сказать ему, что забрался он на чужую территорию, что место прикормлено. Но благоразумие взяло верх, и, отойдя от мостков, я стал наблюдать. Незнакомец заметил меня, подошел и дружелюбно представился:

— Иван Игнатьевич. Говорят, что море — это вода плюс рыба. При этом воды больше, а рыбы меньше. И все же, думаю, кефали здесь хватит и вам, и мне.

Я молчал.

— Видел, как вы вчера ловили на нерейса. У меня насадка не хуже, а в грязи не копаюсь. Уже третье лето на нее ловлю. Берите! — Иван Игнатьевич протянул свежую ставриду, с которой кожа была снята, а кости выбраны.

Я не принял подарка. Тогда он отщипнул небольшой кусочек, насадил на крючок и улегся на моем месте вдоль мостков. Едва поплавок занял вертикальное положение, последовала поклевка. На крючке кувыркалась кефаль.

Поймав еще две штуки, Иван Игнатьевич обернулся ко мне:

— Как видите, кефаль довольна. А вы все еще сердитесь? Почему?

— Да потому, что вы опоздали появиться здесь, — со смехом наконец заговорил я. — Это по вашей вине я в поисках нерейсов терпел адские муки.

Пожав руку Ивана Игнатьевича, я демонстративно бросил нерейсов в воду.

Шторм не утихал еще два дня, и еще два дня мы ловили кефаль. Мы — это Антон Антонович, Иван Иг-

натьевич и я. Хотя и не привели в Одессу шаланд, полных кефали, но остались довольны.

Иван Игнатьевич оказался бывалым удильщиком, интересным собеседником.

— Я ловил кефаль года четыре тому назад, когда лечился в одном из санаториев Хосты, — рассказывал он. — Каждый день с удочкой ходил на волнорез и только однажды отвел душу. В тот теплый и ясный день, поглядывая на поплавки, которые покачивала мелкая волна, вдруг услышал восторженные крики с берега. Они были вызваны появлением в море двух дельфинов, вскоре приблизившихся к берегу. Иногда они высовывались из воды и как бы рассматривали друг друга, а потом снова исчезали. Через две-три минуты со стороны моря появилась целая стая дельфинов. Образовав полукольцо, они гнали косяк кефали, направляя его между двумя волнорезами. Здесь дельфины замкнули кольцо и стали пировать. Насытившись, направились в сторону открытого моря. И вот, когда дельфины отплыли от берега, начался клев. Он продолжался не более двадцати минут, но этого времени оказалось достаточно, чтобы я и другие рыболовы поймали десятка по два хороших кефалей.

Иван Игнатьевич добавил, что на следующий день об этом случае в Хосте можно было услышать самые невероятные разговоры. Больше всего судачили о том, что дельфины преподнесли рыбакам кефаль прямо-таки на серебряном блюде. Местная газета напечатала размышления о «разумности» поступка дельфинов.

Иван Игнатьевич относился к таким суждениям как к домыслам. И мы были согласны с ним.

Рассказы о том, что дельфины «помогают» людям ловить рыбу, дошли до наших дней из древности. Римский ученый Плиний Старший, живший в первом веке нашей эры, в своей «Естественной истории» описал случай, когда дельфины заперли косяк кефали на мелководье и не позволяли ему выйти до тех пор, пока люди не кончили ловить.

Старые удильщики, живущие на Черноморском побережье, знают, какой успешной бывает ловля, скажем скумбрии, если есть «помощник» — дельфин. Он прижимает косяк к берегу, молу или волнорезу и не дает ему уйти. Скумбрия мечется и в это время хватает все, что попадает в поле ее зрения, в том числе, конечно, и насадку.

Получив такую «помощь», любители ужения и промысловики с благодарностью поминают дельфинов, даже делятся с ними частью добычи, словно забывая, что эти животные сами могут наловить рыбы достаточно для своего пропитания, притом быстрее людей.

Собственно этим — добыванием пищи для себя, а не желанием дельфинов помочь людям — и объясняются все те случаи, о которых идет речь. Окружить косяк дельфинам проще там, где мелко, то есть около берега. А здесь чаще всего и бывают со своими снастями люди, и как только дельфины, закончив охоту, уходят, рыба начинает клевать лучше, хотя бы потому, что ее в этот момент около берега скапливается больше, чем обычно.

Как бы там ни было, а мы с Антоном Антоновичем благодаря кефали приобрели еще одного доброго знакомого, пытливо вглядывающегося в родную природу.

«ВАСЕК» И ВАСЬКИ

Баржа «Саламандра» широченным животом лежала на дне совсем близко от берега. Причалила она здесь уже много лет назад, стала как бы частью пейзажа, и все хорошо к ней привыкли. И все же «Саламандра» продолжала нести службу — ту, которая ей была под силу. На ее палубе из досок построили большую будку, фанерной перегородкой ее разделили на две неравные части. В большей группками толпились рыболовы, ожидавшие разрешения на выход в море, а в меньшей сидел дежурный. В перегородке есть полукруглое окошечко, через которое общались между собой обе эти стороны.

Я пришел сюда еще до рассвета и один: Воропич опять уехал в Одессу, Антон Антонович не захотел отправляться в море со случайными людьми. Пробежав глазами по тем, кто стоял в очереди к окошечку, я остановился на пожилом человеке с открытым лицом. Рядом с ним стоял его компаньон.

— Берешь? — спросил я, хотя был полностью уверен, что нужен ему не меньше, чем он мне.

— Беру, — не задумываясь, ответил он. — Неси канистру. Фамилия моя Васильев. Лодка «Васек».

Канистра бензина — обычная плата за участие в рыбалке. Я быстро сходил на склад, купил горючее, нашел лодку и поставил канистру на корму. «Васек» казался очень старым, наверно, ровесником «Саламандры».

Когда я вернулся к будке, Васильев спросил:

— Адрес?

— Москва, Красносельская улица... — ответил я почему-то тихо и неуверенно: может, в последний момент Васильев откажется взять — ведь я не одессит.

Но он наклонился к окошечку и, наоборот, бойко бросил:

— Понимаешь, аж из самой столицы к нам пришпандорил. Видать, бойкий...

Потом Васильев, все еще соблюдая формальности, задал новый вопрос:

— В море ходил?

— Да.

Это была сущая правда, но Васильев, наверно, засомневался.

— Укачивает?

— Нет! И не только на вашем Черном море, но и на Белом и Баренцевом.

— Может, скажешь, что и кодольным бывал?

— Бывал. У Воронича.

Эта фамилия сразу решила все.

— Что ж ты раньше-то о нем не сказал? — теперь Васильев, похоже, сам был готов отчитываться передо мной. — Зовут меня Василием. Почти три десятка лет боцманом плавал. И под его, Воронича, началом довелось побывать. Пошли!

Почему-то я ожидал, что у Васильева имя — Васек, потому спросил:

— Это что же — в честь себя лодку «Васьком» называли?

— Нет, у меня сын Васек.

— Сколько же ему годков?

— Пятый десяток пошел. От него внук есть. Тоже Васек.

— А ему сколько?

— На третий десяток перевалило. От него правнук есть. Второй годик пошел. Тоже Васек.

Вот как оно выходило — одним именем четыре поколения обошлись, да еще и лодке оно сгодилося!

Мы отошли от причала всего сотню метров, когда «Васек» заплакал. Слезы по его бортам потекли как-то сразу и многими ручьями. Старый боцман откуда-то вытащил помпу. Таким устройством с полвека назад в москательных магазинах качали керосин из бочки в бидоны — для примусов и керогазов. Все устройство состоит

из жестяной трубы, расширенной вверху, и деревянной палки, которая ходит в трубе. И вот такой помпой Васильев стал по очереди с компаньоном откачивать черноморскую воду.

Через час я получил команду:

— Отдать якорь!

Якорь «Васька» — ржавая железка — так же мало походил на якорь, как он сам на крейсер. Но боцман всегда боцман.

К тому же отдавать якорь у одесситов принято с шиком: стоя на носу лодки. Ветер и волна сильно трепали «Васька», стоять было опасно, однако я держал марку, за что был удостоен похвалы.

Железяка сработала: «Васек» стал как вкопанный, и мы начали ловить. Вернее — ждать поклевки. Через полчаса боцман не вытерпел:

— Трави кодол!

Ветер был сильный, и, чтобы выполнить команду, я к носу «Васька» пополз на коленях. Очередным порывом ветра меня развернуло на мокрых досках, и я оказался спиной к носу лодки. Позор? Ничего подобного: в тех обстоятельствах боцману это показалось обычным маневром бывалого кодольного. Тем более, что я быстро исправил положение своего тела и пополз вперед.

Стравив десяток метров кодола, я благополучно вернулся на середину лодки. На новом месте мы поклевки тоже не увидели, и через полчаса боцман повторил команду. Теперь я пополз уже по-пластунски. Этот мой рейд к носу лодки принес пользу: наконец начались поклевки, и я вытащил морского карася. Формой тела он очень похож на серебряного: оно у него такое же высокое, сильно сжатое с боков. А вот окраска совсем иная: бока светло-желтые с серебристым оттенком, спина — темнее и имеет золотистый оттенок. С каждого бока, около грудного плавника и на хвосте, темнели пятна. И спинной плавник у него иной, чем у серебряного карася: длинный, тянется почти от головы до хвоста. У морского карася есть и другое название: ласкирь. Когда он открыл рот, я засмеялся: в нем торчали широкие долотообразные зубы. Они казались чужими, вставленными, притом неудачно.

Ласкирь — стайная рыба. Любит держаться среди покрытых водорослями скал, где ищет свою излюбленную пищу — рачков и моллюсков. Летом и осенью встречается около берегов, а зимой и ранней весной — в открытом

море. Обычно обитает около дна, но в поисках корма нередко поднимается в верхние слои воды.

Мы ловили «пистолетами» с глубины 15 метров. Ветер продолжал усиливаться, и лодку непрерывно мотало из стороны в сторону. Воды в ней набиралось все больше не только от течи: то и дело через борт заваливались гребни волн. На мне уже давно все промокло. Я, правда, снимал десятого ласкиря, но уже несколько раз порывался сказать, что надо мчаться к берегу, да побаивался: боцман мог посчитать это малодушием.

— Поднять якорь! — наконец распорядился старшой. Но было уже поздно: волна так швырнула «Васька», что кодол оборвался. Осталось пожалеть, что этого не произошло раньше.

Однако «Васек» шел не к берегу, а параллельно ему, к Санджейскому маяку. Но недолго — приятель боцмана закричал:

— Надо к берегу!

Боцман послушался: лодка изменила курс.

Берег в этом месте обрывистый и высокий. Под его защитой тянулась узкая полоса почти спокойного моря. Здесь можно было ловить, но все мы теперь едва успевали откачивать воду.

Едва мы сошли на причал, как дежурный через громкоговоритель сообщил:

— Ну, Васильев, все: в море больше не пойдешь — акт уже подписан. Так и передай всем своим Васькам.

В корму лодки бросили крюк, которым оканчивался трос, и включили береговую лебедку. Она неуважительно, задом наперед, оттащила «Васька» далеко от воды. Двое дюжих парней в тельняшках сняли мотор с рулем и отдали хозяину. Затем они обрушили на хилый остов лодки удары топоров.

Ничего подобного я не видел: старый боцман, прощаясь с «Васьком», не стыдясь слез, навзрыд заплакал. Что он теперь скажет всем остальным Васькам?

ЗАБЫТЫЕ РЫБЫ

Мы с Антоном Антоновичем сидим почти в центре города Колы, на берегу реки, которая тоже называется Колой, и ждем катер. Берега реки густо завалены огромными валунами, они устилают и дно ее, поэтому вода во многих местах бугрится. Протяженность реки неболь-

шая — менее чем через сотню километров она впадает в Кольский залив Баренцева моря. Нам кажется удивительным — река маленькая, а дала название огромному краю: ведь площадь Кольского полуострова — сто тысяч квадратных километров!

Город Кола — одно из древнейших селений полуострова: первое историческое упоминание о нем относится к 1565 году. Многие годы русские поморы ходили отсюда на промысел, плавали к Шпицбергену и Новой Земле. В XVI—XVII веках Россия вела через Колу оживленную торговлю с Англией и Голландией. Имеет она и свою военную историю. Во время русско-шведской войны 1589—1591 годов Кола успешно выдержала натиск противника. В 1854 году, в Крымскую войну, она подверглась бомбардировке с английских кораблей и сгорела, но попытка англичан высадить десант провалилась — небольшое воинское подразделение и местные жители разгромили его.

Точно в условленное время к нам подошел Александр Павлович Ефимов, капитан патрульного катера «Зоркий», с которым мы уже успели познакомиться.

Этого сотрудника местной инспекции рыбоохраны боятся не только браконьеры, но и те из капитанов судов, заходящих в Кольский залив, которые в иных местах не стесняются загрязнять воду. От капитана «Зоркого» это не ускользает, приходится платить штраф, и не из государственной кассы, а из собственного кармана. Так он, потомственный моряк, стоит на страже Кольского залива сейчас, в мирное время. А когда в этом краю шла война, он служил на торпедном катере и громил фашистские суда, рвавшиеся к Мурманску.

Нам разрешили отправиться с капитаном Ефимовым в очередной рейс, чтобы, если потребуется, помочь команде задерживать браконьеров, а в свободное время порыбачить.

«Зоркий» — катер из серии, построенной специально для борьбы с браконьерами. Когда подошли к танкеру и стали заправляться горючим, оказалось, что его нужно целых полторы тонны. Потом приняли тонну пресной воды. После этого катер вышел в залив.

У Кольского залива крутые, скалистые берега, изрезанные бухтами. Они голые — растительность, да и то тундровая, есть только в расщелинах и низинах и обычно тянется узкими полосами.

— Сальный, — сказал капитан и рукой, в которой держал бинокль, показал на остров.

Это был скорее огромный валун, положенный на дно залива, — только макушка его торчит из воды. Берега у Сального крутые, и лишь с одной стороны есть пологий подъем.

Потом мы прошли еще несколько островов: Екатерининский, Полярный, Седловатый и самый дальний — Торос. Они во многом похожи друг на друга, разнятся лишь величиной или формой: одни почти круглые, другие — овальные.

У острова Торос начинается Баренцево море. Капитан запросил «добро», и мы стали прислушиваться к его радиоразговору. Далекий голос рассказал про обстановку, и наконец из динамика раздалось то, что мы с нетерпением ждали:

— «Зоркий»! Даю «добро»!

Высунувшись из рубки, капитан широко улыбнулся: его тоже влекли к себе просторы.

Словно в награду нам с Антоном Антоновичем, браконьеры «Зоркому» не попадались. Можно было заняться рыбалкой. Через несколько часов катер лег в дрейф.

Капитан сказал, что катер остановился над банкой, глубина под ним шестьдесят метров — самая лучшая для ловли.

Антон Антонович первым опустил блесну. Когда она достигла дна, глубина действительно оказалась равной шестидесяти метрам. Долго «играть» ему не пришлось: через минуту он резко, с широким размахом подсек и начал подматывать. И не стал забрасывать, хотелось посмотреть, что поймал приятель. На палубе забилась рыба весом килограмма три.

— Сайда, — сказал капитан, посылая за борт свою блесну.

Сайду вполне можно назвать красавицей. Верх головы и спина у нее темные: оливково-зеленый цвет переходит здесь в черный, бока — серые, а брюхо блестит серебром. Но особенно красива форма тела — линии плавные, законченные, нет ничего, что может показаться лишним. Сайда имеет три спинных плавника, нижняя челюсть немного выдается вперед, на ней есть маленький усик. Она относится к семейству тресковых, распространена в губах Кольского полуострова и юго-западнее берегов Новой Земли, встречается и в Белом море.

В феврале — марте уходит к берегам Норвегии на нерест. Затем возвращается для нагула, а молодь сюда добирается не сама — ее приносят воды теплого течения. Специально сайду промысловики не ловят, ее сдают в качестве прилова. Все считают, что мясо этой рыбы хуже, чем у трески и тем более у пикши.

Мне было известно, что сайда держится больше всего в толще воды, а не на дне, но капитан почему-то «играл» своей блесной пад дном.

— А потому, что мы решили ловить не сайду, а пикшу, — ответил он на мой вопрос. — Пикша — донная рыба.

И верно — первым же трофеем Ефимова стала пикша.

Я взял трепещущую рыбу в обе руки и снова залюбовался. Спина у нее темно-серая с фиолетовым отливом, на светлых боках по два больших темных пятна, брюхо — белое, верхняя челюсть выдается вперед. Как и сайда, пикша имеет три спинных плавника, а на нижней челюсти небольшой усик. Рот у пикши маленький: она кормится главным образом моллюсками, червями, ракообразными и только изредка — мелкой рыбой. Водится она тоже в Баренцевом и Белом морях, нерестится около норвежского побережья, а частью в Мотовском заливе. Лучшее время ловли и пикши и сайды — летние месяцы, когда они возвращаются для нагула.

По вылову в Баренцевом море пикша занимает второе место после трески. Она относится тоже к «постным видам» и используется в диетическом питании: в ее нежном мясе, имеющем легкий привкус краба, всего 0,2 процента жира.

— Впрочем, друзья, названия «пикша» и «сайда» скоро будут известны разве только ученым-ихтиологам, — с огорчением добавил к своим пояснениям капитан. — Торговые организации принимают от промысловиков ту и другую рыбу как треску, по одной цене с ней, перед продажей их не сортируют. Вот и получается, что люди забывать стали пикшу с сайдой.

«Зоркий» сносило усиливающимся ветром, ловить становилось все труднее: то и дело наши лески не доставали дна, и приходилось менять место. Поэтому капитан решил встать сначала с подветренной стороны острова Торос, потом мы пошли под защиту острова Седловатого.

Во время дрейфа здесь мы встретились еще с одним «островом» — так выглядело на поверхности моря огромное скопление сидевших почти вплотную друг к другу чаек. Чайки вели себя тихо, и весь их белый «остров»

размеренно покачивался на небольшой волне в километре от катера.

И вдруг там начался невероятный галдеж, усиленный резкими криками сотен новых чаек, подлетающих к «острову» со всех сторон.

— Косяк песчанки подошел, — объяснил причину птичьего переполоха капитан. — Сайда с пикшей охотятся на песчанку, подняли ее к поверхности моря на утеху прожорливым чайкам. Нам надо туда же идти, там пикши много.

Слова капитана подтвердились: рядом с горланившим «островом» мы ловили очень хорошо.

Вскрыв несколько добытых здесь пикш, я извлек из их желудков еще совсем свежих песчанок — мелких продолговатых рыбок. В прибрежной зоне возле Кольского полуострова песчанка держится с июня по ноябрь, кормится зоопланктоном, рачками, икрой рыб. Любит песчаное дно — зарываясь в него, она спасается от хищников.

С недавнего времени эта рыбка-невеличка стала объектом промысла, в мировом океане ее ежегодно вылавливается около пяти миллионов центнеров. На свою беду песчанка не только вкусна и питательна, но и охотно идет на освещенное прожектором место в воде. Здесь ее ловят, как каспийскую кильку, рыбонасосами — по широкому шлангу вместе с водой втягивают на решетчатый настил палубы.

Чайки еще долго кружились около нас и лишь к вечеру стали перемещаться все дальше и дальше на север: туда уходила песчанка, увлекая за собой и хищных рыб.

«Зоркий» сразу не последовал за ними. Все на катере были довольны уловом. Кроме сайды и пикши ловилась треска, изредка — камбала, палтус, морской окунь.

На следующий день катер причалил к одному из островов, где у капитана было какое-то служебное дело.

— Попробуйте зубатку перехитрить. Очень хорошая рыба, — наказывал Ефимов мотористу Саше, оставляя его за себя.

«Зоркий» взял курс на север.

Мы с Антоном Антоновичем ловили спиннингом на большие и тяжелые блесны светлого цвета. Опускали их прямо у борта. Саша ловил несколько иной снастью: он привязал к леске большой крючок, а повыше его укрепил тяжелое грузило. Насаживал куски рыбы.

Наши блесны долго болтались где-то на глубине более 70 метров. Антон Антонович «соблазнил» пикшу, а я

камбалу. Долго ничего больше нам не попадалось. Но вот приятель будто выдавил из себя:

— Что-то тяжелое...

Удилище у него сильно гнулось, несколько раз приходилось сдавать леску. Наконец за бортом появилась громадная рыба. Я с большим трудом перевалил ее с помощью багорика на палубу.

— Зубатка! — воскликнул Саша.

— Видать, умная, — улыбаясь, сказал Антон Антонович. — Вон какой лоб-то у нее.

Действительно, голова у зубатки лобастая, чем-то похожая на кошачью, недаром в иных странах ее иногда называют морской кошкой. Русское название достаточно меткое: у этой рыбы очень мощные зубы, особенно клыки — они торчат изо рта. На человека она не нападает, но, будучи выловлена, может вцепиться в руку или ногу рыбака, даже прокусить сапог. Это не только вызывает боль, но и порой приводит к заражению крови. Значительную часть пищи зубатки составляют морские звезды, ежи, офиуры и моллюски. Мощными зубами она пользуется, чтобы отрывать от морского дна эти организмы, раздавливать и перетирать. Вот почему в качестве насадки при ловле зубатки рыбаки стараются применять мясо моллюсков. Окраска ее буро-коричневая, поперек тела много темных полос, а на спинном плавнике, как бы продолжение их, выделяются пятна. Эта зубатка так и называется — полосатая, или обыкновенная. Она порой достигает веса 10 килограммов и длины значительно больше метра. Обитает на малой глубине, в особенности летом, когда подходит к берегам. У нее довольно вкусное мясо, а кожа такая прочная, что из нее делают дамские сумочки и туфли.

Для нас же с Антоном Антоновичем, ловившим зубатку впервые, она была интереснейшим объектом охоты и нашего любопытства.

Итак, за три дня похода на «Зорком» мы ловили сайду, пикшу, треску, зубатку, камбалу, палтуса, окуня — о таком разнообразии добычи каждый рыбак-любитель может только мечтать!

Вообще за это путешествие мы совсем по-новому стали думать о Баренцевом море. Судите сами: билет на самолет нам обошелся чуть дороже, чем до Сочи, а рыбалка здесь не идет ни в какое сравнение с рыбалкой на Черном море.

Иные рыболовы заблуждаются, думая, что здесь стоят невероятные морозы и море постоянно покрыто льдом. Да, Баренцево море находится далеко за Полярным кругом, но половина его круглый год свободна ото льда, а Кольский залив вообще замерзает очень редко, так что местные рыбаки-любители могут ловить рыбу и зимой, и летом. Объясняется это потоком теплых вод, поступающих в Баренцево море из соседнего Норвежского моря.

Благодаря мощному течению и интенсивной циркуляции воды по вертикали, Баренцево море имеет хороший газовый режим. Даже в его придонных слоях кислорода обычно бывает много. В результате этого, а также достаточной солености и высокой температуры воды, его флора и фауна довольно богаты — они насчитывают около 2000 видов животных, в том числе 114 видов рыбы, и 370 видов растений. Это в несколько раз больше, чем, скажем, в Балтийском море.

Баренцево море широко сообщается с Мировым океаном, для него характерны сильные приливы и отливы. Об этом обязательно рыболовам надо знать. Высота прилива довольно значительна. В Кольском заливе она достигает 4 метров.

Когда вода уходит, обнажаются широкие полосы побережья. Рыболовы пользуются этим для сбора насадки — пескожила и капшака. В начале отлива надо взять снасти, лопаты, катер сменить на лодку и направиться в район, где скоро должен показаться из воды какой-нибудь остров. Бросив якорь, следует ждать, когда остров «вылезет» и лодка окажется на суше. После этого можно заняться заготовкой насадки. А когда начнется прилив и уровень воды повысится, можно поспешить на рыбалку...

Захватив своего капитана, «Зоркий» возвращался в Колу. Когда мы проходили мимо Мурманска, Ефимов сказал:

— Хорошее место для него выбрали.

Мы поняли, про кого он сказал — про Алешу. Так народ назвал огромную скульптуру солдата, у подножия которой горит Вечный огонь. Алеша стоит почти в центре Мурманска на высокой сопке и зорко смотрит туда, где в годы Отечественной войны шли ожесточенные бои. На нем шинель, плащ-палатка, каска, за плечом — автомат. К Алеше приходят, чтобы отдать дань глубочайшего уважения тем, кто защищал Мурманский край от фашистских захватчиков.

В предпоследнюю перед возвращением в Москву белую августовскую ночь мы с Антоном Антоновичем по извилистой мурманской улице спустились на берег залива. Невдалеке, среди работяг траулеров и огромных танкеров, выделялось своим необычным видом да и названием судно — белоснежный «Персей», принадлежавший Полярному научно-исследовательскому институту морского рыбного хозяйства и океанографии.

Мы знали, что это был уже «Персей»-внук. Первый «Персей», специально предназначенный для исследований северных морей, был построен в начале двадцатых годов после того, как по декрету, подписанному В. И. Лениным в марте 1921 года, начал действовать Плавморнин — Плавучий морской институт.

То судно имело деревянный корпус, а его маломощной машине помогали паруса. Строили его в очень трудных условиях. «Все, вплоть до последней гайки, было отыскано по бесчисленным пристаням Архангельска, — вспоминал впоследствии известный ученый С. В. Обручев. — В годы разрухи создание такого сложного организма при ничтожных средствах граничило с чудом».

«Персей»-I отлично послужил науке. Он плавал восемнадцать лет, участвовал в девяноста экспедициях. Его последний рейс был прерван 10 июля 1941 года варварским нападением фашистского бомбардировщика.

«Персей»-II был куда более совершенным судном, отлично оснащенным аппаратурой для научной работы, и плавал он до 1968 года уже не только в Баренцевом море.

Нечего и говорить, что «Персей»-III, которым мы сейчас любовались, во всех отношениях превосходил своих предшественников. Прежним оставался только флаг — на синем фоне семь звезд созвездия Персея.

С чудо-корабля на пирс сошел молодой человек спортивного типа. Поравнявшись с нами, спросил:

— Приезжие?

— Да.

— Москвичи?

— Да.

— Хотите рыбу ловить?

Мы поинтересовались, какую рыбу.

— Лабардана. Но только с условием: все, что наловим, вы возьмете себе.

— Почему? — удивился я.

— Видите ли, «Персей» недавно вернулся из экспедиции. Рыба мне очень надоела, а половить хочется.

Катер, с капитаном которого Павел, наш новый знакомый, был в дружеских отношениях, находился где-то за километр от «Персея», и мы без проволочек туда отправились.

— Почему вы не поинтересовались, что это за рыба — лабардан? — спросил Павел.

— А нам здесь все интересно. Так что же это за рыба?

— Да треска: так ее когда-то называли. Помните, в третьем действии «Ревизора» Хлестаков спрашивает, как называлась рыба, которой его потчевали в богоугодном заведении, а Земляника отвечает: «Лабардан-с». Хлестаков отозвался о ней с похвалой: «Очень вкусная».

Павел напомнил еще, что об этой рыбе в «Дон Кихоте» упоминал и Сервантес: в самом начале своего вояжа Дон Кихот нашел на постоялом дворе небольшой запас «трески, которую в Кастилии называют абадехо, в Андалузии — бакальяо, в иных местах — курадилье». Вот куда, оказывается, проникала северянка треска! Любопытно сравнить, что в давние времена в России треска была известна населению лишь на севере: до линии Петербург — Вологда — Пермь, считавшейся северной границей распространения ржи.

На «Персее» Павел состоял аквалангистом.

— Ведь организм, поднятый со дна тралом или драгой, выглядит не как в родной стихии, да часто и поврежден бывает, — объяснял он ценность той помощи, которую оказывает ученым. — А знали бы вы, как это интересно — наблюдать морских жителей в их стихии!..

С увлечением рассказывал Павел о том, что флора и фауна Баренцева моря богаты не только количеством, но и яркостью красок, разнообразием форм жизни.

Этому он не переставал удивляться при каждом погружении. Сотни и сотни черных, красных, серых, зеленых морских ежей, алые асцидии величиной с велосипедное колесо, сиреневые и малиновые лучевые звезды, гирлянды мидий... И чем глубже, тем жизнь богаче.

— У нас, аквалангистов, — говорил Павел, — есть в воде и свои постоянные зрители — любопытные бычки, особенно пинагоры. Они не отплывают даже тогда, когда мы почесываем им бока. Труднее наблюдать треску: если смотреть на нее сверху, то из-за серовато-зеленой окраски

она сливается с фоном грунта, а если снизу, то белый цвет ее брюха тоже сливается с серебристым цветом поверхности моря...

Наконец мы добрались до катера, который был уже готов к выходу.

В Мурманске всем известно, что ловить надо над банками: вне их рыба в Баренцевом море держится рассеянно, напасть на нее трудно. Наш катер домчался до первой же банки и лег в дрейф.

Павел обеспечил нас спиннингами и блеснами, посоветовал вести блесну в одном-двух метрах ото дна, резко ее подергивая.

Мы успешно ловили четырех-пятикилограммовую треску, которая называется атлантической. Павел успевал наставлять нас, делаясь своими немалыми знаниями об этой рыбе.

Треской ее стали называть поморы: при сушке она, расщепляясь на полоски, потрескивает. Промыслять треску русские люди на Мурмане начали несколько веков назад, добираясь сюда на лето.

Рыба эта донная, основной ее корм — сельдь, мойва, песчанка, не брезгует она и рачками, моллюсками. Достигает полутораметровой и более длины и 40 килограммов веса, хотя такие экземпляры стали теперь редкими.

В феврале — марте треска из Баренцева моря уходит за полторы тысячи километров — к берегам северной Норвегии на нерест. Весной, голодная и худая, она возвращается к нашим берегам для нагула. Пользуясь Северо-Атлантическим течением и усиленно питаясь, она движется на восток. При этом накапливает все больше жира, откладывая его главным образом в печени. Вес жира может достичь половины веса самой печени. Из нее и выделяют тот самый медицинский жир, который в детстве приходилось пить, наверное, каждому из нас. Само же мясо трески остается всегда постным. Именно поэтому треска никогда не приедается, чего нельзя сказать о некоторых других морских рыбах.

Уже к концу рыбалки Антон Антонович вытащил краба, величина которого его удивила: таких он встречал только на Тихом океане.

— Так оно и есть, — ответил на его недоуменный вопрос Павел. — Действительно, это представитель тихоокеанской фауны, один из завезенных сюда специалистами.

Уже позже, в Москве, я вспомнил этот случай в разговоре с биологом Ю. Орловым. Ученый подтвердил догадку пытливого аквалангиста:

— В течение 1961—1969 годов мы выпустили в Баренцево море почти тринадцать тысяч камчатских крабов разного возраста — от одного года до шестнадцати. Их акклиматизацией занялись, конечно, не случайно. Те крабы, которые издревле обитают в Баренцевом море, и по размерам и по количеству значительно уступают камчатским. Так получилось, видимо, потому, что миллионы лет назад крабы из северной части Тихого океана продвигались в Атлантику вдоль северного побережья Канады и наконец достигли берегов Скандинавского и Кольского полуостровов. В таком трудном пути крабы истощили свои силы, стали мелкими, а количество их уменьшилось. Крабы же, оставшиеся на Камчатке, по-прежнему крупные, они многочисленны и способны осваивать новые районы.

Часам к девяти утра наша приятная морская прогулка с общительным аквалангистом закончилась. В улове была не только треска, но и пикша.

Взяв себе несколько штук трески, мы с согласия Павла передали весь остальной улов первой же встреченной нами на пирсе женщине. Пожалуй, слишком, как оказалось, расщедрились.

От Мурманска до Москвы ТУ-134 летит всего два с половиной часа. Можно было не опасаться, что треска испортится: мы ее выпотрошили и присолили. Однако я думал, что жена останется недовольна моим уловом и скажет что-нибудь вроде того, что ради такой рыбы не стоило лететь на Кольский полуостров. Я приятно ошибся — еще на аэродроме она обрадовала меня:

— Свежая треска? Да это же отлично!

Жена тут же сослалась на авторитет: в поваренной книге Елены Молоховец утверждается, что треска чуть ли не самая лучшая из морских рыб и уж определенно очень здоровая. Только, приготавливая что-либо из этой рыбы, ее нельзя переваривать — от этого она теряет свои вкусовые качества и становится твердой.

Ну что же, и на нашей рыбацкой улице бывает праздник!

НА ВЕСЕЛЫХ ВОЛНАХ

ИХТИОТЕРАПИЯ

С Доктором я познакомился так же, как обычно знакомятся с его коллегами: во время болезни. Впрочем, имелись и некоторые особенности.

Накануне летнего сезона я простудился и слег. Сын позвонил в медсанчасть нашего учреждения, и вскоре приехал высокий человек, возраст которого определить трудно. Подвижный, полнощекый и румяный, он походил на юношу, недавнего студента. В квартиру Доктор вошел стремительно. Увидев стоявшую в углу связку удилиц, он, не торопясь, стал рассматривать их и лишь потом спросил:

— А где же больной?

Сын подвел его к моей постели. Доктор присел на стул и, косясь на удочки, спросил:

— А вы летом на мормышку ловите?

Я хотел было ответить, но не смог и только отрицательно покачал головой. К удивлению сына, Доктор стал рассказывать о благотворном влиянии мормышки на клев различных представителей пресноводной и морской ихтиофауны, а в заключение обрушился на меня с упреками:

— Да знаете ли вы, что по моим точным подсчетам она повышает улов в полтора раза? А имеете ли вы представление, как мормышка выглядит в воде? Понимаете ли, наконец, что перед ней не может устоять ни одна рыба?

Я не в силах был что-либо отвечать, а сын кусал губы и то краснел, то бледнел. Наконец, когда Доктор начал пространно разъяснять, как безграничны возможности фантазии при конструировании мормышек, сын не выдержал и не совсем тактично спросил:

— Вы, собственно, зачем пришли?

— Простите, — словно спохватился Доктор. — Рыбной ловле все возрасты покорны — и пионеры, и пенсионеры, и физики, и мы, медики.

Доктор поднялся, взял сына за рукав куртки и потянул в прихожую. Здесь он спросил:

— Вы, видно, не знаете, что такое ихтиотерапия?

Сын впервые слышал о ней и чистосердечно в том признался.

— Так вот знайте, что первый этап лечения удильщика методом ихтиотерапии заключается в рассуждениях о рыбной ловле: ведь его сначала надо отвлечь от дум о болезни. А на что он легко клюнет? Конечно, на разговор о рыбалке. Все из них на это попадают, думаю, ваш отец не представит исключения.

— Да вы даже не обследовали его! — беспокоился сын.

— Сейчас, молодой человек, сейчас. Сначала дайте ему попить теплой воды. Это, кстати, вы могли сделать, не зная основ ихтиотерапии.

После глотка воды я смог немного ворочать языком и стал отвечать на вопросы Доктора о сне, аппетите, температуре и другой, по его словам, ерунде. Когда он собрался уходить, я стер с лица пот и спросил:

— Глубоко убежден, что на ваш свинец летом клюнет разве только самая голодная плотвица. Может, посоревнуемся?

Доктор, не раздумывая, принял предложение. Так никакого лекарства и не прописав, он ушел, а я тут же почувствовал себя чуточку лучше.

Вечером сквозь сон я услышал его голос:

— Как клюет... гм... простите, я хотел спросить, как дела, больной?

Я открыл глаза.

— Температура? Самочувствие? Аппетит? — дежурно протараторил Доктор и, не дожидаясь ответа, заключил: — Вижу, вы чувствуете себя лучше?

— Конечно, — охотно согласился я.

Доктор выписал рецепты на ихтиол и рыбий жир, но

красноречиво положил их от меня подальше. Когда он стал прощаться, я поинтересовался:

— А не считаете ли вы, что Светлое озеро — самое подходящее место для нашего соревнования?

— Еще Чехов писал, что рыбу ловят в океанах, морях, озерах, реках, а под Москвой также в лужицах и канавах. Извольте, на Светлое согласен, но знакомы ли вы с новым способом ловли в озерах?

Я взглянул на него вопросительно.

— Это очень просто: нужно надеть спортивные штаны... — и Доктор напомнил мне старую байку, как рыба набивается в эти штаны, стоит только, войдя в воду, оттянуть их резинку. Очевидно, рассказывая этот бородастый анекдот, он лишний раз проверял мою рыбацкую эрудицию.

Чтобы не остаться в долгу, я тоже поведал ему о «новом способе» донной ловли: к леске вместо крючка привязывают английскую булавку, а на нее нацепляют все что угодно — червя, муху, опарыша, живца... Как только рыба клюнет, без промедления бегут в воду и застегивают булавку. В этом случае рыба сойти никак не сможет.

Доктор понимающе улыбнулся:

— Так ловить нельзя.

— Неужели? А мне говорили, что можно.

— Правилами Главрыбвода запрещено.

Визиты Доктора сделали свое дело: я вскоре выздоровел и не опоздал к летнему сезону.

Первый выезд на Светлое озеро принес победу Доктору. Хотя он и не поймал, как намеревался, в полтора раза больше, но все же значительно опередил меня. На второй рыбалке я опять потерпел поражение, на третьей — тоже.

И неудивительно! Ведь пока я приподнимал громоздкое удище своей удочки да натягивал леску, проходило несколько секунд. Рыбе их оказывалось вполне достаточно, чтобы выбросить насадку. Совсем по-иному шло все у Доктора, ловившего на зимнюю удочку с мормышкой: он видел даже самое слабое прикосновение рыбы к насадке.

Так Доктор научил меня летом ловить по-зимнему, и наши уловы вскоре сравнялись.

С тех пор Доктор стал заезжать ко мне в гости.

В первый его приезд мой сын решил кое-что уточнить:

— Я видел действие начального этапа ихтиотерапии...

— Простите, на вашем месте я бы сказал: отличное действие. Эффективность этого метода зависит от увлеченности больного рыбалкой: чем она сильнее, тем быстрее выздоровление.

— Почему вы не применили следующие этапы?

— Зачем? Ваш отец заядлый удильщик, и одного этапа оказалось вполне достаточно.

— Согласен. А в чем все-таки заключаются оставшиеся у вас в резерве этапы лечения?

Доктор ответил, что в зависимости от характера заболевания больному он прописывает определенный способ ловли рыбы. Если организм ослаблен, советует ловлю поплавочной удочкой, скажем, не дальше сотни метров от дома. Потом увеличивает нагрузку: позволяет ловить на расстоянии трех километров. Если же состояние организма улучшается, больному рекомендует ловлю спиннингом. Зимой лечение выглядит так: сначала можно сверлить одну-две лунки, потом, когда больной начинает поправляться, — десяток.

— Впрочем, поезжайте в Приозерск, — закончил доктор. — В тамошней санатории применяют все этапы ихтиотерапии, и вы сможете с ней познакомиться детальнейшим образом.

Бывал и я у Доктора в гостях. Конечно, и там шел у нас разговор о рыбалке.

Доктор показал мне книжечку, каким-то безвестным монахом написанную на португальском языке еще в тринадцатом веке. Называется она в переводе так: «Новейшее и подробнейшее руководство к успешной ловле всех видов рыб всеми способами и снастями в любое время года на реках, озерах, прудах и морях». Доктор решил подарить эту редкостную книгу какому-то своему давнему пациенту, тоже, наверное, поставленному им на ноги. На суперобложке книги дарственная надпись: «Рыбы речные пляшут перед тобою...» Доктор пояснил, что взял эти слова из истории Древнего Египта — они были обращены к фараону Аменхотепу IV, мужу знаменитой красавицы Нефертити.

— Искал древнее цитату, но так и не нашел, — добавил Доктор. — Ведь Аменхотеп IV жил всего за три с половиной тысячи лет до нашей эры, а рыбу ловили еще раньше.

— Вы что же, этого счастливчика, которому дарите книгу, тоже лечили методами ихтиотерапии?

— Конечно! Тогда мы и познакомились.
— Началось с летней ловли на мормышку?
— Нет, с этим делом у него было тогда лучше, чем у меня.

— Что же стало темой бесед с больным?

Тут Доктор насторожился, недоверчиво посмотрел на меня и лишь потом ответил:

— Я его морской рыбалкой увлек. А когда пациент немного поправился, пришлось мне самому сопровождать его на Баренцево море. Этим он еще больше остался довольным...

— Больше чего?

— Больше выздоровления, а ему грозило серьезное осложнение...

Я дружу с Константином Александровичем уже много лет. У нас и радости, и горести, и уловы пополам. Однако я зову его по-прежнему Доктором.

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА

Жена рыболова должна обладать качествами, которые не обязательны, скажем, подруге жизни филателиста. Так, совершенно необходимо, чтобы она была достаточно умной: только такая не станет мешать мужу целиком отдаваться любимому увлечению, простит ему все неудобства, причиняемые рыбалкой. Кроме того, она должна отрицательно относиться к хождениям по гостям: этим обычные люди занимаются по выходным дням, а рыболовы в такое время бродят по берегам рек и озер. Не пойдет же она в гости одна! И еще: необходимо, чтобы она тоже чем-либо увлекалась, по, конечно, тем, что не требует отлучек из дома. Очень хорошо, например, пристрастие к ведению домашнего хозяйства. Без этого она не сумеет заполнить время, которое муж проводит на рыбалке. Если же вы думаете, что идеальная жена рыбака та, которая сама любит рыбную ловлю, то глубоко ошибаетесь. Давно и доподлинно известно: это самая неподходящая жена — ведь ясно же, что она не только дома, но и на рыбалке тоже станет командовать.

Таких жен, к сожалению, нигде не готовят. Их ищут, полагаясь на информацию друзей и знакомых, что приводит, особенно на первых порах, к недоразумениям. Узнав об увлечении будущего мужа, девушка, бывает, начинает петь дифирамбы рыбалке. Но, надев кольцо на

безымянный палец правой руки, она почему-то становится несговорчивой и выдвигает совершенно неприемлемое требование: все выходные дни быть вместе с нею, в отпуск ехать тоже вместе, порой туда, где не только рыбы, но даже и лягушек нет и не было.

Правда, все образуется, если проявить надлежащий такт. Например, в подходящий момент спокойным, ровным и по возможности ласковым голосом сказать молодой супруге:

— Друзья так звали на рыбалку, но я отказался. Что-то не хочется.

Если это будет сказано убедительно, по системе Станиславского, то в ответ вы, вполне возможно, услышите:

— Поезжай, голубчик. Ты очень устал, тебе обязательно надо отдохнуть.

Собираться в этом случае следует нехотя и медленно, стараясь создать иллюзию, что вы всего лишь безропотно подчиняетесь жене.

Словом, никогда не надо теряться: при достаточной твердости вашего характера и тактических навыках жена согласится с вашим образом жизни. К угрозе разводом прибегать не следует даже в самом крайнем случае. Помните: большинство жен — умные, прожить без них нельзя.

Об этом я говорю не голословно: скажем, именно такая жена досталась Антону Антоновичу.

Он понял это давно, очень давно, когда еще ухаживал за Машенькой Измайловой. Понял, хотя то и дело доставлял ей много больших и малых огорчений.

Однажды он пригласил ее на речку прогуляться после успешных экзаменов, подышать свежим воздухом, искупаться. Конечно, Антон не удержался и захватил спиннинг. Когда приехали, он тут же заметил, что у противоположного берега бьет жерех, быстро собрал снасть, прицепил блесну, размахнулся и... Машенька вскрикнула. Он бросился к ней и увидел, что платье, а она надела его первый раз, порвано, и на нем появилось темное пятнышко — тройник впился в ногу, потекла кровь.

Спокойно и рассудительно Машенька сказала:

— Разорви на полосы свою рубашку, кровь я сама остановлю, и отправляйся за иглой с ниткой. Конечно, на майку накинь пиджак.

Ни упреков, ни жалоб! Она даже не разрешила ему извлечь тройник — закусив нижнюю губку, сделала это сама.

Антон побежал в ближайшую деревню, проклиная себя за спешку, в результате которой все это и произошло. Когда же он вернулся, то увидел, что Машенька сидит на кочке, прижимая подол к ногам. Она сказала по-прежнему спокойно:

— Зайди, пожалуйста, за поворот и лови свою рыбу до тех пор, пока не позову.

Позвала же через час. Когда Антон подошел, она попросила:

— Лучше никому не говори, как это произошло. Мои родители могут подумать, что ты неуклюжий, а это ведь не так. Я им скажу, что загнулась и, падая, зацепилась платьем за сучок. — Потом, улыбаясь, добавила: — Не расстраивайся, пожалуйста. Ты хотел искупаться...

— А ты?

— Не могу — платье стало узким, мне его не спять.

И все же день они провели весело. Домой возвратились несколько позже, чем намечали: несмотря на все старания, штопка у Машеньки получилась не такой уж художественной. Прощаясь около своего подъезда, она спросила:

— Лиха беда начало?

— Что ты, Машенька! Клянусь, что это не повторится.

— Я тебе верю, Антоша.

Но произошло другое. Незадолго до свадьбы Антон поехал на сибирскую реку, богатую тайменем. Отправился в своем обычном виде — с усами и бородой. Он заботливо ухаживал за ними, борода очень нравилась не только Машеньке, но и ее отцу. Вернулся же только с усами — борода осталась на берегах той далекой реки.

— В чем дело, Антоша? — с тревогой спросила Машенька, встречавшая его на вокзале.

— Понимаешь, я и мои друзья забыли взять мушки...

— Позволь, Антоша! Какое отношение они имеют к бороде?

— Машенька, дорогая, послушай. Ловил я тайменей. Докажу это сегодня же и не только фотографиями...

— Я не понимаю, при чем тут таймени?

— На искусственные мушки клюют даже гигантские таймени — весом 15—20 килограммов.

— Ближе к делу — где борода?

— Из нас пятерых только я был с бородой...

— Я это заметила, когда провожала вас.

— Из чего же нам было делать мушки? Взять волосы

с головы? Но, во-первых, они не годятся, во-вторых, кто захочет вернуться с голым лбом или затылком?

— Ну, теперь все понятно, — улыбаясь, сказала Машенька. — Но сердце мое чувствует, Антоша, что ты когда-нибудь и в таком виде вернешься.

— Моей бороды хватило всем, а что осталось — отдал местным удильщикам. Рады были ужасно...

— Ценю твою находчивость и щедрость, — почти серьезно похвалила Машенька. — Однако до свадьбы, как ты, может быть, догадался, новая борода отрасти не успеет. Поэтому, с твоего позволения, я скажу родителям, что костер выстрелил угольком как раз в твою прекрасную бороду и испортил ее, а остатки пришлось сбрить. Иначе, Антоша, родители могут подумать, что ты и мою косу на что-нибудьпустишь...

В конце лета они сыграли свадьбу, а затем отправились в путешествие по Мещере. Машенька так его описывала родителям:

— Маршрут мы вместе разработали. Нигде долго задерживаться не станем. Поэтому везде успеем побывать, все осмотреть. Антоша даже успеет рыбу половить.

На самом же деле они задержались в глухой деревушке на берегу речки, так и не пожелали отсюда выезжать. Место это Антон подыскал еще года за два до женитьбы. Здесь они сняли комнату у старой одинокой женщины, которая знала в жизни только одну радость — делать добро другим людям. С утра до позднего вечера хозяйка хлопотала по дому, и все же ей казалось, что надо еще что-то сделать для постояльцев — они ей так понравились. Однако третьей ночью произошло такое, что могло расстроить семейную жизнь Антона и Машеньки.

Утром начал лить дождь, задул ветер и сильно похолодало. К вечеру все это усилилось. Глубокой ночью где-то неподалеку от деревушки начал греметь гром, комната то и дело озарялась молнией. И все же Машенька крепко спала. Разбудила ее хозяйка, встревоженно сказала:

— И твой, значит...

— Вы про что?

— Посмотри-ка — мужа-то нет.

Машенька приподнялась. Действительно, Антона рядом не оказалось.

— И он туда же отправился! — огорчалась хозяйка.

— Про что вы?

— Вон видишь тропку у плетня? Она к мельнице ведет. Своими глазами на рассвете видела: твой по ней шагал.

— Он рыбу пошел ловить, — неуверенно сказала Машенька.

— Это в такую-то непогоду? Знаем мы эту рыбку — мельничихой она зовется. Четыре десятка ей уже, и что только мужики хорошего в ней находят?!

— И никуда эта тропка больше не ведет? — с мольбой в голосе спросила Машенька.

— Да говорю тебе — к плотине, а через нее — к мельнице, где эта баба живет. Нашла, негодница, себе такую работу.

Хозяйка ушла, но тут же вернулась, держа в руках огромные резиновые сапоги и брезентовый плащ.

— Одевайся быстрее.

Не прошло и минуты, как Машенька бежала по тропинке у плетня. До плотины было всего метров двести, и Машенька вскоре оказалась около нее. Еще полсотни метров, и она была бы на мельнице, но тут услышала знакомое «тэ-тэ-тэ» — так ее Антоша сам с собой говорит, когда чем-то озабочен.

Кому же он это сказал? Неужели мельничихе? А почему они здесь, около омута, в дождь и холод, а не там, где сухо и тепло? Машенька встала за кустами тальника.

Гром раскатился совсем близко, что-то огромное лопнуло, а затем все рухнуло. За деревьями блеснула густоголубая молния, дождь стал таким, что казалось, над головой открыли огромный кран и вода бьет из него.

Страх сковал Машеньку, но она увидела мужа: Антон стоял около воды и вытягивал леску спиннинга. Собрав остатки сил, Маша крикнула:

— Родной!

— Ты?! — повернувшись, всполошился Антон.

— А мельничиха? — едва выговорила Машенька, стуча зубами.

— Мельничиха?

Ничего не поняв, Антон швырнул в сторону и спиннинг, и рыбу, взял на руки Машеньку и поспешил к дому. Здесь он снял с нее плащ, сапоги и растер мохнатым полотенцем. За перегородкой хозяйка, понявшая свою ошибку, без конца повторяла:

— Окаянная я! Окаянная я!

— Что это с ней?

— Не слушай ее, Антоша. Она хорошая женщина и желала нам добра. Зачем ты в такую непогоду рыбу ловишь?

— Так это же налим: для него чем хуже, тем лучше. Днем донки поставил, вот на одну поймал.

— А хозяйка подумала, что ты к мельничихе пошел...

— И ты поверила?

Машенька беспомощно улыбнулась.

— Родителям скажем, что... Впрочем, я еще не придумала, что скажем, но одно ясно — они не должны подумать, что ты ловишь и в такую непогоду...

Подумала же она совсем другое: конечно, Антоша немного помешан на своей рыбалке, и все же он самый хороший на свете.

Но Антон Антонович — человек в возрасте. Когда он женился, и невесты были не нынешним чета, и мельничихи еще встречались.

Слесарь же Алеша, самый молодой, но не меньше других членов нашего коллектива увлеченный рыбалкой, женился совсем недавно. Но и у него все вышло хорошо. И потому только, что проявил терпение — самое первое качество, без которого и рыбаком не станешь.

С младенческих лет, оставшись без матери, Алеша воспитывался теткой. А она конечной целью своей жизни ставила удачно женить племянника. Каких только невест она ему не подбирала, но ни одна Алеше не понравилась. Тетка была упрямой, не собиралась отступать и предлагала все новые и новые кандидатуры.

В самом начале апреля тетка предприняла очередную атаку. Усадив Алешу рядом, спросила:

— Ты заметил такую черненькую и толстенькую из двадцатой квартиры соседнего дома?

— Заметил, — небрежно ответил Алеша: бесконечные разговоры о невестах ему уже давно надоели.

— Ну и что? Нравится? Молодая, а говорят, что уже старший научный сотрудник какого-то НИИ...

— Не нравится она.

— Почему?

— Хоть и носит толстенные платформы, а все равно рост у нее маленький, — как можно серьезнее отвечал Алеша.

— Но такая симпатичная, веселая, хлопотунья. Это все соседи говорят, — настаивала тетка.

— Вот если бы рост...

— Тогда займись Марусей — дочкой моего началь-

ника. Берусь познакомить. У нее рост, какой надо, — всего сантиметра на два ниже тебя. Стройная и умная.

— Да как же, тетя, я займусь вашей Марусей, если она блондинка. Ведь я уже несколько раз говорил: мне нужна только брюнетка.

— Ее можно покрасить, и получится жгучая брюнетка. Это я улажу в два счета.

— Вы хотите, чтобы я всю жизнь мучился от мысли, что жена — поддельная брюнетка? К тому же могут случиться перебои в торговле краской. Вот, скажем, крючки уже второй месяц не завозят...

В это время по улице проходила брюнетка. Она куда-то спешила и на ходу поправляла прическу. Тетка посмотрела на ничего не подозревавшую девушку и радостно воскликнула:

— Знаю, знаю, где работает! Секцией в ГУМе заведует. Любой товар достанет, даже крючки...

— Скажете тоже, тетя.

— А что?

— Да вы что же, не заметили? — отбивался Алеша. — Ноги-то у нее какие? И кривые, и тоненькие-тоненькие. А ведь сейчас короткие юбки опять в моду входят... Низкое качество ее ног за целую версту видно.

Тетка не успела разглядеть ножки заведующей секцией. Это успел сделать Алеша: они были отличные. Тетка не сдавалась:

— Мода может измениться — опять длинные станут носить.

— Вы, тетя, все же хотите, чтобы я под страхом всю жизнь прожил.

— Под каким страхом, Алешенька?

— Под страхом того, что на следующий день после максимоды опять наступит минимода.

Тетка никогда за модой не следила, но знала, что она часто меняется, и отступила. Однако ненадолго.

— Вот в прошлом году к соседям Клара приезжала — какая-то их дальняя родственница. Она в институт пыталась поступить. У нее все подходящее — и волосы, и фигура, и рост, и характер, и лицо, и ноги. Но ты и от нее нос воротил.

— Так в институт-то она не прошла. Значит, ума мало. Согласитесь, в наше время неумная девушка — какая невеста?

— А Эсмеральда? Одно имя чего стоит да и ума — палата.

— Поэтесса? У нее-то, наверно, палата, да у меня — лишь палатка. Я — слесарь, что между нами общего?

— Ну тебя к шуту! Будешь вечным холостяком, — сердилась тетка.

— Но, тетя, не бросаться же мне к ногам первой встречной.

— Какой уж там первой встречной! Сколько перебрали...

Тетка вышла, в сердцах хлопнув дверью.

А через несколько дней после этого разговора, на рыбалке по последнему льду, Алеша сам нашел себе подругу. В тот день к нему, сидевшему около лунки в уютном заливе, подъехали две лыжницы. Они рассматривали окуней, удивлялись крохотной удочке, которой были пойманы эти яркие красавцы, а одна из них, невысокого роста блондинка Любочка, крановщица со стройки, засмотрелась на Алешу. Подруга вскоре уехала на белевшую среди сосен туристскую базу, а Любочка еще долго стояла около лунки. Алеша дал ей удочку, и она поймала несколько ершей, чему была несказанно рада.

После этого случая он два месяца не появлялся в нашей компании — ездил рыбачить только с Любочкой. Алеша сначала говорил, что ему не ясно: она больше любит его или рыбалку, а потом пригласил нас на свадьбу. Куда? На Истру! Наши уха и костер были тогда лучшими по всему побережью. А ведь удильщиков там по выходным дням, как лещей на нерестилище.

Все было на той свадьбе-рыбалке: и фата, и «горько», и тосты, и песни, и танцы. Районная газета даже описала ее в большой статье под таким заголовком: «При свете луны, под всплески рыбы». О том, что невеста любит рыбалку, в статье не упоминалось. Может, это не было упущением хроникера, а Любочка сама подсказала, что для жены рыбака это качество не главное?

ЗАБЛУЖДЕНИЕ НЕОФИТА

Про историю появления Леонида Павловича Хозяинова в нашей компании можно рассказывать долго. Если подробно, то времени хватит на поездку «икарусом» километров за полтораста, а если коротко, то достаточно, чтобы добраться до вокзала. Вот на этом варианте и стоит остановиться.

Однажды в понедельник утром по цехам механического завода прошел слух, что попал в беду заместитель

директора Хозяинов. Однако уже в полдень выяснилось, что ничего трагического, собственно, не произошло, может быть, происшествие носило даже положительный характер. Оказалось, что слух распустили его друзья. Точнее говоря, бывшие друзья: накануне, в воскресенье, он в их компанию не явился. Произошло это при не совсем обычных обстоятельствах.

Среди многих заводских дел, которыми ведает Хозяинов, есть и такое — забота об автотранспорте. Это к нему перед каждым соревнованием или просто выездом Алеша или кто другой из коллектива приходил с просьбой об автобусе. И каждый раз слышал отказ:

— Знаю я это: насадил червяка, забросил, поплавок нырнул, и тащи ерша или пескаря — что больше по душе. Одним словом, баловство. А что такое автобус? Техника плюс бензин. Их экономить надо, а не менять на ершей да пескарей. К тому же — до революции ловили? Ловили! Автобусов не было? Не было! Значит, и сейчас без них можно обойтись.

Если же он давал автобус, то обязательно с оговоркой:

— Это — в последний раз! Запомни! Больше не приходи!

Был, правда, способ, который не только избавлял Алешу от поучений, но и обеспечивал автобус. Он тихо, как о чем-то незначительном, говорил Хозяинову:

— Ну что ж, я так Доктору и скажу, рыбалка отменяется — нет автобуса.

После этого Алеша вставал, будто собирался уходить. Хозяинов же почти приказывал:

— Садись!

Затем он брал телефонную трубку и звонил в гараж.

Объяснить это довольно просто. В годы войны Хозяинов служил заместителем командира дивизии по тылу, а Доктор в этом же соединении командовал медсанбатом. Однажды Хозяинов попал под бомбежку, его сильно ранило, а оперировать стал сам Доктор. Он так отлично зашил все раны, что интендант через неделю начал ходить. С тех пор он считал Доктора своим спасителем.

Однако часто применять такой способ Алеша не решался — Доктор далеко не каждую пятницу отпрашивался на рыбалку, и обман могли разоблачить.

На этот раз дебаты особенно затянулись, и Алеша решился на крайность:

— Съездили бы с нами разок. Клев обеспечим. Уха

будет отличная. Место — одно из самых красивых в Подмосковье.

И Хозяинов клюнул:

— А вот возьму и поеду! И обловлю всех. Ни одного ерша-пескаря вам не оставлю. Вот только друзья обидятся. Ну да разок можно пропустить. Но имей в виду: автобус все равно больше не увидишь.

Покидая его кабинет, Алеша с тревогой подумал, что идет на большой риск: а ну как рыба не пойдет? Однако все обошлось даже лучше, чем он ожидал. Рыба в тот день у всех клевала хорошо. Правда, только не у заместителя директора: он поймал лишь одного ерша и точно столько же пескарей. С детской наивностью Хозяинов без конца восторгался:

— Красота-то вокруг какая! Воздух-то здесь какой!

А когда он, сидя у костра, хлебал уху, то заявил:

— Ни в одном ресторане такой нет, — потом, помолчав, добавил: — Столько лет за преферансом да шахматами потерял! Бывает, так накурим, что не только топор, десятитонку можно вешать. Ну, теперь шабаш! Только на рыбалку! А насчет сегодняшнего ерша с пескарем скажу так: ужение — это большая наука. Вот здесь говорили насчет погоды — давление, ветер и так далее. Мол, все это сказывается, все взаимосвязано, все надо учитывать и поэтому ошибиться очень легко. Так вот об этом думать станем не мы. Надо тебе, Алеша, вместе с программистом разработать задание для нашей ЭВМ. Она все сообщит: и на что ловить, и где, и какую рыбу...

— Может, в ремонтном цехе из отходов сделать механизмы? — используя энтузиазм Хозяинова, подкинул новую мысль кто-то из сидевших у костра. — Например, для заброса насадки донной удочки метров на полтора-ста — двести: туда, где стоит самая крупная рыба.

Хозяинов и это принял за чистую монету:

— А что — дадим задание конструкторскому бюро, там мигом сделают.

— Или миниэхолот для поиска рыбьих стай.

— И это конструктора смогут. Если надо, пусть с каким-нибудь институтом свяжутся.

Мечтам неопита не было границ:

— Надо уверенно смотреть в будущее. Не так уж много времени пройдет, и научно-технический прогресс охватит всю рыбалку — от начала до конца. На место ловли, и не сюда, а куда-нибудь подальше, куда не смо-

жет пройти не только автобус, но и вездеход, мы прибудем на вертолете. Если наступит зима, вооружимся портативными лазерами и с их помощью станем прожигать лунки. Две-три секунды — и операция закончилась, хотя лед и будет двухметровый. Мерзнуть не станем — купим палатку с электрообогревом: в ней тепло, а воздух чистый. Прикармливать рыбу станем так: в лунку опустим приборчик, созывающий, скажем, лещей. Если вам больше нравятся окуни, переведите ручку, и аппарат начнет созывать этих разбойников. А леска? Можете быть уверены: химики в ближайшее время смогут создать нить диаметром в тысячную долю миллиметра и выдерживающую сто килограммов...

Неожиданно Алеша прервал его:

— Нам с вами не по пути. Скажу откровенно: мы с вами будем сражаться...

Хозяинов даже побледнел, подумав, что его могут отлучить от рыбалки:

— Мужики, за что? Не хотите, не надо. Я же хотел как лучше. Я всегда как народ, вечно с массами, а гнать меня не имеете права — я ведь тоже состою в заводском коллективе...

Тут у костра поднялся такой шум, что трудно было что-либо разобрать. Только вмешательство таких авторитетных людей, как Антон Антонович, прояснило картину. Оказалось, все говорили об одном и том же, только разными словами и с чрезмерной эмоциональностью. Он обратил внимание всех сидевших у костра на то, что неофит полностью признал свою ошибку и достоин прощения.

Но почему рыболовы так отнеслись к его замыслам? Потому, разъяснил Антон Антонович, что технику нельзя подключать к рыбалке в том объеме, как это мыслил Хозяинов. Это будет уже не рыбалка, а антирыбалка.

Как бы там ни было, вовлечение Хозяинова в ряды удильщиков стало **большой победой** Алеши.

ЛЮБОЧКА И ЛЕОНИД ПАВЛОВИЧ

Нигде — ни в одной столовой, ни в одном доме, ни в одном ресторане — нельзя увидеть таких блюд, какие готовят на кухне рыболовно-спортивной базы. Так, здесь варят жмых с укропным маслом. Повара других кухонь о таком блюде даже не слышали, как не слышали и о кукурузе, сваренной с ванилином, и о перловке с кам-

фарой или лавро-вишневыми каплями. Правда, порции на этой кухне с гулькип нос — половина стакана, да и то граненого.

Рыболовы не хранят своих кулинарных тайн. Наоборот, сторонники, например, укропного масла даже без просьбы подробно рассказывают, сколько этого продукта надо добавить в блюдо и на какой именно стадии приготовления. А приверженцы, скажем, ванилина, обязательно расскажут, как рыба ближних и дальних плесов устремляется к тому, что пахнет этим продуктом. А еще о чем мечтает рыба? Трудно перечислить — тут и церковный ладан, и анисовые капли, и другие лекарства, начиная с валерьянки... Иную приправу нелегко достать. Так, отлично известно, что налиму до невозможности нравится запах жженого рога. А как быть, если рог в натуральном виде есть только у буренок и они с ним не расстаются. Находчивый рыболов стащит роговой гребень у своей бабушки. Будучи разоблаченным, он отделается заявлением, что нужно идти в ногу со временем — пользоваться полиэтиленовым гребнем. А у кого бабушек нет?

Рыболовы из года в год напрягают все свои духовные силы, чтобы досконально понять вкусы плотвы, леща, карася и их соседей по рекам, озерам, прудам, водохранилищам. Это неудивительно: ведь давным-давно известно, что самый короткий путь к рыбе лежит через ее желудок. Наиболее точный вывод, к которому рыболовы постепенно приходят, гласит: вкусы рыбы еще более капризны, чем женская мода.

Но вот хитроумные и хитроумнейшие насадки готовы. Чем бог послал накормлены черви, сменены пеленки для мотыля: если этого не делать три раза в сутки, он обязательно отдаст концы, хотя и водится в иле, ему, видите ли, нравится образцово-показательная чистота. Если после этого остается время, рыбаки готовят ужин себе, понятно, самый элементарный — не удастся поджарить рыбу, делают бутерброды. Получается так: насадки они готовят на самом высшем кулинарном уровне, а блюда для себя — на самом простейшем. Такие даже начинающий холостяк приготовит.

На ужин, как и все другие люди, рыбаки собираются в столовой. Здесь они ведут такие разговоры, которых нигде нельзя услышать: ни на одном собрании, заседании, совещании, коллоквиуме или симпозиуме. Здесь можно узнать, например, где пролегает тропа толстяка сазана,

куда ходит на охоту разбойница щука и где та яма, которую усатый сом избрал своей квартирой. Рассказываются об этом друг другу, а в особенности новичкам, совершенно бескорыстно: рыболовы испытывают естественную потребность просвещать тех, кто, как говорится, не умеет отличить пешни от мормышки.

Кстати о мормышках. Когда их показывают, можно только удивляться, почему окуни и судаки все еще околачиваются в воде, а не стоят в очереди, чтобы заглатывать эти ювелирные изделия из мельхиора, серебра, нержавеющей стали, никеля, хрома, олова или свинца. Порой, чтобы сделать эту металлическую капельку с крючком, рыболовы вступают в конфликт с домашними. Даже Доктор однажды уговорил жену сменить золотую коронку на зубе. Когда она последовала его совету, коронка исчезла. Под большим секретом он показывал мне сделанную из нее мормышку. Его ухищрения оказались напрасными: на золотую мормышку рыба клевала не лучше, чем на свинцовую. А профессор Анатолий Евгеньевич долго упрашивал своего сына, сотрудника какого-то научно-исследовательского института, проделать лучом лазера отверстие в добытой где-то капельке сверхтяжелого и очень твердого сплава. Он говорил, что из этой капельки должна получиться идеальная мормышка: при очень малом размере она будет иметь очень большой вес, и, значит, ее можно опускать на глубину до двадцати метров. На нее он собирался облавливать всегда и всех. Но сын долго не мог понять стратегическую важность отцовского замысла. Только после третьего напоминания Анатолий Евгеньевич наконец получил чудо-мормышку. Однако, к его огромнейшему огорчению, на первой же рыбалке не бог весть какой окунишка, зацепившись за лед, ушел с ней в водную пучину.

Рассказов о поимке гигантских жерехов и еще более тяжеловесных сомов в рыбацкой столовой не услышишь. Об этом сообщают своим знакомым только новички, а здесь, среди асов крючка, поплавка и лески, они сидят молча и слушают, слушают. Особняком сидят представители малочисленного, но злобного племени темнил. Они тоже молчат и только слушают. А кто такой темнила? Тот, который темнит, когда его спрашивают о хороших местах: посылает вверх по течению вместо того, чтобы послать вниз. Иногда так темнит, что сам забывает, где в действительности хорошие места, и ловит вдали от них.

Шумно было в столовой и на этот раз. Особенно жарко спорили о том, влияет ли ветер на рыбу. Невысокий, совершенно седой, но довольно бодрый Карп Васильевич горячо говорил:

— Леонид Павлович учит пас, что при северном ветре рыба становится вялой...

— Ничего подобного! — возразил Доктор. — Леонид Павлович указывает: юго-восточный ветер хуже всего.

— Перестаньте, пожалуйста, — капризно сказал Аркадий Петрович, как всегда, с завязанным горлом и очень переживавший, что его всюду узнавали. — Леонид Павлович писал...

— Кто этот Леонид Павлович? — шепотом спросила Любочка у Алеши: она все-таки уговорила мужа свозить ее хоть разок в свою старую компанию.

— Леонид Павлович Сабанеев — самый знаменитый рыболов, каких не было во всем мире.

Тут в столовую вошел заведующий базой — тучный человек с очень густыми бровями — и сказал так, чтобы слышали все:

— Леонид Павлович, конечно, великий рыболов, но зачем нарушать распорядок дня?

Стоявшие в углу старинные часы воинственно зашипели, а потом звонко ударили одиннадцать раз. И хотя спор не окончился, все отправились в спальню...

В девять часов Любочка вернулась с утренней зорьки. Она быстро переоделась и в своем обычном платье, широком, по моде длинном, спускалась с крыльца, когда увидела шагавшего по аллее солидного человека. Он совсем не походил на других рыболовов. На нем была явно заграничная куртка со множеством «молний», каких-то застежек и пряжек. На ногах — зеленого цвета высокие резиновые сапоги, таких она тоже ни у кого не видела. А на голове — шляпа с огромным пером. Успела Любочка разглядеть и его чехол с удочками — он имел несколько узких и длинных карманов, пришитых со всех сторон.

В это время около крыльца появился дядя Гриша — мрачный и молчаливый вахтер с лодочного причала. Он сказал солидному рыбаку:

— Здравствуйте, Леонид Павлович! Пятьдесят вторую лодку вам подготовить?

— Да, Гришенька, пожалуйста.

Любочка глядела во все глаза. Вот, значит, какой он, знаменитый Сабанеев, который знает о рыбе все, навер-

но, даже больше, чем ей самой известно. А он подошел к Любочке и очень просто, даже каким-то несолидным голосом спросил:

— Не скажете ли, где горничную найти?

— Она, товарищ Сабанеев...

Договорить Любочка не успела — в мгновение лицо рыбака стало багрово-красным. Она испугалась, подошла к нему поближе и спросила:

— Вам плохо, товарищ Сабанеев?

Наконец он овладел собой и крикнул:

— Девчонка! И ты туда же!

Любочка совсем перепугалась и убежала в дом. Уже там, стоя около окна, она услышала:

— Гортензия Сигизмундовна, ради бога, приструни ты эту девчонку... И она обзывает меня!

Любочка посмотрела вдоль аллеи, увидела вишневые «Жигули» и вылезавшую из нее очень худую, очень высокую и очень экстравагантно одетую женщину. Встреча с ней наверняка не могла быть приятной. Поэтому Любочка выскочила черным ходом и узенькой тропкой, то и дело оглядываясь, побежала к причалу. Расчет у нее оказался правильным: Алеша вернулся.

— Что случилось? — спросил он, шагнув навстречу.

— Сейчас сюда прибежит жена Сабанеева.

— Гортензия Сигизмундовна?

— Да!

— А почему ты боишься ее?

— Он пожаловался на меня...

— Постой! Ты его так и назвала — Сабанеевым?

— Конечно! А он ни с того ни с сего стал кричать на меня.

Алеша смеялся долго и громко. Любочка смотрела на него в полном недоумении. Наконец Алеша успокоился и сказал:

— Зовут его действительно Леонидом Павловичем, а вот Сабанеев не фамилия, а вроде его прозвища. Это Хозяинов — заместитель директора нашего завода. Снасти у него импортные. Однако знают об этом только он сам, Гортензия Сигизмундовна да мы, грешные, а рыба о них не имеет ни малейшего представления. Впрочем, и он о рыбе, о ее повадках, тоже мало что знает: она у него почти никогда не клюет. Потому-то, наверно, его и прозвали Сабанеевым.

— А настоящий-то Сабанеев с ним знаком?

— Да что ты! Он еще сто лет назад умер.

Таганская площадь Москвы кажется мне особенно оживленной, потому что среди многих других магазинов здесь расположен магазин «Рыболов-спортсмен». Около него всегдалюдно. Разве только ночью тут не толкуются те, кто, недавно вернувшись с озера или реки, жаждет поделиться своими впечатлениями. Еще больше готовящихся к рыбалке: одни хотят знать о состоянии клева на какой-нибудь речушке, другие интересуются вкусами плотвы Московского моря... Нередко здесь встречаются те, кто много лет не виделся, а порой на много лет завязывается знакомство людей, которые, казалось бы, так непохожи друг на друга — пожилые профессора и молодые слесари, известные всей стране артисты и неизвестные бухгалтеры. Изредка появляются неопрятные личности, прозванные шептунами. Они всем шепчут на ухо: «Леска нужна? Есть импортная!» Такой у них нет, в лучшем случае есть катушка от нее. Зато у шептунов много желания поживиться на неопытности новичков.

Однажды Доктор познакомился здесь со щуплым старичком, очень похожим на шолоховского деда Щукаря.

— Язи у нас огромные, — доверительно, как старому другу, говорил он Доктору. — Ловлю на тараканов — только на них и клюют эти колодищи. Приезжай, шибко доволен будешь. Спроси: где, мол, Савватий живет, и тебе каждый скажет. От моего дома до Бужи рукой подать. О тараканах не беспокойся — обеспечу.

Через неделю Доктор решил попытать счастья. До деревни он добрался в полдень. Дом Савватия нашел быстро, но на крыльце, к большому удивлению, встретил не хозяина, а свою давнюю приятельницу Анну Андреевну, известнейшую московскую удильщицу. Их отношения уходили в далекое прошлое: последние два года войны Анна Андреевна служила хирургом в том самом медсанбате, которым командовал Доктор, и он знал всю ее нелегкую жизнь.

В дальнейшие годы юности, начиная трудовой путь, она пела на эстраде. Однако вскоре ее концерты перестали посещать. Тогда она пошла к Великой актрисе, попросила ее послушать.

— Не обижайтесь, Аня: вы не можете стать артисткой. Голосок у вас был слабый, до поры до времени вы привлекали на свои концерты только любителей экстравагантных туалетов. А на них далеко не уедешь, — объ-

явила свой безжалостный, но честный приговор Великая актриса.

Анна Андреевна круто изменила жизнь. Она окончила курсы фельдшеров и уехала в деревушку на Кольском полуострове. Открыв свое настоящее призвание, она преодолела все трудности долгой учебы в медицинском институте и накануне войны стала хирургом, нашла себе спутника жизни, тоже хирурга. Еще на Кольском полуострове муж привил ей любовь к рыбалке — там она испытала ни с чем не сравнимое удовольствие ловить гольца, кумжу, форель.

Война сначала разлучила Анну Андреевну с мужем, а потом сделала ее вдовой.

После войны она врачевала в своих родных местах — в Подмосковье, навсегда сохранив верность и своему мужу, и увлечению молодости — рыбалке.

Однажды Анна Андреевна прославилась тем, что на блесну вытащила не щуку, не судака или сома, а... зуб мамонта.

Давно известно: каждый районный музей краеведения должен иметь собственный зуб мамонта. Нет такого зуба, нет и музея, а если он есть — надо открывать музей. Так и решили руководители Заозерска, когда Анна Андреевна подарила им свой трофей.

Зуб выставили на самом видном месте. В табличке указали, кем и каким способом он был поднят со дна водохранилища. А вокруг расставили другие экспонаты: чучела пичужек, заспиртованных ящериц, высушенные достопримечательности флоры.

И сейчас Анна Андреевна оставалась стройной, крупной женщиной с красивым лицом, правда, прокаленным солнцем и ветрами. Во всяком случае такой ее нашел Доктор, неожиданно встретившись с ней в этой отдаленной деревеньке.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он с ходу.

— А ты почему не здороваешься?

— Извини, пожалуйста. Так что же делаешь?

— Неужели не догадался? Я ловлю рыбу, а зачем ты приехал?

— Тоже рыбу ловить.

— Язя на таракана?

— Конечно.

— Не выйдет! Тебе придется искать другой дом.

— Это почему?

— Потому что всех тараканов на корню я с подруж-

ками уже закупила. Опоздал, у Савватия их не осталось. Пожалуйста, извини: дружба дружбой, а тараканы — врозь.

Это был неожиданный и сильный удар, вроде покдауна. Но Доктор еще надеялся на то, что Анна Андреевна, стоит ей приказать, поделится со своим бывшим начальником этими чертовыми тараканами, приказы она когда-то умела выполнять беспрекословно.

— Вот что, старший лейтенант медицинской службы, два десятка тараканов, живых и здоровых, немедленно выделите мне в соответствующей упаковке! Ясно?

Анна Андреевна язвительно захохотала:

— Может, еще и по стойке «смирно» поставишь? Не будет тебе тараканов, они уже все распределены между моими!

Доктор окончательно закручинился. По требованию Анны Андреевны он безропотно отдал рюкзак и чехол с удочками. Она отнесла их в дом, а вернувшись, посоветовала:

— Ты к соседке сходи — может, у нее есть.

Соседкой у деда Савватия оказалась молодая и, видать, веселая женщина. Она улыбалась и долго не могла понять, что нужно этому пожилому человеку. Наконец просьба до нее дошла, и уже не улыбаясь, а удивленно подняв брови, женщина спросила:

— Зачем вам тараканы? Рыбу ловить? Так идите на огород и копайте червей сколько душе угодно.

Доктор продолжал твердить, что ему нужны тараканы.

— А где я их возьму? — спросила женщина, уже начиная раздражаться.

Доктор уточнил, что ему надо немного — всего один-другой десяток.

— Гриша! — крикнула женщина в сторону сарая и, не дождавшись ответа, пошла к двери.

Затем к Доктору долетели обрывки фраз: «Наверно, псих какой-нибудь... А может, чего высматривает...»

Женщина вернулась в сопровождении детины лет тридцати.

— Зачем тараканы мне нужны? — повторил его вопрос Доктор. — Я же сказал: рыбу ловить. Снасти? У деда Савватия оставил.

Детина, видать, удовлетворился ответом, но для порядка сообщил:

— Вы уж не обессудьте, этой живности не держим.

В следующем доме Доктора встретила дородная женщина средних лет. Пристально глядя на Доктора, она хмуро переспросила:

— Тараканы нужны?

— Да, тараканы. Мне все равно каких — черных или рыжих.

— Черных! Рыжих! Ишь чего захотел! Да у меня их сроду не было. Я тебе что, перяха какая-нибудь?

Красная от возмущения, она грузным телом надвигалась на непростителю гостя. Из дома он вышел поспешно.

В центре деревни Доктор увидел универмаг и решил зайти: тараканы могли там водиться в продовольственном отделе.

— Мне бы тараканов... — начал он говорить заведующему.

Но тот, наверно выдавший виды, не дал досказать:

— Вы доктор?

— Да-да, — подтвердил посетитель.

Заведующий взял его под локоть и провел в свой кабинет, по пути шепотом отдав какие-то распоряжения. Через минуту в кабинет внесли круг колбасы, несколько пакетиков заграничных бритвенных лезвий, флакон дефицитного дешевого одеколона.

— Добавить консервов? Может, сыра? Упаковать или в портфель положить? — допытывался ушлый завмаг.

— Мне бы тараканов...

Несмотря на свою многоопытность, завмаг впервые видел такого странного представителя санитарной инспекции. На всякий случай он закончил разговор вежливо:

— Извините, пожалуйста, не имеем. Может, у моего предшественника водились, а у меня нет ни одного. Согласно инструкции.

Выйдя на улицу, Доктор побрел куда глаза глядят. Вскоре он увидел старушку, стоявшую у большого нового дома. Она оказалась словоохотливой, рассказала, во сколько обошелся дом, сообщила, что семья вся уехала в город, что она приходится родной сестрой председателю колхоза, и много других интересных сведений. Однако, когда Доктор заговорил о тараканах, старуха замолчала и насторожилась.

— Так есть у вас тараканы или нет? — допытывался Доктор.

— Перед войной были, а сейчас нет. Сгинули все до

единого. Читала я, в Японии сейчас тараканов полным-полно. Там в одном городе до того дошло, что они забираются в электронно-вычислительные машины, которые управляют движением на железных дорогах. По этой причине аварии происходят. Где ж нам с Японией тягаться!

— А может, все-таки у кого-нибудь найдутся?

Старушка примолкла и долго смотрела на Доктора.

— Только никому ни слова.

— Конечно! — заверил Доктор.

— Вон видишь дом с зелеными наличниками? Так вот в том доме тараканы еще могут держаться.

Доктор поблагодарил за совет и поспешил к дому с зелеными наличниками. Открыв калитку, он зашагал по дорожке между кустами пышно цветущих роз. Около крайнего окна остановился и постучал. На крыльце появилась девочка лет двенадцати. Выслушав Доктора, она удивленно спросила:

— Тараканы? А что это такое? С крылышками и усиками? Значит, насекомое? У нас нет.

Наверно, девочке стало жаль пожилого человека, и она предложила:

— Может, божьи коровки годятся?

Доктор поблагодарил девочку, но от божьих коровок отказался. Шагая по дорожке между роз, он увидел ту самую старуху, которая его сюда направила. Рядом с ней стоял милиционер.

— Вот этот самый и есть, — сказала старуха милиционеру. — Подозрительный шибко, а что собирается сделать, никак не пойму. Японию расхваливал.

— Ваши документы, гражданин! — потребовал милиционер.

— Я доктор...

— Тараканов собирается лечить, — хихикнула старуха.

Милиционер бегло посмотрел паспорт и спросил:

— Зачем вам тараканы?

— Да рыбу ловить.

— Приехали к деду Савватию, а у него второй день живут дамы?

— Верно! А откуда вы знаете?

— Сходите на медпункт, там подтвердят, что кроме как у деда Савватия, тараканов у нас давно ни у кого нет. Только он их выводит. Почему? Чтобы продавать приезжим рыболовам. Живет один, целое хозяйство развел — подкармливает их. Все брал по пятаку за штуку,

а теперь гривенник сдирает. Спрос, говорит, растёт, а тараканы дефицитны. Но вы не расстраивайтесь. Пойдемте ко мне — подарю искусственных тараканов: из кусочков черного поролона и нейлоновой лески. Сам делаю — я ведь тоже рыбак. Язи на них клюют всюю. Только Савватию не рассказывайте: ведь он мне родным дядей приходится. Неисправимый он, годы, наверно, сказываются: ведь весной девятый десяток пошел. Дома у меня сейчас просторно: жена уехала лечиться, а сын в туристском походе, так что остановиться можете.

Доктор очень обрадовался и без конца благодарил милиционера. Вечером, едва милиционер ушел по какому-то вызову, со стороны огорода появился Савватий.

— Не хотел при Пашке заявляться — вечно он за тараканов меня пилит, даже оштрафовать грозился, — не поздоровавшись, начал дед. — А за что штрафовать? Я всей вашей рыболовной братии пользу приношу. Ты сам виноват — раньше надо было приезжать. Дамочки-то обскакали тебя. Но слово свое я помню, — он вынул из кармана штанов пузырек; в котором быстро-быстро ползали тараканы, торопливо добавил: — От меня. Без платы. Еще наловлю — принесу. Только дамочкам не говори.

Он ушел, не дослушав слова благодарности.

Как ни хороши оказались синтетические тараканы, на живых язь клевал лучше. На Бужу Доктор ходил вместе с Анной Андреевной и ее подругами. Ссориться им было не из-за чего.

СХВАТКА НА ВЕЛИКИХ ОЗЕРАХ

Трудно, даже невозможно рассказать о том, что переживаешь и чувствуешь у костра. Кажется, простенькое удовольствие — сидеть и слушать потрескивание, смотреть на язычки пламени, на то, как они там гаснут, а тут вспыхивают. Но это совсем не так! Если что и обладает колдовской силой, так это костер. Его пламя, его тепло, его уют успокаивают, умиротворяют, настраивают на доброжелательность, велят простить мелкие обиды, забыть колючки в характере друзей.

У костра есть что-то таинственное, приближающее нас к далеким-далеким предкам, для которых был он единственным источником тепла и света, самой надежной защитой от хищников, был тем центром, около которого протекала жизнь и семьи, и всего рода. Хранение огня яв-

лялось ответственной обязанностью, которую обставляли сложным ритуалом, доверяли самым надежным людям.

Атрибутом солдатской жизни был костер на фронте. Он обогревал солдат, порой спасал им здоровье, жизнь. Не всегда на привалах или в окопах находились дрова. Помню, в Присивашье мы бросали в костер курай — огромные шары сухой колючей травы, которую ветер катал по степи. Под Сталинградом в крохотный костерок шел трофейный порох, напоминавший по виду то макароны, то шайбы. Вспышки получались мгновенными, но мы успевали погреться, даже скипятить чай — пороху-то доставалось много.

Дважды в годы войны я побывал в тылу фашистов — более ста дней провел в лесах и болотах. И в каждый из этих дней я вместе с друзьями-солдатами разводил костер — без горячей пищи не проживешь. Мы не просто смотрели на костер, а любовались им, в душе благодарили его: бывало, поглядишь на него и откуда-то приходят новые силы. Тогда я научился в любую погоду разводить костры с первой спички и узнал, что они бывают разные: звездный, нодья, колодец, охотничий, пирамида. Каждый костер имеет свою «архитектуру» — в зависимости от того, в каких условиях и с какой целью его разводят: сварить обед, незаметно для врага обогреться или просигнализировать о себе. Пришлось усомниться в пословице: огонь без дыму не живет — можно под носом у врагов развести такой костер, о котором они и не догадаются.

Да что мой отряд — миллионам фронтовиков и партизан за военные годы довелось развести миллионы и миллионы костров. И они служили честно, будто стояли в одном строю с воинами, как, скажем, пушки или автоматы.

Костер и сейчас обсушит промокших в дождь, обогреет продрогших от холода, накормит проголодавшихся в пути, приютит уставших, даст им отдых. А рыбалка без костра — не рыбалка. Он манит к себе, собирает ее приверженцев, которые до него не были даже знакомы. Отказаться в месте у костра — значит выказать неуважение к человеку, обидеть его. Для новичков костер к тому же и академия. Около него от бывалых рыболовов они набираются ума-разума, услышат то, чего нет ни в одной книжке. Новички у костра узнают, к примеру, где пролегают рыбы тропы, знакомятся с гастрономическими вкусами голавля или леща, открывают для себя, что мощный хищник жерех и безобидная уклейка — члены одного семей-

ства. Так они познают природу, а от этого она им становится ближе и дороже.

Вдоль воды тянется широкая полоса молодого тальника. Ветки у него тонкие и гнутся под тяжестью листьев, а кора — зеленая-зеленая. Сразу же за тальником, поднимаясь по крутому берегу, вперемежку растут дубы и вязы. Они могучие и на тальник смотрят, как на луговую траву. Невдалеке от этих деревьев Антон Антонович развел костер. Сначала к нему подошли Аркадий Петрович и Доктор, а потом двое похожих друг на друга охотников — они невысокие, кряжистые и молчаливые. Ухи на всех не хватило, и Антон Антонович повесил над костром второй котелок.

Съев уху и похвалив щедрого повара, все занялись чаепитием. Потом, притихшие, довольные всем на свете (как мало человеку надо!), они повели, как водится, разговор о прошлых рыбалках и охотах, конечно же удачных. Даже тех, которые были тридцать или сорок лет назад.

— А мне у костра всегда вспоминается детство, — изменил тему Аркадий Петрович, развалившись на телогрейке и положив рюкзак под голову. — Пионерские лагерь в лесной глуши. Бывало, разведем на поляне костер, усядемся в кружок и песни поем. Иной раз уже отбой дан — спать пора, но и нам, и вожатым еще посидеть хочется...

— А мое детство в степной деревушке прошло, — поддержал артиста Доктор. — В ночное отправимся коней стеречь — без костра никак нельзя. Строгого распорядка у нас, конечно, не было, так мы у костра до самого рассвета сидели. И тоже песни пели...

Верно, у костра люди никогда не молчат: если не поют, то ведут степенные разговоры без начала и конца. Здесь можно услышать не только об успехах в рыбалке, но и последние международные новости, воспоминания о детстве, узнать о разных происшествиях, результатах спортивных соревнований — обо всем, вплоть до семейных неурядиц. Притом каждый говорит по доброй воле, о том и тогда, когда захочет.

Так было и на этот раз. Аркадий Петрович подбросил в костер березовый сучок и от пионерских костров перешел на свои заграничные поездки:

— В Соединенных Штатах после концертов у нас осталось два свободных дня. Все, что можно было осмотреть, я уже осмотрел, и мне очень захотелось половить

там рыбу — так сказать, последний пункт личной программы. В консульстве мне сказали, что, прежде чем ехать на рыбалку, нужно купить лицензию, и посоветовали обратиться в госдепартамент. А там чиновник разъяснил, что с такой просьбой надо идти... в суд.

— Может, они так хотели отделаться от тебя? — подковырнул Антон Антонович.

— Нет, сами американцы тоже разрешение в суде получают. Конечно, я отступать не стал и вместе с консульским работником отправился в судебное учреждение. В тот день там слушалось дело какого-то знаменитого гангстера, а потому было шумно илюдно. Чиновник, сидевший за высоким барьером — такие у нас можно увидеть в милиции, — на мою просьбу ответил, что разрешение ловить рыбу в Соединенных Штатах иностранцам не выдают. Он говорил это таким тоном, будто я просил у него пропуск на сверхсекретную военную базу или завод по производству крылатых ракет. Мой советский спутник поинтересовался, есть ли по такому поводу указания Белого дома или же это решение местных властей.

Чиновник не успел ответить: к барьеру подошли неизвестные нам люди, вмешались в разговор и потребовали у чиновника выдать лицензию. Выходило, что за моей скромной персоной кто-то малость подслеживал. Судебный чиновник сразу не сдался, ушел в соседнюю комнату, и было слышно, как он по телефону у кого-то просил разъяснений. Когда же вернулся, то спросил, помогу ли я в ответном порядке американским удильщикам, случись им быть в Советском Союзе. Я ответил, что в нашей стране оказать такую помощь не составит труда.

Чиновник недоверчиво посмотрел и поинтересовался: — У вас лично есть право выдавать лицензии?

— Нет, — ответил я, — у меня такого права нет. Но иностранец у нас может ловить рыбу без согласия судебных инстанций, разве что, как и все, уплатит за путевку, стоящую гроши.

Потешная физиономия была у американца в тот момент! На ней все можно было прочесть: недоумение, растерянность, удивление. С такой физиономией он и стал заполнять большой бланк, то и дело поглядывая на меня. Причина этого выяснилась только после того, как я посмотрел на бланк. Оказалось, в нем была указана не только моя фамилия, но и цвет волос и глаз, рост и даже особые приметы — родинка на левой щеке.

Но на этом еще все не закончилось. Выйдя из суда, я не успел сделать и нескольких шагов, как меня остановил элегантно одетый человек средних лет и представился Джоном Стаффордом, издателем какой-то небольшой газеты. Видимо, он в поисках развлекательного чтения для своих читателей и набрел на меня. Газетчик спросил, не хочу ли я поехать на Великие озера в его сопровождении. Я ответил утвердительно, тогда он пошел дальше и предложил устроить соревнование:

— Представьте, как это эффектно: русский коммунист против американского капиталиста!

— Но я окажусь в неравных условиях: вы знаете свои Великие озера, а я нет... Да и снастей у меня еще нет.

— Это не существенно, — рассмеялся американец. — Вы русский и, как все русские, наверно, хитрый и везучий. А снасти мы сейчас купим.

И он повел меня... куда бы вы думали? В ближайшую аптеку!

— Зачем? — невольно вырвалось у Доктора.

— Там в аптеках торгуют не только лекарствами, но и другими товарами, в том числе и рыболовными снастями. Ну, купили удище, моток лески и несколько крючков. Когда вышли из аптеки, я спросил американца: нельзя ли мне ловить на мормышку? Он хотел узнать, что это такое, и я нарисовал на листке из блокнота мормышку-капельку.

Стаффорд не скрыл удивления:

— Начинаются эти русские штучки! Неужели вы думаете, что я поверю, будто рыба ловится на кусок свинца?

— Так можно или нельзя? Если нельзя, то из соревнования ничего не выйдет.

— Можно, можно! Ловите хоть на водопроводную трубу!

Так господин Стаффорд сам наказал себя: мне-то было ясно, что он проигрывает.

Во дворе консульства я накопал червей, а умелец шофер помог сделать кивок и десяток мормышек. В два часа ночи, как и условились, американец на автомашине подъехал к гостинице, но не один, а в сопровождении автобуса, битком набитого репортерами. Репортеры спросили, что я хочу заявить перед состязанием. Я ответил, что полностью уверен в успехе. Затем меня попросили показать мои удочки, долго практиковались в произношении слова «мормышка».

— Неужели вы действительно собираетесь на это ловить?

— Только на мормышку!

Расспросы прекратились, но одна мормышка так ко мне и не вернулась — будто растаяла в чьих-то руках.

Перед рассветом автомашины остановились на берегу бухты. Я пошел по тропке, тянувшейся вдоль воды, подыскал хорошее место, надул резиновую лодку.

Через три часа ловля окончилась. К берегу я причалил одновременно с Джоном Стаффордом. Посмотрев на мой улов, он сказал:

— Пять ноль в вашу пользу.

Репортеры много раз фотографировали меня, моих окуней, нас вдвоем с Джоном Стаффордом и, откровенно говоря, порядком надоели.

— Больше не довелось с ним встречаться? — спросил Антон Антонович.

— Нет, но на другой день я получил от Стаффорда пачку газет. Никак не мог подумать, что наша рыбалка привлечет такое внимание прессы! Каких только заголовков не дали: «Русский ловит на свинец», «Посланец Советов победил американца» или даже «Матч США — СССР»! На первой полосе газеты самого Джона Стаффорда был помещен рисунок — мормышка величиной с кулак, а на ней надпись: «Сделано в СССР». А статья называлась так: «Еще одно секретное оружие русских». Никто из репортеров не допускал мысли, что виновницей моего успеха стала мормышка. Впрочем, теперь и она, наверно, не может помочь.

— Это почему же?

— Газеты постоянно сообщают, что Великие озера окончательно отравлены промышленными стоками.

Когда Аркадий Петрович окончил рассказ, небо уже посветлело. Мы съели по вареному окуню, выпили по кружке чая и — одни со спиннингами, другие с удочками — пошли к лодкам. Начался еще один радостный день в нашей жизни.

ЛУПА ДЛЯ ЛЕЩА

Однажды, спеша на работу, я чуть ли не вбежал в кабину лифта. Уже хотел было закрыть ее, но в этот момент, оттолкнув меня, ворвался невысокого роста человек в светлом костюме. В руках он держал огромный портфель. Я секунду подождал извинения, потом...

чем, не буду передавать, что я тогда сказал, да и редактор эту деталь обязательно выбросит.

Лифт остановился, я стал открывать дверь и уронил книжку, купленную после почти пятилетних поисков. Мой невежливый сосед по лифту посмотрел на нее, заискивающе улыбнулся и сказал:

— Да, конечно, я хулиган. Как вы еще называли меня? — Он поднял книжку, бегло просмотрел ее и протянул руку. — Извините меня, пожалуйста. Давайте познакомимся: архитектор Никифор Гаврилович. Где вы купили эту прелесть?

Так он назвал книжку, изданную, когда я еще не появился на свет, и посвященную ловле сома на квок. Я стал догадываться о причине так изменившегося поведения этого человека. Однако на всякий случай все же спросил:

— Вы увлекаетесь рыбалкой?

— Это моя одна, но пламенная страсть. Каждую рыбалку я переживаю трижды: сначала — когда готовлюсь к ней, затем — когда бываю на ней, и потом — когда вспоминаю.

— Извините и вы меня, пожалуйста.

Я подарил ему книжку, хотя, конечно, расставаться с ней очень не хотелось. А он вынул из кармана оклеенную кожей коробочку, раскрыл ее, и я увидел луну в позолоченной оправе, лежащую на бархате.

— На память о знакомстве, — сказал архитектор, протягивая это произведение ювелирного искусства.

Луна мне была совершенно ни к чему, но я все же взял ее. С того дня мы стали встречаться и звонить друг другу по телефону. Через месяц вместе поехали на рыбалку. Мне хотелось узнать, кто он: лещатник, сазанятник или представитель низших каст — какой-нибудь ершатник? Разумеется, отправились на Истру, так богатую лещем и так хорошо мне знакомую. С ней связано столько воспоминаний! Здесь было немало дней, когда я кончал ловить, хотя клев продолжался. Бросал потому, что в садке лежала норма — пять килограммов.

Однако в тот день лещ с утра не клевал. Совсем. Как в воду канул. Никифор Гаврилович мог подумать, что приехал на пустую воду, поэтому я сказал:

— Правда, по здешним берегам нога рыболова уже ступала, но леща тут — хоть пруд пруди.

— Рыба в воде — еще не рыба. Это даже неизвестно что. Рыба — то, что в садке.

Какая глубокая философия! Правда, однажды какой-то

философ-пессимист сказал более мудро: как нельзя в одну реку войти дважды, так нельзя из одной реки поймать двух рыб.

В полдень проплывавшая мимо лодка остановилась около нашей, и сидевший в ней парень в туристской штормовке спросил:

— Щука у вас леску не обрывала?

— Нет, а что? — заинтересовался Никифор Гаврилович.

— Значит, это не ваш товар. — И парень приподнял над лодкой огромную щуку, с нижней челюсти которой свисали разноцветные блесны.

Щука была хороша, но Никифор Гаврилович пошутил:

— А что ты хвалишься? Вот я в прошлое воскресенье поймал щуку, так только фотография ее весила пять килограммов.

Парень улыбнулся. Я спросил его:

— Может, дашь хоть одну?

— Щуку?

— Нет, блесну.

— Да бери все — я кружками ловлю.

Но когда я рассмотрел блесны вблизи, то не выбрал ни одной. Даже удивительно, как щука могла позариться на них. Видать, она не знала, что лучшие блесны изготовляют не на заводах, а дома, точнее говоря, на кухне.

Прошло уже четыре часа, как мы ждали клева.

— Нам бы хоть одного поймать, — уже который раз повторял эти слова Никифор Гаврилович.

Я долго не мог понять их смысла: какой может быть толк от одного леща на двоих? Но вот наконец поплавок на моей удочке приподнялся и лег на воду — заветная поклевка!

Через минуту лещ был в лодке, и Никифор Гаврилович протянул за ним руку. Не знаю почему, но я послушно отдал свою добычу. Когда же я снова забросил свою удочку, то увидел, что в одной руке архитектор держит лупу, в другой нож и кончиком его ковыряется в распоротом животе леща.

— Вот кузнечик, вернее, его задняя лапка, — бормотал он. — Это какие-то семена, а все остальное — ручейник. На него и надо ловить.

Нельзя сказать, что я обрадовался этому открытию: ручейника у нас не было, да и сниматься с места не было охоты. Вскоре я поймал еще одного леща, анализ его кишечника тоже показал: нужны ручейники.

— Вон там, наверно, можно брать, — настойчивее предложил Никифор Гаврилович и показал удилищем на балочку, по дну которой тек ручеек.

Мы подняли якоря и подвели лодку к балочке. Здесь мы действительно нашли личинок ручейника. Вот тогда и начался для нас настоящий клев!

Однако, как у всего на свете, у рыбалки тоже бывает конец. Не дожидаясь вечера, мы направили свою лодку к базе.

— Между прочим, та луна, которую я тебе подарил, сильнее моей. Рассматривать через нее насекомых значительно легче, — сказал уже на берегу Никифор Гаврилович.

Я признался, что первый раз в жизни ловил леща с помощью луны, но, чтобы архитектор не очень задавался, добавил:

— У тебя что же, есть вторая профессия, ты энтомолог?

— Представь себе, нет. Просто я чуточку наблюдательный.

Это «чуточку» прозвучало как «очень», к тому же получалось, что наблюдательность — добродетель, свойственная не всем. Я уже хотел было сказать что-то резкое, но вспомнил, как состоялось наше знакомство в кабине лифта, и смолчал.

Так кем же оказался Никифор Гаврилович? Лещатником, а точнее говоря, на ступеньку выше — мастером ужения суперлещей. Что это такое? Рыба, которую ни в сказке сказать, ни пером описать.

ГОЛАЯ МОРМЫШКА

В наш век научно-технической революции чего только не происходит! То и дело люди летают в космос. Куда ни глянешь — всюду компьютеры. В общем, это такой век, что как подумаешь, то оторопь берет.

Конечно, рыболовный спорт не может стоять на обочине прогресса — он тоже стремится вперед, ввысь, вглубь. Взять, к примеру, такую проблему, как поиски новых насадок. Может быть, вы скажете, что тут уже все открыто и ничто новое придумать нельзя? Или скажете, что, к примеру, мотыль можно и на крючок насаживать, да еще и прикармливать им? Однако так говорят лишь либо новички — неофиты, либо ретрограды. Любой же уважаю-

щий себя рыболов неукоснительно придерживается всеками проверенного правила: насадка должна быть вкуснее прикормки. Только в этом случае рыба обратит на нее внимание и в зависимости от времени суток сделает своим завтраком, обедом или ужином. Если же на крючке висит то же самое, что лежит рядом с ним, рыба посмотрит на ваш крючок разве лишь случайно...

Поиски новых насадок все члены великого племени, как рыболовов назвал Аркадий Гайдар, ведут планомерно, а также коллективно. Этим и объясняется успех.

Однажды приехавший к брату на отдых прапорщик Исай Платонов лежал под яблоней в саду и отдыхал после сытной ухи. Неожиданно с одной из веток упало яблоко и, ударившись об его голову, раскололось. Он посмотрел на половинки и обомлел: по одной из них неторопливо ползла плодожорка — светлая личинка с небольшой темно-коричневой головкой.

Будучи человеком достаточно оперативным и сообразительным, Исай тут же схватил свою самую лучшую удочку и помчался на пруд. Несмотря на полуденную жару и плохие показания барометра, поплавок вскоре нырнул, и прапорщик вытащил карася — из тех, которых называют приличными, хотя караси всех параметров вполне приличны. Прапорщик опять помчался — теперь уже обратно, в сад, и стал искать яблоки с дыркой, по-научному — отверстием. Однако таких удалось найти только пяток. На них он поймал еще пять карасей. Затем пошел к владельцам соседних садов и стал кланяться продырявленные яблоки. Ему дали несколько штук и насторожились: почему это он выпрашивает червивые яблоки, если у брата хороший сад?

Началась слежка, и вскоре Исая Платонова разоблачили. После этого все рыболовы поселка стали выезжать на свой пруд с яблоками, попорченными плодожоркой. Они развили его почин — путем творческого поиска открыли, что на эту личинку губа не дура не только у карася, но и у окуня, плотвы, леща, густеры, уклейки и красноперки.

Ресурсы плодожорки оказались небольшими, и как насадку ее признали неперспективной. Дело в том, что эта гусеница появляется лишь в результате нерадивости садоводов. Кое-кто из энтузиастов, в свободное от рыбалок время занимающихся садоводством, высказал мысль выделить несколько яблонь и не обрабатывать их ядохимикатами, в результате чего плодожорки на них разве-

дуются в неимоверном количестве. Но осуществить этот новаторский замысел не удалось: против него восстали не только все члены семейств, но и соседи. Они даже пригрозили подать в суд и доказать, что рыболовы заодно с вредителями садов, что они в своем слепом увлечении ведут дело к нарушению экологического равновесия.

Один из известных рыбаков хутора Сидоровки, последователь прапорщика, вспомнил, что дырочки бывают не только на яблоках, но и на желудях. Он отправился в ближайший лес, нашел вековой дуб, под ним желудь и, к своему удовольствию, убедился, что в нем оказалась дырка, а в дырке — личипка, на которую тоже клюет любая рыба. Однако дубы растут далеко не в каждом лесу, к тому же зимой желуди надо искать под снегом, а он покрывается настом.

Поэтому поиск новых насадок продолжили. Из всех его участников особенно отличился палеоэнтомолог-теоретик Иван Бурьяновский, сделавший, можно сказать, рыболовное открытие века. Однажды он искал червей на какой-то свалке, но не нашел ни одного — свалка оказалась настолько неаккуратной, что не понравилась даже червям. Уходя, Иван увидел, что к штанам прицепилось пять шишек репейника, а отрывая их, заметил, что некоторые семена в них будто склеились по несколько штук. Он расщепил их и увидел маленькие личинки светлого цвета. Насадочные качества этих личинок ему не стоило труда проверить в первое же воскресенье: они оказались выше самых лучших предположений. В следующую пятницу Иван опять приехал на свалку, но увидел огромную стаю щеглов, которые дружно щелкали репейные зернышки. Палеоэнтомологу-теоретику ничего не досталось, пришлось ехать на другую свалку. Здесь он тоже встретил конкурентов, но уже в виде косяка... рыболовов. Они каким-то образом узнали про открытие века и сейчас заканчивали прочесывание бурьянных джунглей. И без проверки стало ясно, что во всех других местах картина будет такой же.

Палеоэнтомолог-теоретик уже стал отчаиваться, но нашел неожиданного утешителя. Сын Петька однажды ему сказал:

— И дались тебе эти колючки — в стволе тоже личинок много.

Откуда Бурьяновский-младший узнал о них, он так и не сказал, несмотря на многократные расспросы. Отец стал осмотрительнее: на свалки проникал ночью, резал

стволы репейника на части и укладывал в рюкзак. Теперь отличной насадки у него стало вдоволь, и опасаться конкурентов не приходилось.

Но по его следам шли последователи: они открыли, что очень вкусная личинка водится в стебле лебеды.

Удильщики, конечно от имени рыбы, в один голос хвалили все эти личинки и горевали по поводу того, что их можно достать только зимой — летом они порхают в виде мух или бабочек. И поиски опять продолжили — необходима была насадка, пригодная и летом, и осенью, и зимой, и весной.

И что вы думаете — нашли такую. Ею оказался... бисер, тот самый, про который в Большой Советской Энциклопедии сказано: «Украшения из бисера — ожерелья, браслеты и др. — имели большое распространение еще у древних египтян». Да что БСЭ — про него даже в Библии упомянуто: «Не мечите бисера пред свиньями да не попрут его ногами». Подумать только: прошли века, и никто не знал, что о бисере мечтает рыба! Лишь современный рыболов — инициативный, находчивый и образованный — не только познал эту скрытую возможность бисера, но и поставил ее себе на службу: бисеринки начали надевать на крючок мормышки вместо, скажем, червя или мотыля.

Мы с Доктором не сомневаемся, что последнее открытие принадлежит Анне Андреевне. Но, как и все женщины, будучи скромной, она сделала так, чтобы в анналах рыболовного спорта ее фамилия не фигурировала. Зато в этих анналах остались фамилии тех, кто, не вылезая из-за письменного стола, стал не только ловить на бисер, но и обобщать свой «опыт». Они всему миру сообщили, что плотве нравится, если на крючок мормышки надеты зеленая и красная бисеринки, а окуня прельщают белая и черная. Благодаря этим же знатокам нам стало досконально известно, что бисер уважают лещ, ерш, красноперка и их собратья.

Но и у бисера при всей его универсальности есть уязвимое место: даже не все любительницы рыбалки имеют его в достаточном количестве, а каково остальным? Ведь узнав, что рыба клюет на бисер, наши жены, сестры, тещи и бабушки далеко упрятали все им расшитое.

Впрочем, бисерный голод продолжался недолго. Директор какого-то стекольного завода, сам влюбленный в рыбалку, развернул было производство этого модного товара, даже завалил им галантерейные магазины, лавочки и ларьки. Но, как всегда, сделал это поздно: громкая сла-

ва бисера к тому времени уже закатывалась. Был открыт его вполне полноценный заменитель: кусочки мелко нарезанной изоляции провода. Она тоже бывает самого различного цвета, и ее, как бисер, стали надевать на крючок мормышки. Можно, скажем, на два кусочка ловить хоть всю жизнь — рыба не сможет их содрать, они не испортятся даже при хранении в кислоте.

Казалось, достигнут предел совершенства в области насадок: что может быть лучше — дешевенькая резина заменяет червя, мотыля, опарыша, ручейника и т. д., и т. п. И все же ее стали критиковать. Например, некоторые знатоки говорили, что вкусы рыбы со временем изменяются. Сегодня, скажем, пескарю подавай такой-то набор цветов, через неделю — совсем другой, а ведь кроме пескаря много других рыб. Из школьной алгебры мы знаем, какое великое число сочетаний для всего этого потребуется.

Но куда было дальше идти прогрессу? И вот среди ясного неба грянул гром: надо ловить... без насадки, без всяких ее заменителей — на совершенно голую мормышку!

Этот способ стал революцией в ужении. Зачинателем ее справедливо называют полковника М. А. Слепухина. Сначала за ним шли одиночки, потом двинулись целые подразделения. Вы, наверно, скажете, что рыба не дура, чтобы вместо червячков и букашек глотать свинец? Да, в это очень трудно поверить, и тем не менее она как миленькая именно так и поступает!

Я не знаком ни с Исаем Платоновым, ни с Бурьяновским, ни с другими прославившимися изобретателями модерновых насадок. А вот Слепухина знаю хорошо. Мой долг — рассказать о нем, хотя бы коротко, но серьезно.

...В этом рыболовном коллективе соединились пожилые, заслуженные люди: офицеры и генералы в отставке. Раз в месяц они собираются в доме, что стоит в глубине одного из тихих московских переулков. Они приходят сюда, чтобы послушать лекции профессора-биолога, рассказы своих товарищей по увлечению об их опыте ужения судака или карася, посмотреть фильм, снятый кем-нибудь из членов коллектива на дальней рыбалке.

Вот здесь и выступил полковник в отставке Слепухин — седой высокий человек с множеством орденских планок. В его облике, интонациях и жестах чувствовались мягкий характер, скромность, благожелательность и тактичность. Он очень походил на педагога старой выучки,

хотя вся его жизнь связана с армией. Так я с ним познакомился.

Сколько лекций о том, как ловить без насадки, прочитал он после этого! Кого только не было среди его слушателей: профессора музыки и токари-скоростники, генералы и сержанты, артисты и дворники, домохозяйки и управляющие трестами. Если считать, что каждый из них обучил десять человек тому, чему сам учился у седого полковника, то их насчитается, наверно, много тысяч, а если учесть, что он выступал и в печати, то счет учеников можно вести на сотни тысяч...

Сын крестьянина Акима Слепухина из Хвощевки, что на Брянщине, Михаил уже в шесть лет пристрастился к рыбалке. Сначала ловил рыбешек выпрошенным у матери решетом, а когда стал постарше — удочкой. Правда, вместо лески была нитка, а вместо крючка — согнутая булавка.

Шли годы. Где бы ни служил Слепухин, он все свободное время отдавал рыбалке, став ее большим мастером.

В тот день он ловил на Большой Волге — так столичные рыболовы называют низовую часть Московского моря. Мотыль вскоре кончился, и, казалось, рыбалку надо прекращать. Но Слепухин заметил, что окуни садятся и на голую мормышку. Потом они перестали интересоваться этой «приманкой», но через час поклевки возобновились. В чем дело? Полковник долго экспериментировал и наконец установил: если мормышке придать 250—350 колебаний в минуту, рыба станет клевать, хотя насадки и нет. Много раз проверял он свой вывод и каждый раз приходил к одному и тому же результату. Только после этого он стал рассказывать о своем методе друзьям, всем интересующимся.

Для нового способа ужения потребовалась и новая снасть — крохотный удильник особой конструкции. Слепухин изготовил их много и стал мастером обработки дерева, металла и пластмассы. Когда смотришь на изготовленный им набор снастей, то невольно думаешь: они вышли из рук ювелира. Каждая деталь сделана очень тщательно. В набор, уместающийся в коробочке размером с портсигар, входят два удильника, кивки из тонкой стальной проволоки, мормышки в виде капельки, три катушечки, три мотовильца, миниатюрный ножичек, брусочек для точки крючков. Полковник изготовил много таких наборов. Куда только он не отправлял их своим неизвестным друзьям: в Ригу, Беломорск, Ленинград, Куйбышев,

Свердловск, во многие другие большие и малые города. А сколько писем он отослал тем, кто спрашивал его о разных тонкостях ловли без насадки...

Если вы думаете, что дальше идти некуда, то глубоко ошибаетесь! Вопрос лишь в том, кто подхватит из рук Слепухина эстафету.

ЗОЛОТАЯ ЩУКА

Еще давно, сразу после того, как я поймал первую в своей жизни уклейку, мне захотелось сказать несколько слов по адресу тех отечественных и зарубежных злостных выдумщиков, которые ни разу не держали в руках удочку, но обвиняют нас, бескорыстных любителей уженья, в хвастовстве, суетности и других неискупимых грехах.

Вспомните, пожалуйста, сколько раз вам доводилось слышать, что, мол, рыбаки, мягко говоря, несколько преувеличивают свои уловы, а попросту говоря — врут? Особенно потешаются над тем, как мы определяем размеры пойманных рыб или валовой вес улова.

Я полностью уверен, что, кому бы ни поручили расследование таких случаев хвастовства — деревенскому детективу Анискину или лучшим специалистам Интерпола, — они обязательно придут к выводу: виноваты в них рыболовы-профаны да в очень редких случаях новички. А какой с них спрос?

Откуда у меня такая уверенность? Я знаком почти с двумя сотнями настоящих любителей рыбалки, доводилось вместе сидеть в лодке или на берегу еще с тремя сотнями коллег. Со всей ответственностью заявляю: все они кристально честные люди, все испытывают отвращение к вранью.

Был такой случай. Вместе с Антоном Антоновичем я отдыхал в деревушке, раскинувшейся на берегу речного залива. С первой рыбалки вернулись, когда уже стемнело. Увидев пяток наших плотвиц, хозяин сказал:

— Вот мой сосед сегодня поймал так поймал: сома почти на пуд!

— Не сосед, а его постоялец — он из нашей компании, — поправил Антон Антонович.

— Ну это не важно, кто именно поймал.

— И не сома, а леща, — опять заметил Антон Антонович.

— Это не существенно.

— И не пудового, а только на три килограмма, — последовало новое уточнение.

— Все равно не чета вашим малявкам!

— А ты видел того леща? — спросил Антон Антонович.

— Нет, а что?

— А то, что и твой сосед, и сам рыболов его тоже не видели — лещ оборвал леску.

А другой раз было еще хлеще. Мы возвращались с рыбалки. В ведерке плавали три ершишки — утренний улов на двоих. По дороге догнали двух дачников. Один был худой-худой и очень высокий, а другой — небольшого роста и толстый-толстый. Посмотрев на ершишек, худой спросил толстого:

— Видишь, карпов наловили? Только уж очень маленькие. Вот я в прошлое воскресенье поймал — по кило каждый, а может, и больше. А какие они живучие! Целые сутки домой добирался и все-таки привез живыми.

— Это что! — отозвался толстый. — Я из отпуска трое суток вот этих же, как они... карпов вез, на стол положил, а они давай хвостами бить.

— Подумаешь! Я своих выпотрошил, головы отрезал, а они все еще подпрыгивали.

— Ничего удивительного! — не сдавался толстый. — Моя жена жареных подавала на стол, а они того — со сковородки прыг!

К чести худого скажу: он не сообщил, что съеденные им карпы шевелились в желудке.

Это — образцы, так сказать, безобидного вранья, смешного и наивного. К сожалению, оно отнюдь не всегда бывает таким.

Мы возвращались с Полоновского плеса Селигера в Осташков — столицу рыболовно-туристского края. Был прекрасный вечер — теплый и тихий. Все пассажиры катера собрались на палубе. Какой-то русоголовый царень из местных жителей рассказывал туристу, сидевшему на огромном рюкзаке:

— В соседней деревне москвич с друзьями отдыхал, спиннингист — он специально приехал щук ловить. У него золотая блесна была — большая и тяжелая.

Услышав это, все насторожились, а особенно, наверно, мы с Антоном Антоновичем.

— Щук он наловил — уйму. Одна попалась очень большая и оторвала ту блесну. Ну он, конечно, горевал сильно — золотая ведь. А его друзья стали гоняться за той

щукой. Когда об этом узнали мы, тамошние рыбаки, тоже в дело включились. Надежда у нас была большая — ведь места-то знаем хорошо. И все в ход пустили: жерлицы, кружки, живцовые удочки, донки. У троих наших есть маски и подводные ружья. Они, конечно, в воду полезли. Неделя так прошла, рыбы наловили порядком, а золотая щука так никому и не попалась. Она, видать, не только огромная, но и хитрющая.

— Так и не поймали? — удивился турист.

— Да как же ее поймаешь, если она, может, по всему Селигеру за мелочью гоняется!

— Брехня все это! — с негодованием сказал Антон Антонович.

— Почему вы так говорите? — обиженно спросил парень.

— Да потому, что «золотую» блесну придумал Тимофей Павлович, у которого я жил. Два раза предупреждал его: не распространяй слухи — блесна у меня не золотая, а золотистая — окрашена так. Он оба раза обещал и все равно брехал. Ведь он всех вас надул. А зачем так сделал? Наверно, чтобы похвалиться: вот, мол, какой у меня постоялец — у него даже блесна золотая. А она 14 копеек и стоит всего.

Парень закурил папиросу и начал оправдываться:

— Новый он у нас, Тимофей-то. Разве сразу человека узнаешь...

В действительности же, как подтвердит любой удильщик, почти на каждой рыбалке у нас случается что-то интересное и неожиданное, а порой из ряда вон выходящее. Истинному рыболову приходится рассказывать об этом только людям, которых он хорошо знает. Почему? Да потому, что те, кто досыта наслушался вранья о поимке огромных рыб, могут ему и не поверить...

Так миру и остаются неизвестными удивительные истории, которыми так богата рыбалка. Чтобы их узнать, остается один путь: самим устремляться к рыбацкому ко-стру, отыскивать свой остров Буян.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

На близких и далеких плесах

Скажи мне, кто твой друг	3
Грузила из пуля. <i>Память о минувшем</i>	10
И грохот не помеха	15
Охота на сазана	16
Остров Буян	22
Иней	26
На лесном затоне	30
Лещевая свадьба	35
Премудрый	43
Летняя метель	45
«Судили меня не по правде...»	49
Профессор и дворник	53
Марена и концерт	58
Выпь кричала трижды	70
Два июля	77
Опыт разведчика	85
Отшельник	86
На дальнем плесе	94
Едровские тугодумы	102
Черти на болоте	105
На речке Золотице	112
Еще одна встреча с кумжей	120
Яркая бабочка Нялъявра	131
Домик в тундре	136
Северная царевна	140
Соловки	145
Речной тигр	156
Спит ли вимой карась?	160
Рыбалка красна не одним уловом	164
Плавающие острова	170
Окуновое сальдо	1 3
На Плещеевом озере	179

Какое море лучше?

«Бычки! Бычки!»	184
Луфарь	188
За ставридой	191
Кольчатые драгоценности	194
«Васек» и Васьки	200

	<i>Стр.</i>
Забытые рыбы	203
«...Которую в Кастилии называют абадехо»	210

На веселых волнах

Ихтиотерапия	214
Идеальная жена	218
Заблуждение неопфита	225
Любочка и Леонид Павлович	228
Дефицитный таракан	233
Схватка на Великих озерах	238
Лупа для леща	243
Голая мормышка	246
Золотая щука	252

Яков Емельянович Киселев

ОСТРОВ БУЯН

Рассказы, очерки

Редактор Г. П. Филиппов

Художник Н. К. Кутилов

Художественный редактор Г. В. Гречиго

Технический редактор М. В. Федорова

Корректор Е. А. Борискина

ИБ № 2745

Сдано в набор 13.11.86. Подписано в печать 17.02.87. Г-12138.

Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая.

Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,76. Уч.-изд. л. 14,75.

Тираж 65 000 экз. Изд. № 4/980. Зак. 239. Цена 1 р. 10 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

1-я типография Воениздата.

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

1 р. 10 к.

